

MIESIĘCZNIK
POŁOCKI.

Tom I
Rok 1818.

№ 3(75), 2025

*«Вестник Полоцкого государственного университета»
продолжает традиции первого в Беларуси литературно-
научного журнала «Месячник Полоцкий».*

ВЕСТНИК ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия А. Гуманитарные науки

В серии А научно-теоретического журнала публикуются статьи, прошедшие рецензирование, содержащие новые научные результаты в области истории, литературоведения и языкознания.

ВЕСНІК ПОЛАЦКАГА Дзяржаўнага ўніверсітэта
Серыя А. Гуманітарныя навукі

У серыі А навукова-тэарэтычнага часопіса друкуюцца артыкулы, якія прайшлі рэцэнзаваанне і змяшчаюць новыя навуковыя вынікі ў галіне гісторыі, літаратуразнаўства і мовазнаўства.

HERALD OF POLOTSK STATE UNIVERSITY
Series A. Humanity sciences

Series A includes reviewed articles which contain novelty in research and its results in history, literary studies and linguistics.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования.
Электронная версия номера размещена на сайте: <https://journals.psu.by/humanities>

Адрес редакции:
Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, 211440, Беларусь
тел. + 375 (214) 59 95 41, e-mail: vestnik@psu.by

Отв. за выпуск В.Е. Овсейчик.
Редактор И.Н. Чапкевич.

Подписано к печати 30.07.2025. Бумага офсетная 80 г/м². Формат 60×84¹/₈. Ризография.
Усл. печ. л. 11,62. Уч.-изд. л. 12,89. Тираж 50 экз. Заказ 282.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 904:739.1(476.5-21)"10/12"

DOI 10.52928/2070-1608-2025-75-3-2-6

**ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ НОЖЕЙ X–XII ВВ. С ТЕРРИТОРИИ
МОГИЛЁВСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ ПО ДАННЫМ МЕТАЛЛОГРАФИИ**

*канд. ист. наук, доц. И.В. МАГАЛИНСКИЙ, канд. техн. наук, доц. О.П. ШТЕМПЕЛЬ
(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)*

И.В. ТЕРЕНТЬЕВ
(Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова)

В статье представлены результаты металлографического исследования структур 11 ножей X–XII вв. из материалов археологических работ на территории отдельных памятников Могилёвского Поднепровья (Друцк, Старый Шклов, Мстиславль). Изучение образцов проводилось по стандартной методике в лаборатории материаловедения Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой. В результате установлено, что наибольшее распространение в выборке получили изделия, изготовленные с помощью технологической сварки – трехслойного пакета и наварки стального лезвия на железную основу. Преобладание пакетирования при изготовлении исследованных ножей подтверждает датирование образцов преимущественно X–XII вв.

Ключевые слова: археология Беларуси, история древней технологии, археометаллургия, кузнечное ремесло.

Введение. Черная металлургия и металлообработка являлись важнейшими отраслями хозяйственной деятельности населения Беларуси эпохи Средневековья. Получение и обработка железа и стали – это сложные технологические процессы, которые требовали от ремесленников глубоких знаний в области химико-физических свойств материала и его поведения под воздействием высоких температур. Для обработки железа и сталей применялись самые передовые приёмы, что позволяет рассматривать степень развития кузнечного ремесла в качестве важного индикатора общего уровня производства в древних обществах.

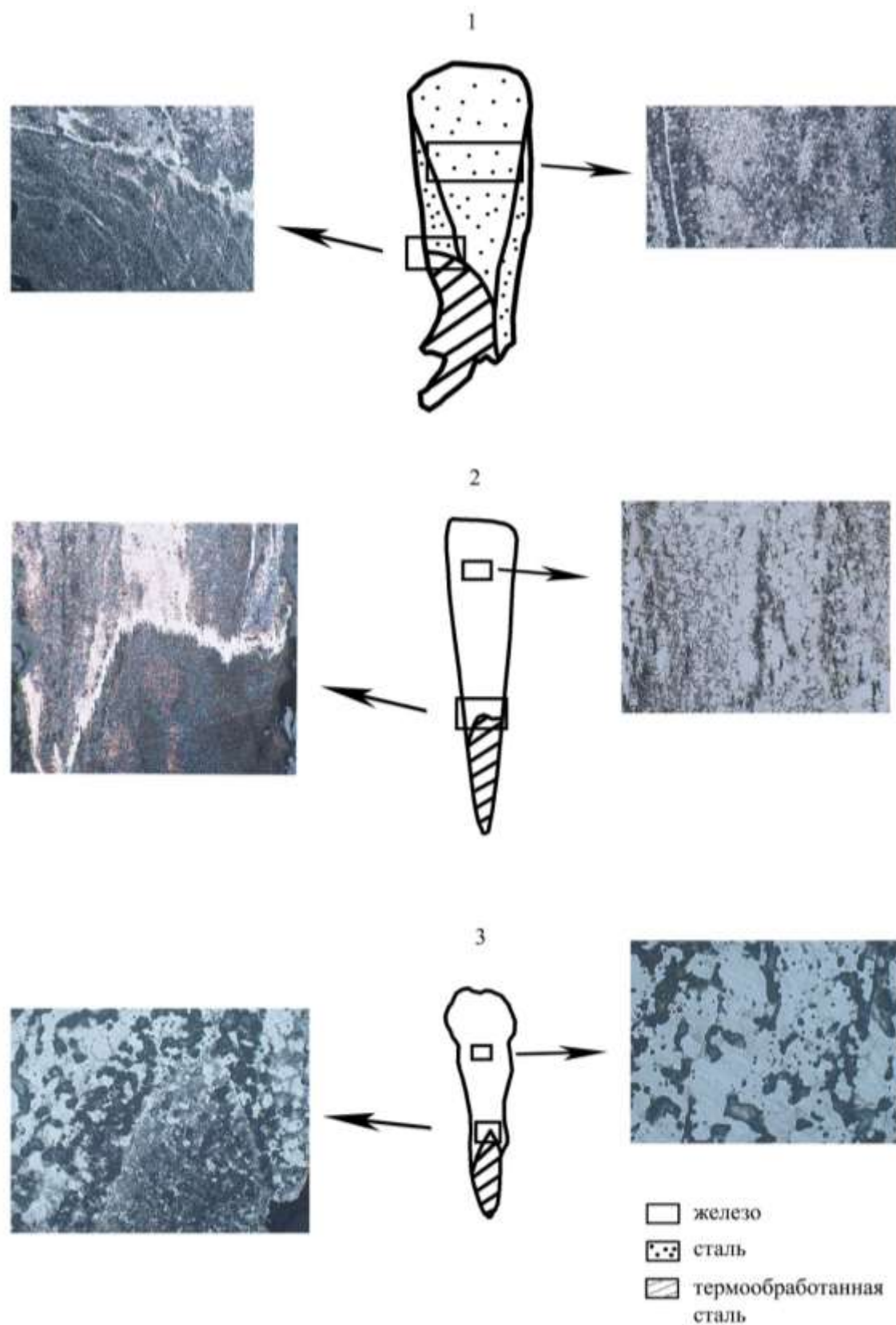
Предметы из черных металлов обслуживали практически все сферы повседневной и производственной жизни средневекового человека, что нашло отражение в значительном разнообразии ассортимента продукции кузнечного ремесла, встречаемого в ходе археологических исследований. На современном этапе развития археологической науки все большее значение приобретает всестороннее изучение археологических артефактов из железа и стали, в том числе с использованием междисциплинарных подходов. Исследование структуры и химического состава кузнечной продукции позволяет расширить наши представления о происхождении ремесленных традиций, особенностях местного производства, специфике изготовления отдельных категорий изделий.

В настоящее время основным методом изучения технологии изготовления продукции кузнечного ремесла является археометаллография, которая предполагает проведение микроанализа металлов и сплавов, заключающегося в исследовании строения (структуры) металла с помощью оптического или электронного микроскопа [1, с. 20]. Строение металлов и сплавов, наблюдаемое при помощи микроскопа, называется микроструктурой. Между микроструктурой металлов и их свойствами существует четкая связь. Микроанализ позволяет определить количество фаз и структурных составляющих образца, установить форму и размеры отдельных зерен, их содержание, относительное расположение, выявить имеющиеся включения и дефекты, судить о предшествующей обработке (деформирование, термическая обработка) [2, с. 7].

Основная часть. В настоящей статье приводятся результаты металлографического изучения 11 ножей X–XII вв., происходящих из материалов археологических исследований на территории Могилёвского Поднепровья (Друцк, Старый Шклов и Мстиславль) (рисунки 1–2; таблица 1). Ножи являются одной из наиболее распространённых категорий артефактов в культурных напластованиях средневековых поселений и представляют собой ценный источник для изучения кузнечного ремесла, так как при их изготовлении мастерами применялись наиболее передовые технологии своего времени.

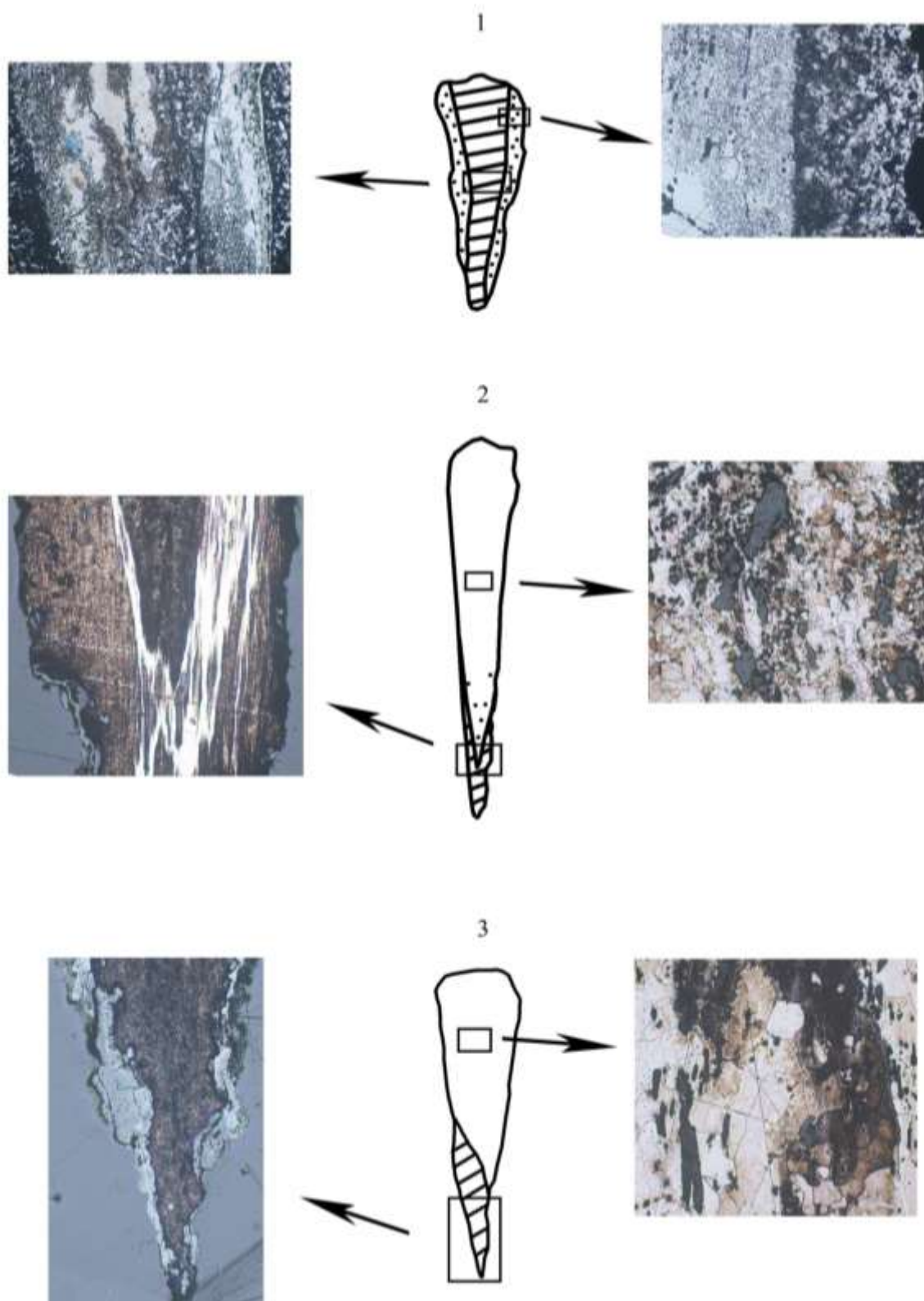
Артефакты из Друцка получены в результате раскопок Л.В. Алексева. Коллекция практически полностью депаспортизирована, однако по сохранившимся маркерам удалось установить, что материалы были обнаружены в ходе раскопок 1958 и 1960 годов. Шкловские ножи обнаружены в ходе археологических исследований И.А. Марзалюка на городище Старый Шклов в 2011 году. Ножи из Мстиславля получены в результате археологического надзора на территории Замковой горы в 2023 году.

Согласно типологии А.Е. Леонтьева друцкие ножи относятся к отделу II типам 1 и 2 и датируются исходя из соотношения ширины лезвия к толщине обуха X–XII вв. Ножи из Старого Шклова и Мстиславля относятся к отделу III типу 2, данный тип является наиболее массовым на территории Поднепровья, возник в VIII в. и существует на протяжении всего периода Средневековья изменяясь в основном в соотношении ширины лезвия к толщине обуха [3; 4, с. 196–198].

- 1 – трёхслойный пакет с наварным стальным лезвием, увеличение фото $\times 50$;
 2 – железо с наварным стальным лезвием, увеличение фото $\times 50$;
 3 – железо с вварным стальным лезвием (трёхслойный пакет), увеличение фото $\times 50$

Рисунок 1. – Технологические схемы и фотографии микроструктур ножей X–XII вв. с территории Могилёвского Поднепровья

- 1 – трёхслойный пакет, увеличение фото $\times 50$;
 2 – железо с наваренным стальным лезвием, увеличение фото $\times 50$;
 3 – железо с наваренным стальным лезвием, увеличение фото $\times 50$

Рисунок 2. – Технологические схемы и фотографии микроструктур ножей X–XII вв. с территории Могилёвского Поднепровья

Таблица 1. – Результаты металлографического исследования ножей X–XII вв. с территории Могилёвского Поднепровья

№ п/п	Шлиф	Дата	Место обнаружения	Твердость	Тип	Технологическая схема
1	шлиф 1, полевой № 8	X-XII вв.	Друцк	130,54 HV (основа)	отдел II, тип 1	Трёхслойный пакет
2	шлиф 2, полевой № 19	X-XII вв.	Друцк	87,6 HV	отдел II, тип 1	Железо
3	шлиф 2, полевой № 5	X-XII вв.	Друцк	основа – 160,9 HV, лезвие – 312,8 HV	отдел II, тип 1	Трёхслойный пакет с наварным стальным лезвием (рис. 1: 1)
4	шлиф 3, полевой № 4	X-XII вв.	Друцк	основа – 400,4 HV, боковые пластины – 207,0 HV	отдел II, тип 1	Трёхслойный пакет (рис. 2: 1)
5	шлиф 3, полевой № 14	X-XII вв.	Друцк	основа 100,25 HV, лезвие – 355,8 HV	отдел II, тип 1	Железо с сварным стальным лезвием (рис. 1: 3)
6	шлиф 4, полевой № 308	X-XII вв.	Старый Шклов	лезвие – 285,9 HV, основа – 162,0 HV	отдел III, тип 2	Трёхслойный пакет
7	шлиф 4, полевой № 72	X-XII вв.	Мстиславль	лезвие – 509,7 HV, основа – 119,62 HV	отдел III, тип 2	Железо с наварным стальным лезвием (рис. 2: 2)
8	шлиф 4, полевой № 79	X-XII вв.	Мстиславль	лезвие – 330,8 HV, основа – 143,18 HV	отдел III, тип 2	Железо с наварным стальным лезвием (рис. 2: 3)
9	шлиф 5, полевой № 40	X-XII вв.	Мстиславль	лезвие – 397,53 HV, основа – 135,2 HV	отдел III, тип 2	Железо с наварным стальным лезвием (рис. 1: 2)
10	шлиф 5, полевой № 123	X-XII вв.	Мстиславль	лезвие – 211,03 HV, основа – 122,75 HV	отдел III, тип 2	Цементация
11	шлиф 5, полевой № 234	X-XII вв.	Старый Шклов	лезвие – 268,2 HV, основа – 92,9 HV	отдел III, тип 2	Трёхслойный пакет

Металлографическое изучение образцов проводилось в лаборатории материаловедения Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой кандидатом исторических наук, доцентом И.В. Магалинским и кандидатом технических наук, доцентом О.П. Штемцелем.

В металлографии микроанализу подвергают специально подготовленные образцы, называемые микрошлифами, которые представляют собой образец металла, вырезанный из основного и имеющий пригодную для исследования поверхность, предварительно шлифуемую и полируемую [2, с. 16]. Место вырезки образца для микрошлифа определялось задачами исследования, в связи с чем для изучения структуры делались поперечные спилы рабочей части ножей на отрезном станке MECATOME T201A.

Поверхность образца шлифовалась на шлифовально-полировальной машине MECAPOL P262 наждачными шкурками при соблюдении последовательности и плавности перехода от грубозернистым (P180, P320, P1000). Финальной операцией для удаления мелких царапин являлась полировка образца на специальном диске, смачиваемом абразивной жидкостью (9 мкм и 3 мкм).

После полирования проводилось наблюдение образцов при помощи микроскопа NICON MODEL EPIPHOT 200 при увеличении $\times 50$, $\times 100$, $\times 200$, $\times 500$. Сначала наблюдался нетравленный шлиф, а затем образцы изучались после травления. В качестве травителя использовался 5%-й раствор азотной кислоты в этиловом спирте (реактив Ржешотарского).

Значения микротвёрдости образцов по Викерсу измерялись на микротвердомере BUEHLER MODEL No 1105D с нагрузкой в 100 г при давлении в 10 с, при это делалось не менее 4-5 измерений для одного образца.

Изучение химического состава предметов проводилось по методу рентгенофлуоресцентного анализа в учебно-исследовательской лаборатории археологии, этнологии и антропологии Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой на спектрометре Vanta C, производства компании Olimpus.

При интерпретации результатов необходимо учитывать, что исследованные образцы в основе своей сильно корродированы, в связи с чем для части предметов наварные или сварные стальные лезвия могли быть утрачены ввиду их большей химической активности, обусловленной более высоким содержанием углерода.

Заключение. В ходе проведенного исследования удалось установить, что основной операцией, применявшейся при производстве ножей X–XII вв. с территории Могилёвского Поднепровья, попавших в выборку, являлась технологическая сварка (9 экз.), которая представлена образцами, изготовленными с помощью пакетирования и наварки стального лезвия на железную основу. При этом, большая часть образцов изготовлена по схеме трехслойного пакетирования (6 экз.), которая предполагает создание изделия из трех пластинчатых заготовок с центральной стальной частью. Данная технологическая схема распространяется на древнерусской территории с IX–X вв. в производстве ножей отделов II и III и связывается с североевропейской культурной традицией [1, с. 76]. Необходимо также отметить, что большая часть ножей в выборке, изготовленных по данной технологической

схеме, не имела наварного лезвия. Косая наварка лезвия из термообработанной стали на пакетированное изделие зафиксирована только на одном ноже (рисунок 1: 1).

В результате изучения химического состава и микротвёрдости образцов установлено также, что изделия из трехслойного пакета отличаются использованием простого, а не фосфорного железа для боковых пластин, а также низкоуглеродистой стали для центральной пластины, что считается «восточноевропейским» вариантом применения «североевропейской» технологии пакетирования [5, с. 18].

Определенный интерес представляет также выявление изделия, изготовленного из железной основы, в которую вварено стальное лезвие (рисунок 1: 3). Исследователи считают, что данная схема является разновидностью трехслойного пакета, так как трёхслойная заготовка формировалась кузнецами двумя основными способами: в первом случае железная пластина, в которую вставлялось стальное лезвие, складывалась в продольном направлении, во втором – в поперечном [5, с. 12–13].

Важно также заметить, что полученные данные дают возможность подтвердить датирование депаспортированных находок и установить хронологию отдельных артефактов, полученных в результате археологических наблюдений. На преимущественное формирование коллекции из ножей X–XII вв. указывает минимальное присутствие в выборке изделий, изготовленных путем наварки стального лезвия на железную основу (3 образца), что становится характерным для древнерусского ремесла начиная с XII в. [2, с. 78].

ЛИТЕРАТУРА

1. Завьялов В.И., Терехова Н.Н., Щербаков В.Л. Металлургия и железообработка на сельских поселениях Древней Руси. – М.: Таус, 2024. – 216 с.
2. Худокормова Р.Н., Пантелеенко Ф.И., Худокормов Д.А. Материаловедение. Практикум: учеб. пособие. – Минск: Новое знание; М.: ИНФРА-М, 2014. – 311 с.
3. Леонтьев А.Е. Классификация ножей Сарского городища // Советская археология. – 1976. – № 2. – С. 33–44.
4. Терентьев И.В. Типология ножей Белорусского Поднепровья X–XV вв. (по результатам археологических исследований Старого Шклова и Мстиславля) // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А. Гуманитарные науки. Исторические науки. – 2021. – № 1. – С. 195–199.
5. Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Традиции и инновации в производственной культуре Северной Руси. – М.: Анкил, 2012. – 376 с.

Поступила 06.05.2025

TECHNOLOGY OF MANUFACTURING KNIVES X-XII CENTURY FROM THE TERRITORY OF THE MOHILIOV DNEPER REGION ACCORDING TO METALLOGRAPHY DATA

I. MAHALINSKI, O. CHTEMPEL
(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

I. TSIARENTSYEU
(*Mogilev State A. Kuleshov University*)

The article presents the results of a metallographic study of the structures of 11 knives of the X–XII centuries from the materials of archaeological works on the territory of individual monuments of the Mogilev Dnieper Region (Drutsk, Stary Shklov, Mstislavl). The study of the samples was carried out according to standard methods in the materials science laboratory of the Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk. As a result, it was established that the most common products in the sample were manufactured using technological welding - a three-layer package and welding of a steel blade on an iron base. The predominance of packaging during the manufacture of the examined knives confirms the dating of the samples mainly in the X–XII centuries.

Keywords: *archeology of Belarus, history of ancient technology, blacksmith's craft, archeometallurgy.*

УДК 903.023(476.4)

DOI 10.52928/2070-1608-2025-75-3-7-10

**РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕРМОГРАВИМЕТРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КЕРАМИКИ ИЗ ГОРОДИЩ
РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА МОГИЛЕВСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ****М.В. ТКАЧЁВА¹, А.Н. ОСИПЕНКО²***(Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова)***ORCID:** <https://orcid.org/0009-0006-3306-1178>¹; <https://orcid.org/0000-0001-8836-8990>²**e-mail:** tkachyova_mv@m.msu.by; osipenko_an@m.msu.by

Современный этап развития археологии связан с междисциплинарным подходом к изучению памятников и артефактов. Методы естественных наук все еще редко применяются в археологических исследованиях по причине отсутствия тесных связей между археологами, физиками и химиками, а также из-за сложностей в интерпретации результатов, полученных в ходе исследования археологического материала.

Принципиальная новизна статьи заключается том, что в белорусской археологии метод термогравиметрического анализа древней керамики ранее широко не применялся в исследованиях и его результаты ранее не публиковались. В рамках исследования керамического материала раннего железного века, происходящего из городищ Могилевского Поднепровья: Агеевка, Радомля, Дашковка, Змеевка методом термогравиметрического анализа сделан вывод об использовании одинакового глиняного сырья для формовочных масс, из которых изготовлена керамика городищ Агеевка, Радомля, Дашковка, относящихся к зарубинецкой археологической культуре, и об использовании иного сырья для производства керамики из городища Змеевка (Пелагеевское городище), принадлежащего к колочинской археологической культуре.

Ключевые слова: лепная керамика, зарубинецкая культура, естественно-научные методы, термогравиметрический анализ.

Введение. Фрагменты лепной керамики, обнаруживаемые во время археологических исследований, состоят из исходного сырья – глины, естественных примесей, минеральных и органических добавок, применяемых в качестве отощителей. Не все месторождения глины использовались в качестве источников сырья. Гончары обычно использовали традиционные места добычи – «глинища», сырье из которых было хорошо знакомо по практике [1, с. 27–28]. Глиняное сырье могло добываться в окрестностях памятников, находилось в нескольких километрах от поселения или непосредственно в поселении [2, с. 76]. В археологических культурах раннего железного века существовали характерные традиции изготовления формовочных масс, которые могли включать минеральные и органические примеси. Для производства лепной керамики мастера использовали разные приёмы изготовления начина и полого тела сосуда. В качестве основных приёмов использовались лоскутный, ленточный и жгутовой налепы. После формовки сосуда и обработки его внешней поверхности следовал этап обжига. В качестве основных приёмов обжига керамики использовались окислительный и восстановительный режимы, которые в разной степени влияли на химический состав готового изделия. Во время бытового, ритуального или иного использования керамическое изделие подвергается воздействию внешних факторов, которые могут влиять на химический состав, например, воздействие огня во время приготовления пищи или влияние хранимых продуктов. Среда нахождения керамического изделия (почва, вода) также оказывает влияние на его внешний вид и химический состав [3, с. 18–19].

Большую актуальность в археологической науке имеет использование методов естественных наук, так как результаты, полученные с их помощью, обычно имеют конкретные математические значения, что особенно важно при датировании археологического материала, а также при определении технологии изготовления керамических и металлических изделий. В данной статье рассматриваются результаты термогравиметрического исследования фрагментов лепной керамики из городищ Могилевского Поднепровья: Агеевка, Радомля, Дашковка и Змеевка (Пелагеевское городище). Целью изучения фрагментов керамики из указанных городищ с помощью термогравиметрического анализа являлось подтверждение или опровержение выводов, полученных с помощью визуального изучения. Задачами исследования являлись: выявить наличие изменений в формовочных массах образцов керамики под воздействием температуры, определить возможности использования термогравиметрического анализа для исследования древней керамики.

Основная часть. В настоящее время в археологии принята методика анализа керамического материала традиционными способами, основанными, преимущественно, на визуальном изучении внешнего вида, состава формовочных масс, изломов черепков. Выводы, полученные таким образом, не всегда имеют обоснование и возможность подтверждения. Изучение археологических находок путём применения естественно-научных методов имеет большое значение для исследования керамических изделий и постепенно входит в белорусскую археологию [4, с. 122]. В частности, в белорусской археологии результаты минералого-петрографического анализа керамики из памятников эпохи железного века и Раннего Средневековья Верхнего Поднепровья и Припятского Полесья использовала в своих исследованиях Н.В. Дубицкая [5, с. 45–48]. Результаты изучения керамики методом термогравиметрического анализа в белорусской историографии ранее представлены не были.

В Российской Федерации совместное исследование керамики археологами, физиками, химиками методами естественных наук более развито и имеет комплексный характер. Петрографический метод исследования широко используется российскими археологами-керамистами. Термогравиметрический анализ в исследованиях неолитической керамики, керамики эпохи бронзы используют В.И. Молодин, Л.Н. Мыльникова [3, с. 5]. Применяются результаты оптической и сканирующей электронной микроскопии, атомно-адсорбционной спектроскопии, химического и рентгенофазового анализа и данные других методов [6, с. 56].

Среди естественно-научных методов исследования важное место занимают термические методы анализа, под которыми понимается группа методов химического и физического анализа, которые позволяют получить информацию об изменении свойств различных материалов и, в частности, керамики под воздействием температуры. К этой группе методов относится термогравиметрический анализ. В результате такого анализа исследователь получает данные об изменении массы изучаемого образца при росте температуры [3, с. 6]. В процессе анализа происходит нагревание образца и температура обычно поднимается с постоянной скоростью, одновременно происходит запись кривой, отражающей изменение массы в зависимости от температуры. Предполагается, что нагрев образцов керамики в процессе термогравиметрического анализа может дать информацию об изменении свойств глинистых компонентов [3, с. 9]. Так, в процессе термогравиметрического исследования керамики проявляются процессы дегидратации (при нагреве от комнатной температуры до $\sim 250^{\circ}\text{C}$), разложения гидроксильных соединений в минералах глин (примерно от $\sim 250^{\circ}\text{C}$ до $\sim 600^{\circ}\text{C}$), разложения карбонатов (выше 650°C) [3, с. 12].

В данной статье рассматриваются результаты термогравиметрического исследования фрагментов лепной керамики из городищ раннего железного века Могилевского Поднепровья: Агеевка, Радомля, Дашковка и Змеевка (Пелагеевское городище). Городище Агеевка расположено в современной деревне с одноименным названием в составе Мостокского сельсовета Могилёвского района Могилёвской области. В июле 2020 года городище исследовала экспедиция историко-филологического факультета Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова под руководством А.М. Авласовича [7]. Городище Радомля находится в современном агрогородке Радомля Чаусского района. Городище исследовала экспедиция исторического факультета Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова под руководством И.А. Марзалюка в 2007 году [8]. Городище Дашковка находится у агрогородка Дашковка Могилевского района. Лепная керамика из городища Дашковка найдена во время археологических раскопок в 2019 году экспедицией историко-филологического факультета Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова под руководством А.М. Авласовича [9]. Городище Змеевка располагалось на правом берегу р. Дубровенка в 2,5 км выше впадения её в р. Днепр в г. Могилеве. Фрагменты лепной керамики обнаружены в заполнении жилища и при разработке столбовых ям в 2008 году во время проведения раскопок на памятнике экспедицией исторического факультета Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова под руководством И.А. Марзалюка [10].

По итогам исследования городища Агеевка были обнаружены фрагменты груболепной керамики с крупными примесями отошителя (дресвы). По составу формовочной массы, способу обработки поверхности, по особенностям изготовления (начин, способ лепки и режим обжига) сделан вывод о принадлежности керамики к материалам верхнеднепровского варианта зарубинецкой археологической культуры [11, с. 95]. Фрагменты керамики из городища Радомля – груболепные, шероховатые на ощупь из-за наличия в формовочной массе крупных примесей отошителя (дресвы). Сделан вывод о принадлежности керамики к материалам верхнеднепровского варианта зарубинецкой археологической культуры [8]. На городище Дашковка найдена как лепная гладкостенная, хорошо заглаженная керамика, так и фрагменты с шероховатой поверхностью из-за наличия в формовочной массе крупных примесей отошителя (дресвы и песка). Датирование по аналогиям позволяет отнести керамику к зарубинецкой и колочинской археологическим культурам [9]. Керамика из городища Змеевка лепная, имеет плохо заглаженную, шероховатую поверхность с крупными примесями отошителей (дресвы и песка). Фрагменты имеют аналогии с керамикой из Колочинского городища Речицкого района Гомельской области датируются V–VII вв. и относятся колочинской археологической культуре [12, с. 20–21].

Так как керамический материал из рассматриваемых памятников фрагментирован и отсутствуют целые формы, для проведения термогравиметрического анализа были взяты фрагменты стенок из каждого памятника. Для проведения измерений образцы предварительно измельчались до песчаного состояния и просеивались через металлическое сито для отделения слишком крупных фрагментов и получения схожих по дисперсному состоянию фракций. Изучение образцов проводилось на приборе синхронного термического анализа Netzsch STA 409 EP/2 в диапазоне температур от 20°C до 600°C . Нагрев осуществлялся в течение двух часов со скоростью $5^{\circ}\text{C}/\text{мин}$.

Из городища Радомля суммарно исследовано 3 образца, из городища Агеевка – 4 образца, из городища Дашковка – 2 образца, из городища Змеевка исследовано 5 образцов.

Температура нагрева образцов керамики до 250°C позволила установить удельную потерю массы образца от изначальной за счет процесса дегидратации, когда остаточная влага, находящаяся в размельчённом образце, благодаря связывающему действию его материала, испаряется [3, с. 19]. Величина потери массы образцами из различных городищ при повышении температуры до 250°C и $250\text{--}600^{\circ}\text{C}$ представлена в таблице 1.

Таким образом, наименьшие значения потери массы в результате дегидратации наблюдались в образцах из городищ Дашковка и Агеевка, большие значения потери массы отмечались в образцах из городищ Радомля и особенно Змеевка. Более низкий уровень дегидратации образцов лепной керамики при росте температуры позволяет сделать вывод о том, что они, благодаря низкому связывающему действию материала, содержат мало связанной

воды, которая обычно присутствует в наиболее мелких трещинах и порах. Следует отметить, что результаты изучения фрагментов керамики из городищ Радомля, Агеевка, Дашковка свидетельствуют, что они изготовлены из хорошо вымешанной формовочной массы, состоящей, преимущественно, из глинистой компоненты, и содержат относительно мало примесей. Также это может свидетельствовать о хорошем качестве обжига и его высокотемпературном режиме. Формовочная масса керамики из городища Змеевка состоит, преимущественно, из крупных включений примесей дресвы и песка. Фрагменты легко ломаются и крошатся, что говорит о том, что фрагменты по структуре пористые и могут содержать повышенное количество влаги.

Таблица 1. – Изменение массы образцов керамики в сравнении с изначальными значениями при их нагреве в интервалах температур 20–250 и 250–600°C, %

№ образца	Температура °C в %		№ образца	Температура °C в %	
	20–250	250–600		20–250	250–600
Радомля 1	3,27	2,93	Дашковка 1	1,96	1,66
Радомля 2	4,49	5,60	Дашковка 2	1,02	0,26
Радомля 3	0,78	0,49	Среднее:	1,49	0,96
Среднее:	2,85	3,01	Змеевка 1	6,11	9
Агеевка 1	3,41	3,66	Змеевка 2	3,62	3,64
Агеевка 2	2,44	2,23	Змеевка 3	1,40	5,17
Агеевка 3	3,09	2,57	Змеевка 4	1,57	1,43
Агеевка 4	1,08	0,58	Змеевка 5	3,33	3,27
Среднее:	2,51	2,26	Среднее:	3,21	4,51

Температурный диапазон от 250°C до ~500°C и выше сопровождается разложением гидроксильных соединений в минералах глиен керамической массы, что сопровождается дальнейшей потерей массы образцами керамики. С другой стороны, в этом же температурном диапазоне может отмечаться восстановление утраченной массы, что обычно связано с присоединением кислорода воздуха и образованием оксидов. Окислительные процессы с участием компонентов керамического материала могут свидетельствовать о наличии в керамической массе включений из металлов и некоторых полуметаллов, легко окисляющихся при высокой температуре.

В нашем случае (см. таблицу 1) потеря массы в интервале температур от 250 до 600°C была характерна для образцов из городища Змеевка и, в меньшей степени, Радомля, в образцах из городищ Дашковка и Агеевка более было заметно восстановление массы. Эти данные могут свидетельствовать о том, что в образцах, в которых наблюдалась потеря массы, включения металлических соединений в глиняном сырье были минимальны или отсутствовали вовсе. В образцах, где наблюдалось восстановление массы, в исходном глиняном сырье находились металлические и полуметаллические включения.

Закключение. Таким образом, использование термогравиметрического анализа для изучения лепной керамики может значительно расширить возможности исследования археологических находок по сравнению с визуальными методами изучения и увеличить уровень доказательности получаемых выводов и результатов. Результаты естественнонаучных методов имеют важное значение, так как они объективны и проверяемы. С помощью термогравиметрического анализа есть возможность получить важную информацию для воспроизводства технологии изготовления керамических изделий, а также выявления преемственности в использовании технологических традиций, характерных для разных археологических культур.

Так как проведение термогравиметрического анализа предполагает полное разрушение артефактов, использовалась небольшая выборка фрагментов и выбирались те фрагменты, что чаще всего встречаются на памятниках по морфологическим признакам. Для анализа использовались фрагменты, характерные для зарубинецкой (Агеевка, Радомля, Дашковка) и колочинской (Змеевка) археологических культур. В нашем случае результаты термогравиметрического анализа подтвердили выводы визуального изучения фрагментов керамики о том, что для изготовления образцов из городищ Агеевка, Радомля, Дашковка использовались схожие рецепты формовочных масс, тогда как формовочная масса керамики из городища Змеевка (Пелагеевское городище) изготовлена по иному рецепту. Для изготовления керамики из Дашковки, Агеевки и Радомли использовалась глина с металлическими и полуметаллическими включениями. Соответственно, для изготовления керамики племени зарубинецкой и колочинской археологических культур использовали глиняное сырье разного состава.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Милюченков С.А. Белорусское народное гончарство. – Минск: Наука и техника, 1984. – 183 с.
2. Бобринский А.Г. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М.: Наука, 1978. – 275 с.
3. Дребущак В.А., Мыльникова Л.Н., Дребущак Т.Н. Физико-химическое исследование керамики (на примере изделий переходного времени от бронзового к железному веку) / под. ред. В.В. Болдырева, В.И. Молодина. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. – 98 с. – (Интеграционные проекты СО РАН; вып. 6). – URL: <https://www.iprbookshop.ru/15801.html>.
4. Молодин В.И., Мыльникова Л.Н. Теория и практика исследования древней керамики: традиционные и новейшие методы // Самарский научный вестник. – 2015. – № 3(12). – С. 122–127. DOI: <https://doi.org/10.17816/snv20153211>.

5. Дубицкая Н.Н. Керамическое производство Белорусского Поднепровья в VIII в. до н.э. – V в. н.э. // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – 2002. – № 4. – С. 45-48.
6. Цетлин Ю.Б., Волкова Е.В. Роль естественно-научных методов в изучении древней керамики как источника исторической информации // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – Вып. 4(44) – С. 52–59. – URL: <http://old.archaeology.nsc.ru/ru/publish/journal/doc/2010/444/3.pdf>.
7. Авласович А.М. Изучение оборонительной системы городища у д. Агеевка // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: зб. навук. прац XII Міжнар. навук. канф., 25–26 чэрв. 2021 г., г. Магілёў / уклад. І.А. Пушкін. – Магілёў: БДУТ, 2021. – С. 114–120. – URL: <https://libr.msu.by/handle/123456789/20620>.
8. Марзалюк І.А. Справаздача аб археалагічных раскопках на тэрыторыі вёскі Радамля (Замковішча, Гарадзішча № 2) Чавускага раёна Магілёўскай вобласці ў 2007 г. // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. – Воп. 1. – Арх. № 2520. – 37 с.
9. Авласович А.М. Научный отчет о проведении археологических раскопок на памятниках железного века и средневековья на территории Могилёвского района Могилёвской области в 2019 г. // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. – Воп. 1. – Арх. № 3603. – 170 с.
10. Марзалюк І.А. Справаздача аб археалагічных раскопках Пелагееўскага гарадзішча («Змяёўка») у г. Магілёве ў 2008 годзе // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. – Воп. 1. – Арх. № 2592. – 17 с.
11. Ткачэва М.В. Керамика из городища Агеевка Могилевского района // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. Серыя А. – 2022. – № 1(59). – С. 95–99. – URL: <https://libr.msu.by/handle/123456789/19942>.
12. Марзалюк І.А., Рыер Я.Р. Гарадзішча Змяёўка (Пелагееўскае гарадзішча) у Магілёве. Археалагічнае даследаванне. – Магілёў: УА «МДУ імя А.А. Куляшова», 2010. – 68 с.

Поступила 09.06.2025

RESULTS OF THERMOGRAVIMETRIC ANALYSIS OF CERAMICS FROM THE EARLY IRON AGE SETTLEMENTS OF THE MOGILEV DNIEPER REGION

M. TKACHOVA, A. OSIPENKO
(Mogilev State A. Kuleshov University)

The modern stage of archaeology development is connected with the interdisciplinary approach to the study of monuments and artifacts. The methods of natural sciences are still rarely applied in archaeological research due to the lack of close connections between archaeologists, physicists and chemists, as well as due to the difficulties in interpreting the results obtained during the study of archaeological material. The fundamental novelty of the article is that in Belarusian archaeology the method of thermogravimetric analysis of ancient ceramics has not been widely used in research before and the results of thermogravimetric analysis of ancient ceramics have not been published before. As a result of the study of the ceramic material of the early Iron Age, originating from the settlements of the Mogilev Dnieper region: Ageyevka, Radomlya, Dashkovka, Zmeyevka by the method of thermogravimetric analysis, a conclusion was made about the use of the same clay raw materials for molding masses, from which the ceramics from the settlements of Ageyevka, Radomlya, Dashkovka, which belong to the Zarubintsy archaeological culture, were made. And about the use of other raw materials for the production of ceramics from the Zmeevka settlement (Pelageevskoye settlement), which belongs to the Kolochin archaeological culture.

Keywords: hand-made ceramics, Zarubintsy culture, natural science methods, thermogravimetric analysis.

УДК 903.23-033.5"653/654":930

DOI 10.52928/2070-1608-2025-75-3-11-16

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ СТЕКЛЯННОЙ ТАРНОЙ ПОСУДЫ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ В ИСТОРИОГРАФИИ СОПРЕДЕЛЬНЫХ С БЕЛАРУСЬЮ СТРАН**Д.А. ФЕДОРУК***(Институт истории НАН Беларуси, Минск)*

Статья посвящена краткой характеристике историографии сопредельных с территорией Беларуси стран (России, Литвы, Латвии, Украины, Польши), где рассматриваются различные аспекты стеклянной тарной посуды конца XVI – начала XX вв. Выделяются основные моменты изучения вопроса в каждой из стран, акцентируется внимание на наиболее значимых исторических и археологических монографиях и публикациях по теме. Предложено выделить два основных этапа: 1) середина – конец XX в., когда основные работы посвящались разнообразным аспектам истории производства стекла; 2) 1990-е – настоящее время, характеризуется изучением отдельных категорий стеклянных артефактов конкретных памятников. Отдельно актуализируются проблемные вопросы, характерные для каждой из стран по настоящее время (отсутствие общепринятой терминологии и типологии стеклянных тарных изделий и т.д.).

Ключевые слова: *стекло, стеклянная тара, историография, стекло Позднего Средневековья и Нового времени, историография ближнего зарубежья, материальная культура.*

Введение. В повседневной жизни населения Европы XVI – начала XX вв. значительное место занимают стеклянные изделия, в том числе и тарная посуда, включающая в себя флаконы, баночки и бутылки. Они использовались для хранения, транспортировки и реализации различных веществ, а также порой считались предметами престижа, произведениями искусства. В ходе археологических исследований памятников периода Позднего Средневековья и Нового времени стеклянные изделия встречаются в качестве массового материала, лишь немногим уступая керамике. Безусловно, данная категория артефактов не могла остаться без внимания исследователей. Впервые различные аспекты истории стеклянных изделий данного периода в нашем регионе стали рассматриваться в единичных заметках уже в 20-е годы XX в., а с середины XX в. этот процесс значительно активизировался и продолжается по сей день.

Территория Беларуси в середине XVI – начале XX вв. входила в состав Речи Посполитой и Российской империи, что, безусловно, оказало влияние и на материальную культуру. Соответственно анализ историографии сопредельных стран (России, Украины, Польши, Литвы и Латвии) позволяет дополнить некоторые аспекты производства, использования и т.д. стеклянной тарной посуды на белорусских землях.

Целью данной статьи является систематизация и краткая характеристика работ сопредельных стран (России, Украины, Польши, Литвы и Латвии), посвященных стеклянной тарной посуде периода Позднего Средневековья и Нового времени, где затронуты вопросы изучения стеклянной тарной посуды, основных этапов изучения вопроса в каждой из стран. Обращается внимание на наиболее значимые исторические и археологические монографии, статьи и иные публикации по теме.

Основная часть. На территории **России** стекло из поздних слоев долгое время не изучалось. Первым, кто это сделал, был П.Н. Миллер в 1928 г., который в своих работах поделил стеклянную тару из раскопок Москвы по её форме [1]. Кроме того, он предположил, что вся аптечная посуда была русского производства, что в последствии было опровергнуто Н.М. Коробковым [2]. Изучение археологического материала Позднего Средневековья – Нового времени стало актуальным при строительстве Московского метро в 1930-е гг. Аптечная посуда с данного объекта была рассмотрена Н.М. Коробковым в статье «Аптечная посуда из раскопок посольского приказа Москвы», изданной в 1936 г. [2].

Систематично исследовать стеклянные изделия начали во второй половине XX в. Согласно мнению российских исследователей [3, с. 28], оно проводится по двум направлениям:

1) историко-культурное, которое заключается в выделении предметов определенного назначения и создании их типологии. Акцент делается на рассмотрение формы и функции артефакта. В результате получают типологические ряды, которые позволяют проследить хронологическое и географическое распределения наборов вещей. К данному направлению относятся работы Е.М. Алексеевой [4], В.Б. Ковалевской и др.

2) историко-производственное, в котором основной акцент сделан на технологии изготовления и состава материала предмета. В результате определяется место, время и способ изготовления артефакта, что в дальнейшем позволяет установить торговые и культурные связи населения. Основными исследователями, работавшими в рамках данного направления, были М.А. Безбородов [5], З.А. Львова [6], Ю.А. Щапова [7], В.А. Галибин [8] и др. В рассматриваемый период стоит особо отметить работы А.Д. Грача и Ю.Л. Шаповой.

Стеклянная посуда, в том числе и тарная, XVIII в. из раскопок Санкт-Петербурга анализируется в монографии А.Д. Грача «Археологические раскопки в Ленинграде. К характеристике культуры и быта населения Петербурга XVIII в.», изданной в 1957 г. [9]. Он описывает морфологию посуды, рассматривает технические аспекты её производства, этапы развития изготовления стекла на территории России.

В 1989 г. выходит работа Ю.Л. Шаповой «Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав», ставшая результатом совместной работы советских и польских исследователей над единой системой описания стекла. В ней были изложены основные принципы описания древних изделий из стекла, включая их химический состав [10].

На современном этапе (с конца 1990-х гг.) изучения стеклянных изделий основной акцент по-прежнему остается на типологии предметов из стекла, изучении технологии их изготовления, происхождении и способах использования. Данный период связан в первую очередь с деятельностью московских археологов А.Р. Векслера и Ю.А. Лихтер, которые в своих работах рассматривают основной ассортимент изделий, разрабатывают типологию с определением эволюции некоторых предметов [11–16]. Авторы также изучали технологию изготовления стеклянных изделий, их происхождение и способы использования. Стоит отметить труд Н.А. Ашариной «Русское стекло XVII – начала XX вв.», изданный в 1998 г. [17]. В книге на основе архивных документов, археологических и музейных коллекций детально рассматривается история русского стекла этого периода с приведением основных этапов производства и их характеристик, кроме того, в ней представлен каталог стеклянных изделий, в том числе и тарных сосудов, а также указатель русских стекольных заводов.

В 2015 г. выходит сборник материалов конференции «Стекло Восточной Европы в древности, Средневековье и Новом времени» в котором с различных точек зрения (химико-технологических, формально-типологических, стилистических и т.д.) был рассмотрен широкий круг вопросов, связанных с изучением стеклянных изделий от Античности до XX в. [18]. Парфюмерные флаконы подробно рассматриваются в статье авторства А.Ф. Кочкина и В.А. Цибина «Парфюмерные флаконы из погребений Всесвятского кладбища середины XIX – первой половины XX в. в Самаре. Авторы подробно описывают флаконы, дают информацию о клеймах на них. В результате делается вывод о повторном использовании данных сосудов в качестве слезниц или елейниц [19].

В настоящее время в российской историографии стеклянная тарная посуда продолжает рассматриваться в рамках определенных категорий артефактов с различных памятников [13; 15; 20; 21]. Анализируются клейма на предметах, проводятся спектральные анализы. Однако вопросы разработки терминологии и типологии стеклянных тарных изделий остаются по-прежнему актуальными.

Стекло с территории **Украины** впервые упоминается в статье М. Биляшевского «Старе українське скло» [22]. В ней дается короткий очерк о необходимости изучения стеклянных изделий и приводятся их основной ассортимент. В 1926 г. выходит труд В. Модзалевского [23], посвященный черниговским гутам, что положило начало этапу изучения гут и их продукции [24; 25]. Первая монография, посвященная гутным стеклянным изделиям «Українське художнє скло» вышла в 1959 г. [26]. В ней В.Ф. Рожанковский рассматривает морфологические и художественные особенности украинского стекла Позднего Средневековья и Раннего Нового времени. Им были выделены ряд различных категорий и типов стеклянных изделий: шарообразные бутылки разных размеров; бутылки с криволинейными очертаниями, представляющие собой вариант предыдущих; посуда для питья, представленная бокалами и стаканами [26, с. 87–89]. Материал монографии дополнен многочисленными рисунками изделий. Фрагментам стеклянных сосудов из слоя XVII в. в Киеве посвящена работа А.М. Шовкопляса «Некоторые гутные стеклянные изделия из Киева», изданная в 1971 г. [27]. В статье автор характеризует ассортимент находок, описывает технологию их изготовления и предполагает возможные способы использования данных изделий в быту.

С 1990-х гг. на территории Украины активизировался процесс изучения материальной культуры XVII – начала XIX вв. Стеклянные изделия этого времени рассматриваются в ряде статей, посвященных характеристике находок из раскопок отдельных памятников и их классификации [28–31]. Например, статья В. Гупало и М. Лосик посвящена стеклянным вещам, обнаруженным в г. Дубно, где в результате раскопок в бывшем бернардинском костеле было обнаружено множество изделий из стекла. На основании химического анализа авторы делают вывод, что большинство этих изделий изготовлено из калий-кальций-флинтowego стекла, предложена гипотеза, что производство стекла в Галичине и Волыни в XVII–XVIII вв. носило локальный характер [30]. В работе Е.В. Харитоновой [31] рассматривается стекло из памятников «казацкого периода» (XV–XVIII вв.) с территории Украины. На основе обработанного вещественного материала археологических исследований Богородицкой крепости автор выделяет следующие категории стеклянных изделий: сосуды для хранения жидкостей и сыпучих веществ, посуда для индивидуального потребления, столовая и аптечная посуда, окна и др. Стеклянные изделия, информацию о которых предоставляет А. Харитонova, важны с точки зрения поиска аналогий и определения географии распространения тех или иных типов тары и форм посуды.

В 2010 г. выходит статья С. Тараненко «Скляна тара як датуючий матеріал в археологічних комплексах XVIII – початку XX ст.», в которой приводится пример использования поздней стеклянной тары в качестве археологического источника о повседневной жизни населения Киева, а также для более точной датировки комплексов XVIII – XX в. [32]. На данный момент автором также выпущен ряд публикаций, посвященных стеклу с лаврских гут [33]. Стеклянные изделия из историко-краеведческого музея г. Владимир-Волынского рассматриваются в ряде статей Ю.М. Курдиной, где автор приводит подробное описание изделий и их классификацию по функционально-типологическому принципу [34].

На сегодняшний день на территории Украины накопилось значительное число публикаций, посвященных стеклянным изделиям Позднего Средневековья – Нового времени, однако по-прежнему остаются актуальными вопросы точной терминологии стеклянной тарной посуды, разработки каталогов для каждой категории стеклянных изделий и др.

В *Литве* изучение стекольных мануфактур и их изделий активизируется в конце XX – начале XXI вв. Большой вклад в изучение стекольных мануфактур ВКЛ внес К. Страздас [35–37]. Чтобы определить место возникновения и дальнейшее развитие стеклоделия в Литве, технологию производства стеклянных изделий, расположение бывших гут, он опирался не только на исторические данные, но и на материалы археологических исследований. В 1984 г. выходит работа О. Мажейкене «Stiklas Lietuvos TSR istorijos ir etnografijos muziejuje», посвященная анализу стеклянной посуды XVI–XIX вв [38]. Автором кратко рассмотрен материал из фондов Музея истории и этнографии Литовской ССР (ныне Национальный музей Литвы) и описаны основные приемы декорирования сосудов. Недостатком работы является отсутствие описания археологического стекла.

Археологом Г. Стришка совместно с группой реставраторов, было опубликовано несколько статей, посвященных изучению стеклянных артефактов периода Великого Княжества Литовского [39; 40]. В них анализировалась стеклянная посуда, собранная в ходе археологических исследований позднесредневековых памятников Литвы, в первую очередь, замков и городов. Автор подробно рассматривает наиболее характерные формы стеклянных изделий, приводит их датировки и аналогии других памятников.

В 1992 г. в работе «XVII–XIX a. Klaipėdos stiklo radiniai» археолога Э. Палецкиса предпринимается первая попытка систематизации стеклянных изделий из Клайпеды [41]. Автор ввел в научный оборот артефакты, полученные в ходе археологических исследований в Клайпедо. Он разделил стеклянные находки на несколько категорий: бутылки, сосуды, стаканы, мензурки, кубки, бокалы, медицинские банки и оконное стекло, однако подробной характеристики каждой категории им представлено не было. Типология стеклянных бутылок из раскопок Клайпеды была разработана И. Шимкуте в диссертации «XVI–XIX amžių stikliniai buteliai klaipėdos miesto prekybos ir paslaugų kontekste», защищенной в 2012 г [42]. Автор систематизировал и проанализировал большое количество археологического материала, точно продатировал некоторые типы бутылок, а также разработал терминологию всех морфологических элементов стеклянной тары.

Стеклянная посуда в *Латвии* почти не изучена. Некоторые сведения о стекле с исследований Старой Риги есть в статье археолога А. Цауне, но они носят лишь общий описательный характер [43].

В *Польше* интерес к материальной культуре Позднего Средневековья – Нового времени активизировался в середине XX в. В периодическом издании «Szkło i ceramika» публиковались первые статьи, посвященные стеклянным изделиям XVI–XIX вв. [44; 45]. В 1960-е – 1970-е гг. выходит ряд монографий, затрагивающих проблему производства стекла на польских землях и анализ его продукции [46; 47; 48]. В 1968 г. была издана монография А. Выробиша «Szkło w Polsce od XIV do XVII wieku», где рассматриваются все виды стеклянных изделий [48]. Данный материал анализируется на основе письменных и археологических источников. Однако из-за невозможности доступа к некоторым источникам автор на основании доступного материала утверждает, что производство стекла на территории Великого Княжества Литовского не существовало до XVIII в. [48, с. 44].

В 1974 г. в свет выходит коллективная монография «Polskie szkło do połowy XIX wieku», в которой описывается история производства стекла на территории Польши от импортных изделий железного века до мануфактурного производства [46]. В 1977 г. была издана монография С. Цепелы «Szkło osiemnastowieczne starej Warszawy», написанная на основе археологических и письменных источников [49], в которой рассматривается история производства и распространения стеклянных предметов различного назначения, в том числе и тарной посуды. Отметим, что ряд датировок автора вызывает определённые сомнения.

Широкий спектр вопросов по истории производства стекла периода Нового времени рассматривается в сборниках статей «Acta Universitatis Nicolai Copernici. Nauki Humanistyczno-Społeczne» с серии «Archeologia szkła». Авторы приводят классификацию стеклянных изделий и историю производства на основе археологических данных, характеризуют ассортимент различных памятников, анализируют химический состав [50–58].

Вопросам клейм (печатей) посвящена статья М. Бис «Some remarks on glass seals from the territory of Poland from the 17th-19th centuries». В ней представлена информация о клеймах на стеклянной таре XVI–XIX вв., найденной в ходе археологических раскопок на территории современной Польши после 1987 г. Автор анализирует находки и на основе собранных данных пытается указать их количественное разнообразие, территориальный ареал и хронологию. М. Бис делит клейма на: индивидуальные знаки, монограммы, символы, описательные знаки и числовые знаки. В результате исследования был обозначен ряд актуальных вопросов, связанных с производством и использованием стеклянных сосудов в Польше [59].

На данный момент в польской историографии стеклянные изделия рассматриваются в рамках материалов конкретных памятников (Врацлава [60], Дубно и др.), где они подробно типологизируются с использованием как археологического контекста, так и информации из письменных и иконографических источников. Например, стекло из Быдгоща подробно рассматривается в статьях В. Сивиака. Он исследует стеклянные бутылки различных типов с учетом некоторых конструктивных элементов, а также дефектов производства, анализирует клейма на них. Делается вывод о месте производства бутылок, рынке сбыта для выпускающих их стекольных заводов, а также о вкусах, возможностях и предпочтениях жителей Быдгоща [61].

Таким образом, различные аспекты стеклянных тарных изделий на территории Польши продолжают активно изучаться современными исследователями. Тем не менее ряд вопросов, связанных с созданием типологии стеклянной тарной посуды, определением узкого назначения каждого типа бутылок, мест их производства и т.д. всё ещё остаётся актуальным и открытым для последующего изучения.

Закключение. Таким образом, в историографии сопредельных стран, исходя из общих тенденций, можно выделить два основных этапа изучения стеклянных изделий, в том числе и тарной посуды периода Позднего Средневековья и Нового времени:

1) середина – конец XX в. Первые работы по данной тематике, в основном, были посвящены истории возникновения и производства стекла на отдельно взятых территориях.

2) с 1990-х – по настоящее время. В связи с увеличением количества накопленного археологического материала, начинается активное изучение данной категории артефактов и упор делается на исследование определенных категорий стеклянных изделий (тарная, столовая посуда и т.д.) с различных памятников. Именно в это время вводится в научный оборот большое количество артефактов из стекла, рассматривается их эволюция, хронология, назначение с опорой как на исторические источники, так и на археологический контекст.

Вместе с тем, практически во всех сопредельных странах, за исключением Литвы, полностью или частично актуальными остаются вопросы разработки и принятия общепринятой терминологии и типологии стеклянной тарной посуды, а также составление каталогов по каждой категории изделий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миллер П.Н. Московский мусор // Московский краевед. – 1928. – № 3. – С. 9–16.
2. Коробков Н.М. Московская аптекарская посуда в XVII–XVIII вв. // По трассе первой очереди Московского метрополитена имени Л.М. Кагановича / Гос. акад. истории материальной культуры им. П.Я. Марра – М., 1936. – С. 165–168.
3. Лихтер Ю.А. Основные направления изучения стекла в российской археологии второй половины XX в. // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века / отв. ред. чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков; сост. Е.К. Столярова. – СПб., 2015. – С. 28–34.
4. Алексеева Е.М., Сорокина Н.П. Коллекция стекла античной Горгииппии. – М.: Интербук-сервис, 2007. – 159 с.
5. Безбородов М.А. Химия и технология древних и средневековых стекол. – Минск: Наука и техника, 1969. – 276 с.
6. Львова З.А. Технологическая классификация изделий из стекла // АСТЭ. – Л.: Искусство, 1979. – Вып. 20. – С. 90–103.
7. Щапова Ю.Л. Очерки истории древнего стеклodelия (по материалам долины Нила, Месопотамии и Европы). – М.: МГУ, 1983. – 200 с.
8. Галибин В.А. Состав стекла как археологический источник. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2001. – 216 с.
9. Грач А.Д. Археологические раскопки в Ленинграде. К характеристике культуры и быта населения Петербурга XVIII в. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – 89 с.
10. Щапова Ю.Л. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав: учеб. пособие. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 120 с.
11. Векслер А.Г., Лихтер Ю.А. Об одном виде клейм на стеклянных штофах XVIII века // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. – М., 2014. – Вып. 10. – С. 247–250.
12. Векслер А.Г., Лихтер Ю.А. Позднесредневековое стекло из раскопок последних лет в Москве // Труды VI Междунар. Конгресса славянской археологии: в 5 т. / отв. ред. В.В. Седов. – М., 1997. – Т. 2: Славянский средневековый город. – С. 46–58.
13. Лихтер Ю.А. Закрытые стеклянные сосуды из раскопок археологической службы Москвы. 1989–2019 годы // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. – М., 2022. – Вып. 18. – С. 179–190.
14. Лихтер Ю.А. Позднесредневековые стеклянные изделия (по материалам раскопок в Липецке) // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. – М., 2010. – Вып. 6. – С. 350–359.
15. Лихтер Ю.А. Стекло XVII–XVIII веков из раскопок на Биржевой площади (работы Столичного археологического бюро 2017 года) // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. – М., 2019. – Вып. 15. – С. 283–290.
16. Лихтер Ю.А. Стеклянные сосуды из раскопок в Черниговском переулке (Москва). Работы 2015 года // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. – М., 2017. – Вып. 13. – С. 284–298.
17. Ашарина Н.А. Русское стекло XVII – начала XX вв. – М.: ГИМ, 1998. – 255 с.
18. Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века / отв. ред. чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков; сост. Е.К. Столярова. – СПб.: НесторИстория, 2015. – 400 с.
19. Кочкина А.Ф., Цибин В.А. Парфюмерные флаконы из погребений Всесвятского кладбища середины XIX – первой четверти XX века в Самаре // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. – М., 2020. – Вып. 16. – С. 388–400.
20. Кайсин А.О. Бутылочное стекло Нового времени с раскопок Казанского Кремля // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции / Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2012. – Вып. VIII. – С. 375–380.
21. Кайсин А.О. К проблеме описания стекла XVII–XIX вв. класса закрытых сосудов // Научный Татарстан. – 2010. – № 4. – С. 37–40.
22. Біляшівський М. Старе українське скло. – 1913. – № 5. – С. 6.
23. Модзалевський В. Гути на Чернігівщині. – Київ: З друк. Укр. акад. наук, 1926. – 191 с.
24. Гагенмейстер В. Гутне шкло Поділля. – Кам'янець-Подільський: Видання Кам'янець-Подільського Красзнавчого Музею, 1984. – 56 с.
25. Онацький Н. Українське гутницьке шкло. – Суми: Плуг і Молот, 1931. – 10 с.
26. Рожанківський В.Ф. Українське художнє скло. – Київ: Вид-во Акад. наук УРСР, 1959. – 151 с.
27. Шовкопляс А.М. Некоторые гутные стеклянные изделия из Киева // Культура средневековой Руси / АН СССР. Ин-т археологии. – Л., 1974. – С. 81–85.
28. Мартинюк С. Скляна гута кінця XVI – початку XVII століть в околицях лісових угідь Унівської Святоуспенської Лаври // АДЛУ. – Львів, 2002. – Вып. 5. – С. 344–361.
29. Сом-Сердюкова О. Нові принципи методики дослідження пам'яток українського гутного скла XVIII ст. // Матеріали до українського мистецтвознавства. Збірник наукових праць. – Київ, 2002. – Вып. 1. – С. 213 – 215.

30. Гупало В., Лосик М. Скляні вироби із розкопок у колишньому бернардинському Костелі в Дубні // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. – Київ, 2009. – Вип. 13. – С. 263–279.
31. Харитонova О. Спроба датування скляного посуду з Самарі Богородицької фортеці // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. – Київ, 2008. – Вип. 18. – С. 96–99.
32. Тараненко С.П. Скляна тара, як датаючий матеріал в археологічних комплексах XVIII- початку XX ст. // Болховітіновський щорічник. – Київ: Національний Києво-Печерський історико-культурний заповідник, 2010. – С. 279–286.
33. Тараненко С.П. Скляна тара XVIII ст. виробництва лаврських гут // 30 нарисів археологічних досліджень Києво-Печерської лаври. – Київ: Мистецтво, 2021. – С. 174–177.
34. Курдина Ю. Скляні вироби з Історико-краєзнавчого музею м. Володимир-Волинського // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. – 2013. – Вип. 16. – С. 234–242.
35. Strazdas K. Lietuvos stiklas nuo seniausių laikų iki 1940 metų. – Vilnius, 1992. – 265 p.
36. Strazdas K. Stiklo ir jo gaminių cheminė technologija. – Kaunas, 1998. – 510 p.
37. Strazdas K. Stiklo technologija. – Vilnius, 1978. – 63 p.
38. Mažeikienė O. Stiklas Lietuvos TSR istorijos ir etnografijos muziejuje // Muziejai ir paminklai. Vilnius, 1984. – Nr. 6. – P. 64–76.
39. Striška G. Stiklo dirbiniai Lietuvos archeologinėje medžiagoje // Muziejinių eksponatų priežiūra, IV dalis: Archeologinių radinių konservavimas: nuo lauko darbų iki saugojimo muziejuose. – Vilnius, 2015. – P. 633–649.
40. Striška G. Vilniaus Žemutinės pilies XV–XVI a. stikliniai dirbiniai // Lietuvos pilys. – Vilnius, 2006. – P. 44–53.
41. Paleckis E. XVII–XIX a. Klaipėdos stiklo radiniai // Vakarų baltų istorija ir kultūra, I. – Klaipėda, 1992. – P. 68–79.
42. Simkute I. XVI – XIX A. Stikliniai buteliai Klaipėdoje: tipologija, chronologija, reikšmė // Lietuvos Archeologija. – 2013. – T. 39. – P. 145–176.
43. Caune A. Pētījumi Rīgas arheoloģijā: Rakstu izlase. – Rīga, 2007. – 571 s.
44. Ciepiela S. Étude des verres en forme de cloche utilisés en Pologne de la fin du XVIe au XVIIIe siècle // Annales du 7e Congrès International d'Etude Historique du Verre, Berlin–Leipzig, 15–21 aout 1977. – Liege, 1978. – S. 367–378.
45. Ciepiela S. Zabytki szklane z Solca nad Wisłą od końca XV do XVII/XVIII wieku // Studia i Materiały z Historii Kultury Materialnej. – 1971. – T. XLV. – S. 173–214.
46. Polskie szkło do połowy XIX wieku / Red. nauk. Z. Kamińska. – Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk–Łódź: Ossolineum, 1987. – 192 s.
47. Prusicka-Kolcon E. Szklane pucharki dzwonowate z Zamościa od końca XVI wieku do końca XVII wieku // Archeologia Polski Środkowowschodniej. – Lublin, 2000. – T. V. – S. 230–239.
48. Wyrobisz A. Szkło w Polsce od XIV do XVII wieku. – Wrocław–Warszawa–Kraków: Wydawnictwo Polskiej Akademii nauk, 1968. – 223 s.
49. Ciepiela S. Szkło osiemnastowieczne starej Warszawy. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1977. – 144 s.
50. Ciepiela-Kubalska S. Nowożytnie szklane naczynia z badań archeologicznych na Rynku Starego Miasta w Warszawie // Acta Universitatis Nicolai Copernici. Nauki Humanistyczno-Społeczne. – Toruń, 2005. – Zeszyt 370: Archeologia XXIX. Archeologia szkła 9. – S. 189–232.
51. Girdwoyń A. Masy szklane w nowożytnym szklarstwie polskim. Badania fizykochemiczne // Acta Universitatis Nicolai Copernici. Nauki Humanistyczno-Społeczne. – Toruń, 1995. – Zeszyt 275: Archeologia XXII. Archeologia szkła 6. – S. 87–92.
52. Kozłowska R., Nowakowski A. Szkło apteczne z badań archeologicznych Apteki Królewskiej w Warszawie // Acta Universitatis Nicolai Copernici. Nauki Humanistyczno-Społeczne. – Toruń, 1987. – Zeszyt 187: Archeologia XII. Archeologia szkła 2. – S. 123–142.
53. Lipiec A. Nowożytnie naczynia szklane odkryte w trakcie badań archeologicznych na dziedzińcu Arsenału Warszawskiego // Warszawskie materiały archeologiczne. Badania archeologiczne dziedzińca Arsenału Królewskiego oraz zespołu Kamienicy Raczkińskich w Warszawie. – Warszawa, 2017. – S. 87–96.
54. Mucha M. Nowożytnie huty szkła w Polsce środkowo-zachodniej w świetle badań archeologicznych (źródła) // Acta Universitatis Nicolai Copernici. Nauki Humanistyczno-Społeczne. – Toruń, 1996. – Zeszyt 308: Archeologia XVI. Archeologia szkła 7. – S. 97–110.
55. Nawrocki, M. Późnośredniowieczne i nowożytnie szkła z terenu zamku krzyżackiego w Toruniu // Acta Universitatis Nicolai Copernici. Nauki Humanistyczno-Społeczne. – Toruń, 1999. – Zeszyt 333: Archeologia XVII. Archeologia szkła 8. – S. 53–132.
56. Olczak J. Szklane naczynia apteczne z XVIII wieku odkryte w Brodnicy // Acta Universitatis Nicolai Copernici. Nauki Humanistyczno-Społeczne. – Toruń, 1984. – Zeszyt 148: Archeologia X. – S. 131–142.
57. Rubnikowicz M. Skład chemiczny szkieł pochodzących z XVIII-wiecznej huty szkła w Średniej Hucie, gm. Warlubie, woj. bydgoskie // Acta Universitatis Nicolai Copernici. Nauki Humanistyczno-Społeczne. – Toruń, 1989. – Zeszyt 191: Archeologia XIV. Archeologia szkła 3. – S. 67–72.
58. Rubnikowicz M. XVIII-wieczne naczynia szklane odkryte na starym mieście w Toruniu // Acta Universitatis Nicolai Copernici. Nauki Humanistyczno-Społeczne. – Toruń, 1989. – Zeszyt 191: Archeologia XIV. Archeologia szkła 3. – S. 73–82.
59. Bis M. Some Remarks on Glass Seals from the Territory of Poland from the 17th-19th Centuries // Fasciculi Archaeologiae Historicae, 2020. – № 33. – S. 133–157.
60. Nowosielska K. Średniowieczne i nowożytnie wyroby szklane z badań na Starym Mieście we Wrocławiu // Wratislavia Antiqua: Studia z Dziejów Wrocławia. – 2004. – V. 6. – S. 57–88.
61. Siwiak W. Nowożytnie szkła z Przedmieścia Gdańskiego w Bydgoszczy [Zasób elektroniczny]. – URL: https://www.bsmz.org/articles.php?article_id=48 (date of access: 30.04.2025).

Поступила 12.05.2025

ISSUES OF STUDYING GLASS CONTAINERS OF THE LATE MIDDLE AGES AND THE MODERN PERIOD IN THE HISTORIOGRAPHY OF THE COUNTRIES NEIGHBORING BELARUS**D. FEDORUK***(Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk)*

The article is devoted to a brief description of the historiography of the countries adjacent to the territory of Belarus (Russia, Lithuania, Latvia, Ukraine, Poland), where various aspects of glass containerware of the late 16th – early 20th centuries are considered. The stages of studying the issue in each of the countries are highlighted, attention is focused on the most significant historical and archaeological monographs and publications on the topic. It is proposed to distinguish two main stages: the 1st - mid - late 20th century, when the main works were devoted to various aspects of the history of glass production; the 2nd - 1990s - present, is characterized by the study of individual categories of glass artifacts from specific monuments. Problematic issues characteristic of each of the countries to the present day are separately updated (lack of terminology and typology of glass container products, etc.).

Keywords: glass, glass containers, historiography, glass of the late Middle Ages and the Modern period, historiography of the near abroad, material culture.

УДК 902.2(476.5–21)

DOI 10.52928/2070-1608-2025-75-3-17-27

**ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕРРИТОРИИ
БЫВШЕГО ФРАНЦИСКАНСКОГО МОНАСТЫРЯ В Г. ПОЛОЦКЕ В 2022 Г.****А.А. СОЛОВЬЁВ****(Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник)**

В статье приведены первые итоги археологического исследования одного из слабо изученных монастырских ансамблей Полоцка – Францисканского монастыря. Сегодня от некогда обширного комплекса зданий сохранился только келейный корпус. Культурные слои, связанные с первоначальной историей обители, были выявлены лишь в одном шурфе и представлены остатками сгоревшей деревянной постройки XVII в. Во второй половине XVIII в. на её месте из кирпича возводят костёл и келейный корпус.

Закрытие францисканского монастыря и изгнание его монахов по причине участия в шляхетском восстании 1831 г. привело к запустению конструкций укрепления берега, что, в свою очередь, вызвало смещение грунтов, трещины зданий и сползание комплекса в сторону реки. К 60-м годам XIX в. раскрытие трещин (прежде всего, поперечных) на стенах и сводах костёла приняло угрожающий характер, поэтому весь монастырский комплекс власти продали под снос. Костёл же, как наиболее аварийный объект, новым владельцем был оперативно и тщательно разобран. Шурфы на территории памятника и зондажи в монастырском корпусе выявили фрагмент стены и ряд артефактов внутреннего убранства храма.

Ключевые слова: Полоцк, Францисканский монастырь, костёл св. Антония, археология, зондажи, шурфы.

Введение. С июля 2022 г. осуществлялись археологические исследования бывшего монастыря францисканцев XVIII в. по ул. Нижне-Покровской, д. 20 в г. Полоцке с целью последующей адаптации указанного здания к размещению музейной экспозиции. Исследуемый объект является историко-культурной ценностью «2» категории (шифр 212Г000616) и включен в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь (на основании Постановления Совета Министров от 14.05.2007 г. № 578).

Археологические исследования на территории объекта выполнил ведущий научный сотрудник Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника (далее – НПИКМЗ) А.А. Соловьёв на основании Разрешения на право проведения археологических исследований № 4083, выданного Институтом истории НАН Беларуси, по форме № 4 (от 26 июля 2022 г. № 30-13/114).

Основная часть. Известно, что Полоцкий кляштор францисканцев был основан К. Храповицким и его женой Теофилией из рода Друцких-Соколинских между 1628 и 1648 гг. Архитектурный ансамбль монастыря, созданный в конце XVIII в., представлял собой территорию (детинец/двор) с застройкой по периметру границ. С запада границу отмечал костёл Св. Антония, обращённый главным двухбашенным фасадом на север. Вдоль ул. Нижне-Покровской, по северной стороне монастырского детинца располагался пристроенный к храму келейный корпус. По восточной стороне монастырской территории находились деревянные хозяйственные строения (две конюшни), примыкавшие с юга к келейному корпусу. Ряд деревянных построек (ледник, поварня и три амбара) размещался напротив келейного корпуса на южной стороне двора и были обращены к р. Западная Двина (рисунок 1).

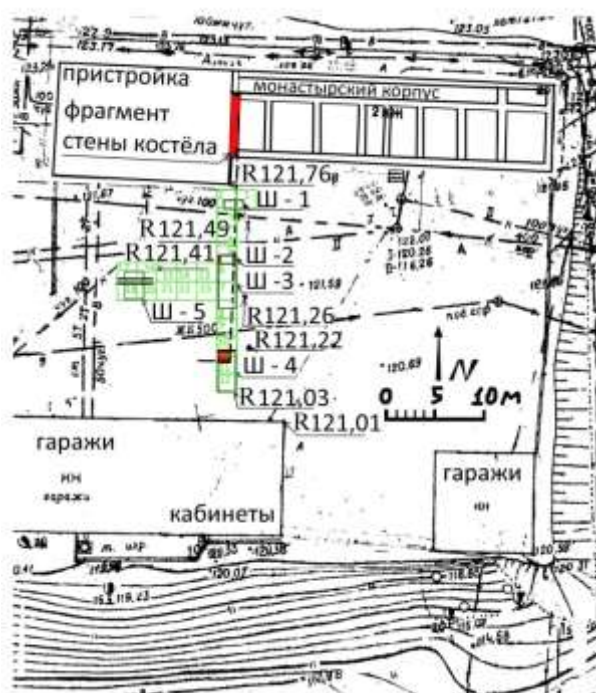

Рисунок 1. – План бывшего Францисканского монастыря с обозначением найденных фрагментов стен костёла (отмечены красным)

В связи с тем, что большая часть архитектурного ансамбля XVIII в. до настоящего времени не сохранилась, возникла необходимость определения размеров и сохранности остатков подземных конструкций главной утраченной доминанты комплекса – кирпичного костёла в честь св. Антония.

Храм возвели в 1763–1775 гг. К 1778 г. была завершена пристройка к храму двухэтажного монастырского келейного корпуса [1, с. 5]. Согласно планам и графическим изображениям Полоцка конца XVIII – начала XIX вв. костёл представлял собой двухбашенную базилику, обращённую алтарём на юг и расположенную перпендикулярно сохранившемуся монастырскому корпусу [2, с. 380: рис. 4.4.4., с. 381: рис. 4.4.6., с. 382: рис. 4.4.7. – 4.4.8.]. Чтобы уберечь постройки от подмыва и сползания, берег реки укрепили деревянными «завалами» (срубные конструкции для защиты береговой линии от размывания), расширив таким образом территорию монастырского двора в сторону Западной Двины. Возведение этих сооружений позволило выровнять и расширить террасу, на которой располагался монастырь. Так называемые «завалы» упоминаются в источниках в связи с их сносом при весенних паводках в 1763 и 1770 гг., после чего конструкции каждый раз заново отстраивались монахами [3, с. 12].

После восстания 1830–1831 гг. монастырь францисканцев упразднили, а монахов изгнали [1, с. 7]. В 1838 г. здания передали православному приходу полоцкой Покровской церкви, здание которой на тот момент было признано «ветхим» [4, с. 82]. В келейном корпусе бывшего Францисканского монастыря была размещена Полоцкая духовная консистория, находившаяся там до 1839 г., после чего её, как и епископскую кафедру, перевели в Витебск. Оставшись без должного досмотра и ремонта «завалы» на берегу Западной Двины быстро пришли в негодность, что привело к подвижкам пластов земли на монастырской территории. Вскоре (через год) каменные здания монастыря из-за подвижек грунтов начали покрываться трещинами, и Новопокровская церковь была закрыта [5, л. 3]. Тогда же остро встал вопрос о возобновлении старой деревянной церкви.

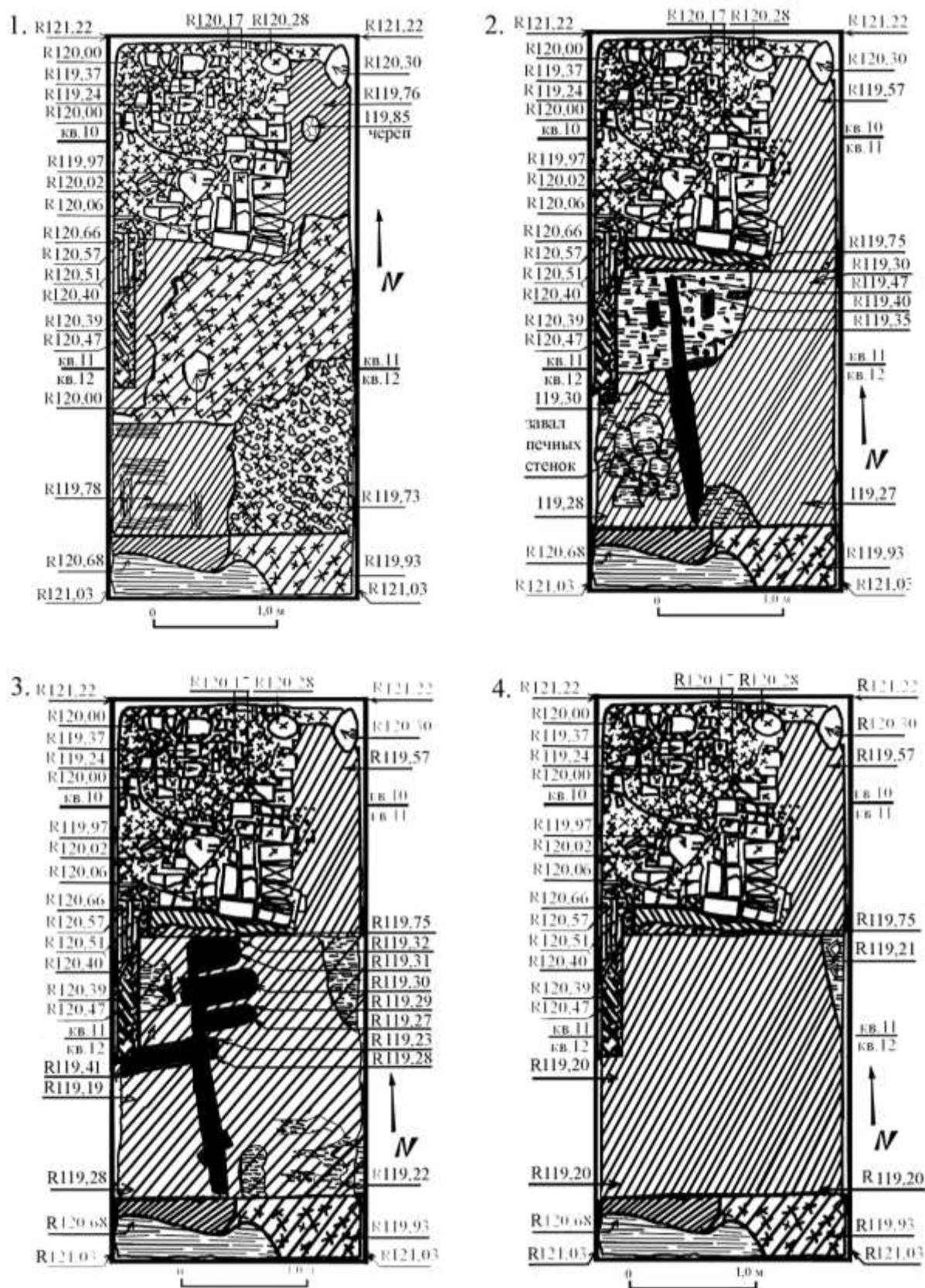
В 1860-х гг. весь ансамбль бывшего кляштора продали на слом, который закончили в 1862 г. В результате уцелел только монастырский жилой корпус, внутренняя планировка которого к 1869 г. была сильно изменена с целью приспособления здания для размещения воинского полка [1, с. 9–10; 4, с. 82]. Очередная кардинальная перепланировка корпуса (судя по сохранившимся внутренним конструкциям и устроенным нами разведывательным зондажам стен помещений) произошла в конце XIX – начале XX вв. Возведённые в ходе перепланировки поперечные стены также имеют следы деформаций и трещины, возникшие как из-за новых подвижек грунтов, происходивших уже в XX в., так и по причине особенностей оснований стен в центральной части корпуса.

Результаты исследования. После проведения автором зондажных работ по стенам келейного корпуса, с учётом расположения известных к началу работ подземных коммуникаций, на месте пятна разрушенного костёла было заложено 5 шурфов. Планировалось выйти на верхние части разрушенных стен храма. В результате данных работ в шурфах 1 и 5 (далее – Ш-1, Ш-2, Ш-3 и т.д.) найдены бетонные лотки ненанесенной на имевшийся план теплотрасы. Разработка Ш-2 и Ш-3 показала, что восточная стена костёла разобрана до самой подошвы фундамента. Кладка юго-восточного угла храма, как и частично сохранившийся культурный слой, были обнаружены автором только в Ш-4. Данный шурф, с точки зрения изучения ранней истории Францисканского монастыря, наиболее информативен.

Непотревоженный культурный слой, обнаруженный в четвертом шурфе, содержал пласты, отложившиеся за период существования деревянного монастырского ансамбля на протяжении XVII – первой половины XVIII вв. Без учёта вырытых ям, пласты начинались на глубине 1,8 м (пласт 9) – 2 м (пласт 10) от существующей дневной поверхности. С глубины 1,8 м от дневной поверхности начала выбираться серая земля, которая содержала вкрапления обожжённой печной глины, обломки изразцов и посуды XVII в. Там же найден фрагмент изразца с фамильным гербом. Гербовое изображение сохранилось неполностью (шлем с перьями, щит и намёт), поэтому его принадлежность установить не удалось. Судя по орнаменту, артефакт относится к первой трети XVII в.

Дальнейшее снятие пласта 9 с южной стороны от кладки показало, что около 2/3 толщины пласта занимает тёмно-серая, почти чёрная земля с вкраплениями обожжённой печной глины. В центральной части шурфа найдены обломки копилки, обувная трёхшипная подковка XVII в., асялок с отверстием и обломки оконного стекла с оплавленными и ретушированными краями. Остальные находки из слоя тёмно-серой земли – мелкие обломки керамической посуды и гвозди XVII в., представленные декоративными и плоскими изделиями. Под данным слоем центральную и восточную часть шурфа занимал слой печной глины, содержащий повреждённые огнём обломки изразцов с четырёхсторонним барочным орнаментом и кирпича с продольными бороздами, относящимися к XVII в. Подобные изделия имеют полные аналогии среди артефактов, выявленных при исследовании Полоцкого иезуитского коллегиума. На уровне данного слоя обнаружено множество фрагментов белоглиняной глазурованной керамики, которая по выделке отличалась от продукции полоцких мастеров, то есть была привозной, и красноглиняной местного производства.

Найденные артефакты и обгоревшие конструкции свидетельствуют о большом сильном пожаре, уничтожившем первые деревянные строения францисканцев. В частности, на юг и восток от кладки кирпичного костёла середины XVIII вв. находился слой пожара, содержащий обугленные плахи деревянного пола постройки с упавшим на них сильно обгоревшим бревном (рисунки 2: 2–3; 3). В западной части шурфа слой печной глины отделяло от пласта тёмно-серой земли обугленное бревно, уложенное по оси Север – Юг. Между бревном и западной стенкой шурфа были сосредоточены редкие обломки изразцов с геометрическим узором и зелёной глазурью без следов повреждения огнём.

1. – вид сверху с кладкой юго-восточного угла костёла в северо-восточном углу на уровне пластов 7–8, череп и остатки древесины погребя в юго-западном углу; 2. и 3. – вид остатков сгоревшей постройки XVII в. на юг от кладки костёла; 4. – вид сверху с кладкой юго-восточного угла костёла в северо-восточном углу на уровне пластов 6–8 и зачистки на уровне границы пластов 11–12 в южной части

Рисунок 2. – Планы шурфа 4

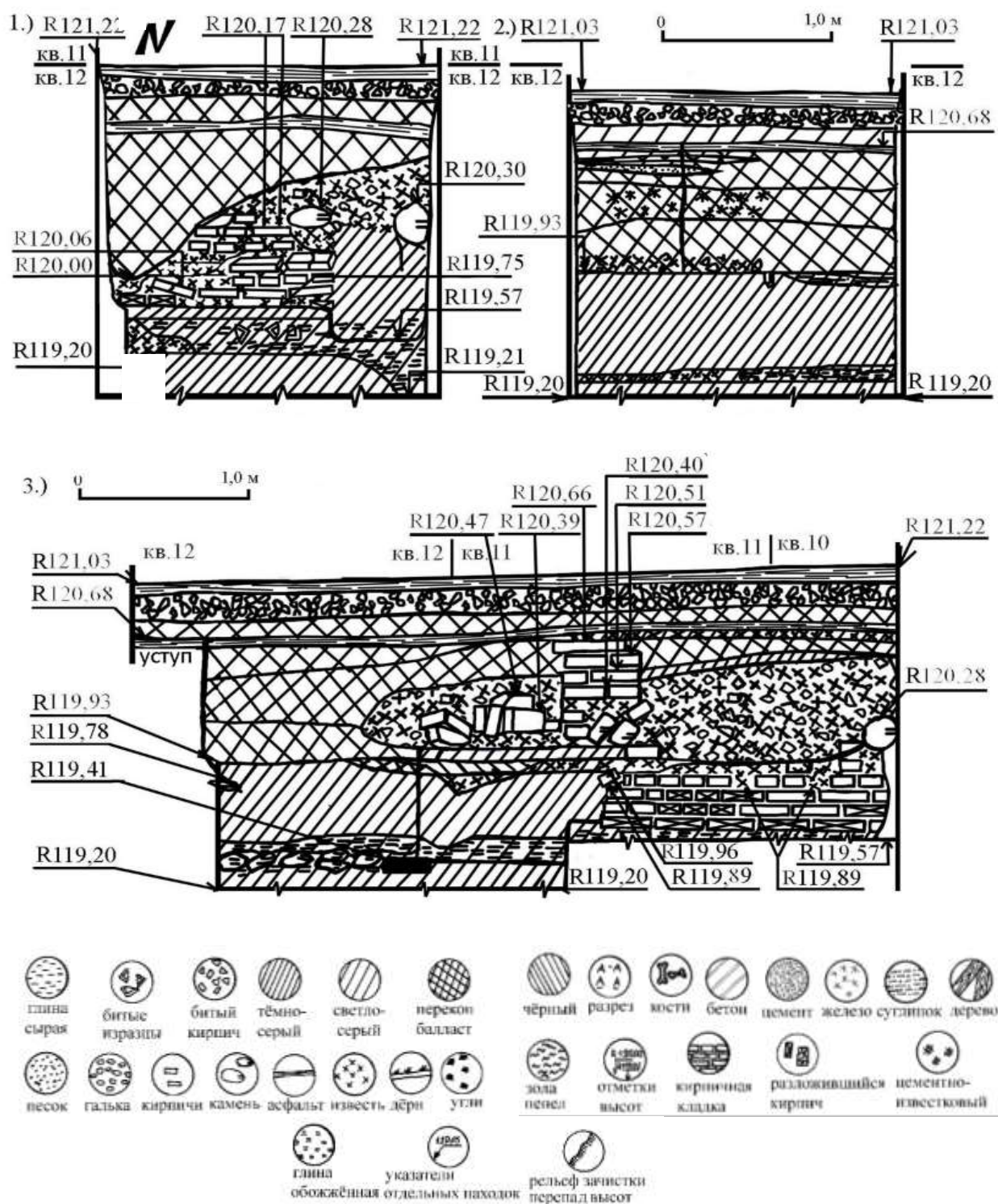

Рисунок 3. – Стратиграфия северной, южной (вверху) и западной (внизу) стенок с выступающей кладкой юго-восточного угла костёла

Западная часть шурфа была отделена от остальной фрагментами обугленного дерева (в виде плахов?) шириной около 12–25 см, толщиной 5–7 см и длиной 0,8 и 0,3 м, положенными в ряд параллельно друг другу с севера на юг и ориентированными с запада на восток. Между ним и западной стенкой шурфа культурный слой представлен тёмно-серой землёй с незначительными вкраплениями угля и красной печной глины. Здесь на границе пластов 9 и 10 был найден крупный обломок изразца с евангельским сюжетом «Моление о Чаше», миски и более мелкие фрагменты керамики и изразцов с сетчатым узором. Они имеют точные аналогии в собрании Полоцкого иезуитского коллегиума. Южнее размещалось скопление обломков толщиной до 5–7 см, которые представляли собой обломки печных стенок и пода небольшой плиты или очага. На уровне пласта 10, от восточной стенки шурфа до упомянутых

выше обгорелых плах, на расчищаемой площади прослежен частично перемешанный с землёй слой печной глины, содержащий повреждённые огнём обломки изразцов и кирпича с продольными бороздами (размеры $5,2 \times 14 \times (?)$ см; $6,1 \times 12 \times (?)$ см), относящимися к XVII в., под ним на глубине от 10 до 15 см, начинался слой угля от сгоревших конструкций. Судя по волокнам древесины, они были ориентированы по оси Север – Юг. С восточной стороны возле обугленных плах найден деформированный в пожаре большой фрагмент горшка (см. рисунки 2: 3; 3).

На глубине 0,37 м от зачищенной поверхности пласта 6 на уровне границы пластов 7 и 8 в слое тёмно-серой земли обнаружен человеческий череп и обломки костей (его расчистку и извлечение из земли произвел археолог В.В. Черевко). Начатые археологом расчистки вокруг черепа выявили скопления обломков и целых образцов человеческих костей, которые признаков анатомического расположения не имели. Среди них найдены гвоздь, мелкие обломки керамики и стекла XVII–XVIII вв. Череп имел серьезные повреждения и извлекался по фрагментам. Там же, севернее данной находки, найдены и обломки нижней челюсти, которые могли относиться к другим останкам. Лицевой частью череп был обращён на север. Судя по характеру расположения и уровню залегания, череп мог относиться к потревоженному при возведении костёла захоронению. По данным известного белорусского антрополога О.А. Емельянич, череп принадлежал мужчине 30–50 лет (см. рисунки 2: 1; 3).

Начиная с XVIII в., когда осуществлялась подготовка к строительству кирпичного костёла, монахами укреплялся край террасы, на которой планировалось строить монастырь. Для сохранения берега от оползания возводились уже ранее упоминаемые нами «завалы» – срубные конструкции, которые расширяли и укрепляли монастырскую территорию. О близости ската берега говорило наклонное в южном направлении расположение культурных отложений в восточной и западной стенках III–4.

Археологическим работам по изучению остатков разрушенного костёла предшествовали зондажные работы А.А. Соловьёва в монастырском корпусе, позволившие выявить в его составе большой фрагмент восточной стены храма с частично уцелевшим убранством фасада, что позволило уточнить трассировку стены на прилегающей к зданию территории. Закладка первых трёх шурфов (III–2 и III–3) показала, что большая часть остатков храма была выбрана при его разборке в 1860-х гг. Ситуацию осложняли значительные перекопы культурного слоя изучаемой территории при прокладке подземных коммуникаций. Некоторые из этих объектов на геодезических планах территории отсутствовали и были выявлены непосредственно при археологических работах. Небольшой участок каменно-кирпичной кладки восточной стены костёла был обнаружен на глубине около 2,5 – 2,6 м от современной земной поверхности. Расчистки в западной части шурфа показали наличие остатков конструкции, выполненной на серо-коричневом рыхлом растворе. Расчищенные кирпичи уложены тычками ($14,7 \times 5 \times (?)$ см, $14 \times 6,7 \times (?)$ см, $13,0 \times 6,2 \times (?)$ см, один кирпич развёрнут кромкой (?) $\times 6,5 \times 27$ см), камень 20×25 см обнаружен в северо-западном углу шурфа. Лицевую поверхность кладки проследить не удалось. Остальную часть шурфа занимал завал строительного мусора со значительной примесью песка (рисунок 4).

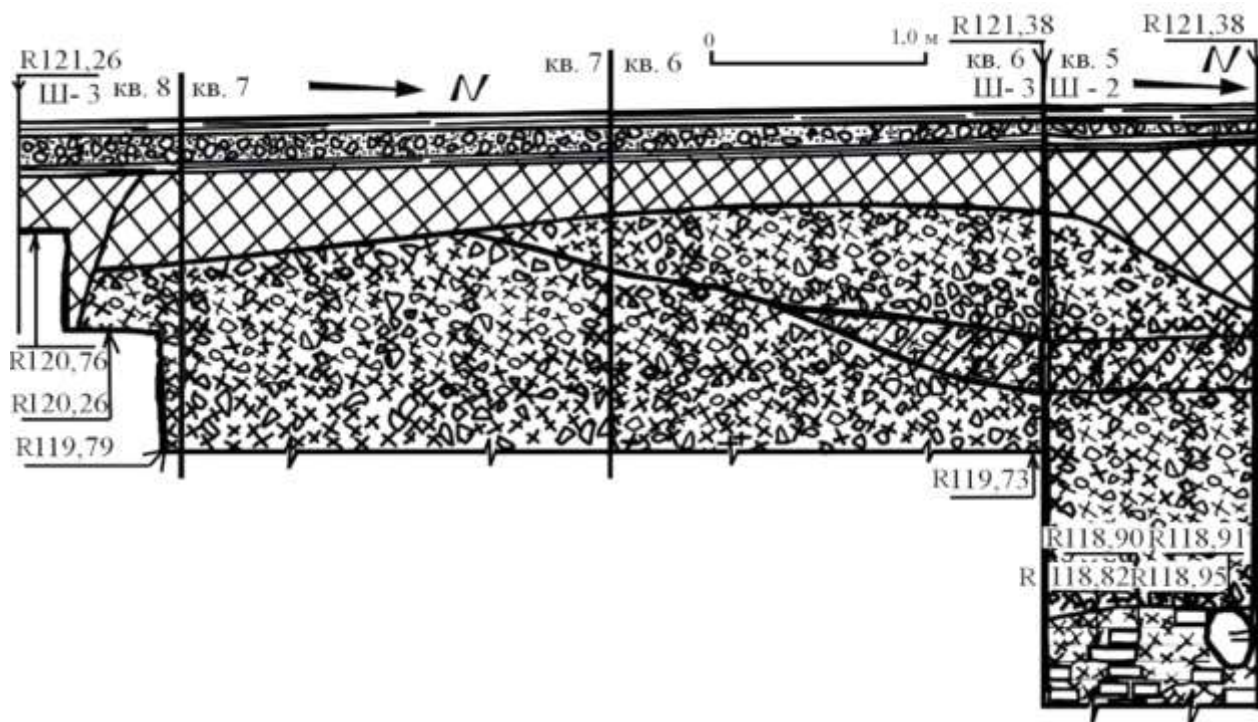

Рисунок 4. – Развёртка западной стенки (III – 2 и 3) с фрагментом кладки основания костёла

Культурный слой второго и третьего шурфов до уровня пластов 3–5 представлял собой слои асфальта, разделённые прослойками гравия, ниже которых прослеживался слой тёмно-серой земли балластного характера, содержащий редкие артефакты XVII – первой половины XX в. Толщина его составляла от 0,5 до 1 м, земля плотная. Данный слой перекрывал мощный завал строительного мусора, сформировавшийся при разрушении костёла. Его толщина достигала более 2,5 м, в нижней части мусор был перемешан с серой землёй. Содержимое представлено обломками известкового кладочного и штукатурного раствора. Стеклянная и керамическая посуда, обломки изразцов, оконного стекла и черепицы из завала были единичными фрагментами изделий XVII – первой половины XIX в. Среди найденных обломков известкового кладочного и штукатурного растворов особый интерес представляют фрагменты обмазки стыков между черепицами, профиля карнизов и фрагменты лепнины от капителей колонн. Ряд фрагментов штукатурки с поверхностей стен отличался значительной толщиной (до 5–7 см) и, возможно, был связан с устройством в интерьере храма накладных пилястр(?) и выступов пристенных алтарей. Ряд фрагментов штукатурки имел округло-цилиндрическую поверхность, которая, судя по радиусу окружности, была связана с круглыми колоннами диаметром около 32–37 см, которые нередко украшали стеновые алтари католических храмов на уровне верхнего яруса(надставы) для установки икон. С этими колоннами связаны и фрагменты лепных украшений, выполненных из более тонко просеянного (по сравнению со штукатурным) раствора. Поверхность лепнины окрашена в зеленоватый цвет. Среди её фрагментов найдены завиток капители, её лепестки и пояски, часть окантовки низа. Характер фрагментов лепнины позволяет полагать, что на капителях она была выполнена в коринфском стиле [6, с. 256, 257, 265, 266] (рисунок 5).

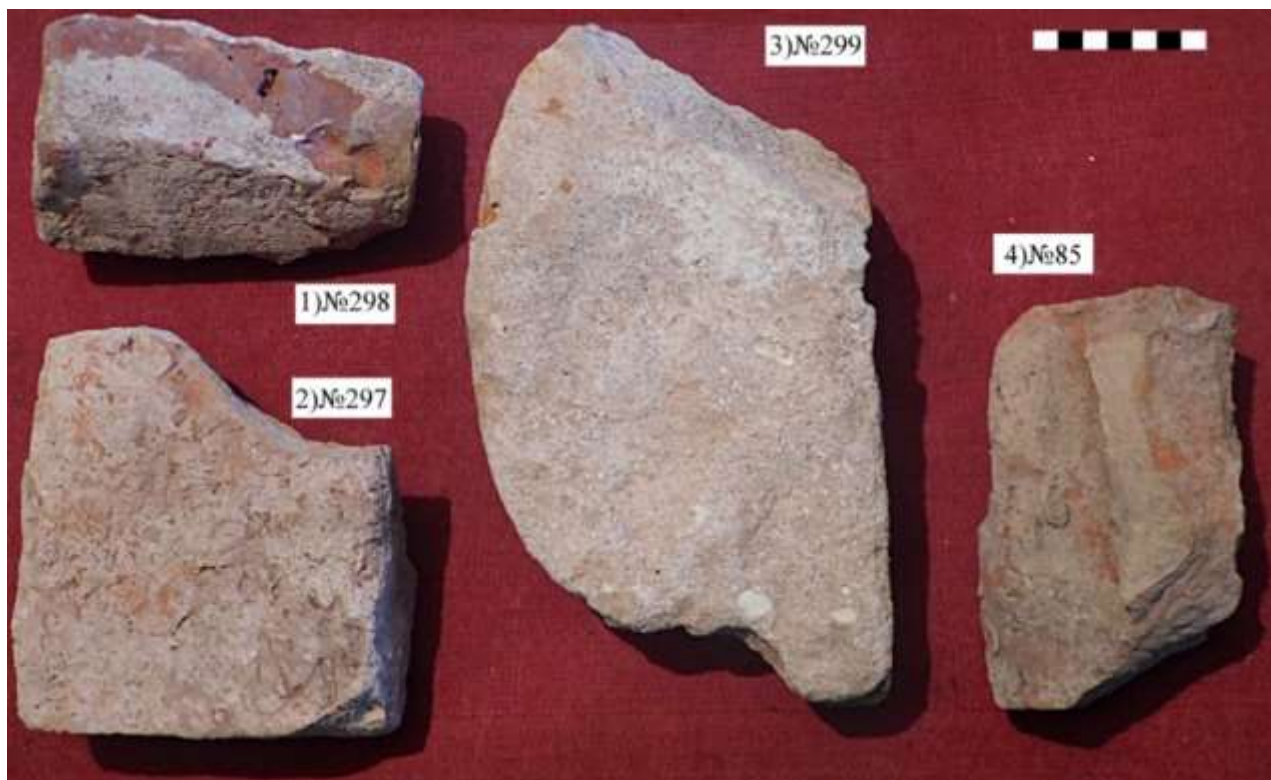

Рисунок 5. – Фрагменты лепнины XVIII в. от капителей колонн и пилястр боковых алтарей костёла

Найденные там же фрагменты карнизных профилей можно разделить на крупноформатные, связанные с убранством интерьера костёла, и малоформатные, связанные с украшением боковых алтарей (в частности, находившихся в восточном нефе храма). С цветными вставками убранства алтарей связаны мелкие и редкие обломки цветной штукатурки жёлтого, красно-розового и серо-голубого цветов. Тем самым цветовое решение интерьера напоминало убранство отреставрированного Полоцкого Софийского собора. Кроме указанной выше штукатурки найдены фрагменты раствора с отпечатками гвоздей, что может быть связано с креплением массивных лепных элементов пилястр костельных помещений.

В завале, оставшемся от разрушения храма, не было найдено ни одного целого кирпича, а половинки изделий представлены единичными образцами. Фрагменты полукруглых изделий $15 \times 7,3 \times 30(?)$ см позволяли выкладывать колонны и пилястры диаметром 30–32 см и, в отличие от подобных артефактов Полоцкого иезуитского коллегиума (диаметром 38–40 см) середины XVIII в., косых борозд не имели. Кирпичи для выкладки карнизов (сформованные и вытесанные) полностью повторяли изделия Полоцкого коллегиума середины XVIII в. [7, с. 51: рис. 23]. Среди находок кирпичей также редки «следовики», они представлены изделиями с отпечатками

травы ($6,3 \times 14,3 \times (?)$ см) и пальцев формовавших их рабочих ($6,3 \times 14,5 \times (?)$ см), аналогичные материалам сохранившихся корпусов Полоцкого иезуитского коллегиума (рисунок 6).

1) и 2) – кирпичи «следовики» с отпечатками пальцев и травы;
3) и 4) – образцы лекального кирпича – полукруглый – от колонны, с вогнутым торцом – от карниза

Рисунок 6. – Образцы кирпичей костёла

Данные фрагменты кирпичей и лепнины, с учётом архитектурных элементов сохранившегося в составе келейного здания фрагмента стены храма, позволяют считать, что боковые алтари в костёле были с кирпичными надставами (т.е. устроенные в два яруса). Их высота была ограничена подоконниками прямоугольных окон с лучковыми арками. Над установленными в них образами, как и в Софийском соборе, имелись картуши с полихромными медальонами. Боковые части алтаря фланкировали по одной или две круглых колонны. Верхние части этих выступов в виде композиций с колоннами обычно завершали вазы или скульптуры ангелов [8, с. 25: табл. 1, с. 26: табл. 2, с. 27: табл. 3].

Плитки пола и черепица также представлены небольшими фрагментами изделий, которые не позволяют восстановить их размеры. Черепица представляла собой волнистые пластины, которые с помощью шипов навешивались на обрешётку, и их стыки промазывались известковым раствором, что хорошо известно по археологическим материалам исследований Полоцкого иезуитского коллегиума. Фрагменты этой обмазки найдены там же. Вместе с тем, в Инвентарях 1818 и 1823 гг. крыша костёла указана «гонтовой». Последнее может быть связано с пожаром или событиями войны 1812 г., в ходе которых черепичная кровля храма сильно пострадала и была заменена гонтовой. Среди образцов плиток пола нет ни одного целого экземпляра, найденные фрагменты имеют толщину около 4–5 см и, вероятно, по формату близки изделиям, найденным в корпусе бывшего Бернардинского монастыря [9, с. 108–109].

Оконное стекло представлено фрагментами стеклянных пластин толщиной 1,5 мм из зелёного стекла различных оттенков, на некоторых из них имелась ретушь. Подобная обработка края пластин оконного стекла в XVII–XVIII вв. встречается в материалах Полоцкого иезуитского коллегиума и была вызвана необходимостью подгонки размеров пластин для соединения их свинцовыми переплётками.

Особый интерес представляли собой материалы, связанные с костёлом, из шурфа 4. Там завал, оставшийся от разрушения костёла, прослежен только на уровне пластов 3–6, но на уровне 5-го пласта в северном профиле появились первые признаки кирпичной кладки. Расчистка на уровне пластов 6–7 показала, что северную часть шурфа занимала массивная кирпичная конструкции на известковом растворе. С севера на юг её кладка прослежена на длину около 1,8 м, с запада на восток – на длину около 1,4 м. Основной массив кладки был набран из половинок кирпича, целые образцы были редки, их размеры: $13,7 \times 6,1 \times 29$ см; $(?) \times 13,8 \times 29,2$ см; $7 \times 14,1 \times 29,3$ см; $6,4 \times 14,2 \times 30,0$ см.

Внутри кладки стены были прослежены крупные колотые камни диаметром от 0,3 до 0,5 м, восточная лицевая кладка найденной стены имела уступ шириной около 5,0 см (см. рисунки 2; 3 и 5; 8). С её восточной стороны на уровне пласта 6 прослежен слой тёмно-серой земли с артефактами XVIII в. – обломками глазурованной керамики, фрагментами лампадок и оконного стекла, гладкими расписными и зелёными изразцами. Далее при расчистке слоя земли менялась её структура, она напоминала завал строительного мусора костёла, но со значительной примесью тёмно-серой земли. По периметру кладки в примыкающем к ней культурном слое на уровне пласта 6 найдено стеклянное украшение от люстры(?) и горло бутылки XVIII в. (рисунок 7). Южнее кладки найдены обломки глазурованного сосуда со следами зелёной краски(?). На этом же уровне в не потревоженном перекопами слое были найдены обломки расписных изразцов. Все они по характеру выделки и материалу отличались от остальных – были привозными. Целые печные наборы были выявлены при изучении зданий, где после присоединения белорусских земель к Российской империи, размещалась царская администрация. Например, в ратуше Витебска и бывшем доме генерал-губернатора Полоцка [10, с. 80: мал. 2]. Судя по цветовой гамме и характеру орнамента, местом их производства был город Торопец, где располагалась мастерская художника-керамиста Трубицына [11, с. 96].

Рисунок 7. – Артефакты, связанные с убранством костёла XVIII в.: лампадка, горло бутылки, украшение от люстры(?)

Фрагмент стены костёла в составе монастырского корпуса имел юго-восточный и северо-восточный угол колокольни в виде четверти круга, к которому вели двухступенчатые уступы, представлявшие собой лопатки с пряслем гладкой стены между ними (рисунок 8: 1 и 2). Их нижние части были рустовыми и завершались карнизом в 4 ряда из обычного и тёсаного кирпича. Расчистка заполнения стыка между кладками стен костёла и корпуса, который разошёлся при сползании обоих зданий в сторону Западной Двины, выявила частично сохранившиеся его вытянутые штукатурные профили, но их полноценный отпечаток имеется на растворе примыкающего выступа западной стены корпуса. Выше его лопатки были уже и рустовки не имели. На выступе (лопатке) костёла на высоте 1,87 м от существующего чистового пола второго этажа видна кладка вертикально поставленным кирпичом в 1 ряд, там возможно, был замурован клин металлического тяжа. Ширина прясла стены между лопатками – около 1,6 м.

Фрагмент фасадной стены восточного нефа костёла примыкавший к колокольне, найден со стороны пристройки на уровне её обоих этажей, он имеет срубленную поверхность. При расчистке срубленной кладки на уровне второго этажа были обнаружены вставки небольших камней или их отпечатки на поверхности первоначального раствора. Изучение стыка пристройки с остатками стены костёла и корпуса выявило следы северного откоса оконного проёма восточного нефа храма. От пяты арки окна до чистого пола помещения пристройки около 0,75 м (рисунок 8: 3). Зондаж под самым потолком первого этажа со стороны пристройки показал продолжение данного окна. Здесь от его откоса уцелел один развёрнутый под углом кирпич. Вся поверхность стены, обращённая в помещение, имела срубленную поверхность, ниже начинался след подоконника, что позволяет восстановить высоту проёма со стороны нефа. От плиты перекрытия пристройки до угла с подоконником в виде срубленного кирпича расстояние составляло около 0,5 м, но более точные промеры данной конструкции невозможны из-за отсутствия у выявленного фрагмента лицевой поверхности. Кладка откоса обнаружена автором только по развёрнутой под углом к стене поверхности кирпичей. Таким образом, с учётом толщины перекрытия и пола (около 0,45 м), можно полагать, что вся высота проёма составляла около 1,8 м вблизи фасада. Его северный откос был

практически в одной плоскости с южным фасадом келейного корпуса. Арочная перемычка окна, с учётом обнаруженных следов кладки пяты, видимо, была лучковой. На основе выявленных остатков архитектурного убранства нами была сделана реконструкция данного фрагмента стены, который являлся восточным фасадом одной из колоколен костёла [12, с. 61–65] (рисунок 9).

1. – русты на пилястре; 2.–замурованный округлый юго-восточный угол колокольни (вид со стороны корпуса);
3. – остатки откоса и пяты от окна восточного нефа (вид со стороны пристройки)

Рисунок 8. – Фрагмент стены костела

Следов деятельности и пребывания здесь прихода полоцкой Покровской церкви, которому передали комплекс в 1838 г., в данных шурфах выявить не удалось. Только в юго-восточной части шурфа прослежен перекоп, относящийся, судя по находимым артефактам, к XIX в.

После разрушения большей части бывшего монастырского ансамбля, новый период застройки начинается с конца XIX – начала XX вв. Одноэтажная деревянная застройка по южной стороне бывшего монастырского двора хорошо просматривается на многочисленных фотографиях Полоцка конца XIX – начала XX вв. Археологические материалы III–4 указывают на то, что ряд этих деревянных строений имел кирпичные фундаменты. Фрагмент вывернутого из земли подобного фундамента до сих пор лежит на берегу Западной Двины у подножия монастырской террасы. Найденные остатки волокон досок позволяют считать, что стоявшее здесь здание имело под полом деревянный склеп. С этим домом связаны находки на дне склепа фрагментов глазурованных горшков, нижней части флакона из-под парфюмерии из бесцветного стекла с надписью «Брокаръ и К въ Москвѣ» и гербом Российской империи и стакана [13, с. 26]. В этом же слое найдены обломки фарфоровой посуды завода М.С. Кузнецова. Часть артефактов из верхних слоёв балластного характера связана с нивелировочными работами, происходившими в середине XX в. при сносе стоявшего на месте костёла до возведения существующей пристройки дома XIX – начала XX вв., в это же время велись земляные работы на склоне берега Западной Двины, что отразилось на балластном характере южного профиля четвертого шурфа.

Заключение. Культурный слой, отложившийся за время существования деревянного Францисканского монастыря, говорит о расположении на месте шурфа 4 хозяйственно-жилой постройки, которая, судя по обломкам столовой посуды, наличию изразцов и глиняных стенок печи и оконного стекла, могла быть кухней или трапезной. Гибель деревянных зданий, видимо, связана с событиями войны России с Речью Посполитой 1654–1667 гг. Первоначальный деревянный костёл располагался севернее, на что косвенно указывает найденный у фундамента каменного храма череп из потревоженного захоронения. После пожара 1763 г. монастырь стали восстанавливать из кирпича.

Шурфовка на территории бывшего Францисканского монастыря показала, что от костёла ниже уровня дневной поверхности сохранились незначительные фрагменты фундаментов, собранные, по большей части, из половинок кирпича. Обнаруженная кладка юго-восточного угла восточного нефа костёла имела длину, с учётом фрагмента стены в составе здания, около 30 м. Обломки черепицы и обмазки стыков между пластинами говорят о первоначальном характере покрытия кровли. Гонт, видимо, положили позднее, временно, когда храм мог пострадать из-за пожара, например, во время войны 1812 г. Окна были заполнены зелёным стеклом толщиной около 1,5 мм. Большая часть элементов интерьера была побелена.

Найденные фрагменты цветной штукатурки связаны с заполнением картушей и цветными вставками в боковые алтари. Они имели накладную лепнину и капители колонн зеленоватого цвета в римско-коринфском стиле. По устройству алтари напоминали боковые алтари Полоцкого Софийского собора, располагавшиеся в боковых апсидах по восточной и западной сторонам храма, но здесь они были плоскостными и двухъярусными за счёт

ЛИТЕРАТУРА

1. Глинник В.В. Материальная недвижимая историко-культурная ценность «здание бывшего кляштора францисканцев» (XVIII в.) по ул. Нижне-Покровской, 20 в г. Полоцке. Объект № 14.22 «Реставрация с реконструкцией бывшего жилого корпуса монастыря францисканцев по ул. Нижне-Покровской, 20 в г. Полоцке (историко-культурная ценность категории «2», XVIII в.) с приспособлением под Музей археологии г. Полоцка». Комплексные научные изыскания. – Кн. 2: Историческая справка / ООО «Научно-проектный центр «РЕСТАБИЛИС». – Минск, 2022. – С. 5–12.
2. Чантурия Ю.В. Белорусское градостроительное искусство: средневековое наследие, ренессанс, барокко, классицизм в контексте европейского зодчества. – Минск: Бел. навука, 2017. – 503 с.
3. Авчинникова Ю.А. Объекты городской застройки и топографии Полоцка конца XIV–XVIII вв. по материалам «Археографического сборника документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси» // Матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі: (па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага запаведніка ў 2015 г.) / уклад. Т.У. Явіч. – Мінск: Медысонт, 2018. – С. 5–16.
4. Данько Л.Ф. Храм Покрова Пресвятыя Богородицы во граде Полоцке // Полоцкий летописец. – 1992. – № 1. – С. 82–84.
5. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2694. Оп. 1. Дело. 26 О торжественном перенесении Животворящего Креста Преподобной Евфросинии в Спаскую Обитель. – Нач. 10 мая 1842 г.
6. Шуази О. Всеобщая история архитектуры / пер. Н.С. Курдюкова, Е.Г. Денисовой. – М.: Эксмо, 2010. – 704 с.
7. Соловьёв А.А. Полоцкий иезуитский коллегиум в ретроспективе (1581–1914): архитектурно-археологический очерк. – Полоцк: Полоц. книж. изд-во, 2012. – С. 35, 51.
8. Радзевич Р.И. Развитие Архитектуры алтарей католических храмов Беларуси в XVII – первой половине XIX веков: автореф. дис. ... канд. архитектуры: 05.23.23 / Белор. нац. техн. ун-т. – Минск, 2019. – 27 с.
9. Соловьёв А.А., Захаркина Г.И., Лукьяненко В.Г. Подвалы главного корпуса монастыря бернардинцев в Полоцке: натурное обследование // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. Ф. Строительство. Прикладные науки. – 2021. – № 16. – С. 106–111.
10. Салаўёў А.А. Гарадская прастора Полацка ў складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.): гістарычныя традыцыі і новыя рэаліі // Полацк у святле станаўлення гістарычных і нацыянальных форм беларускай дзяржаўнасці (IX–XX стст.): кал. манагр. / Д.У. Дук і інш. – Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2019. – С. 80.
11. Козлов А.В. Русские печи и печная керамика XVII–XIX веков. – Т. VI. – М.: «АНКО»; СПб.: «Эксклюзив-Стиль», 2016 – 224 с. (Сер. Печи и камины).
12. Соловьёв А.А. Итоги натурных исследований стен дома по ул. Нижне-Покровская, 20 (келейный корпус бывшего францисканского монастыря) в г. Полоцке // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. Ф. Строительство. Прикладные науки. – 2024. – № 1(36). – С. 59–66. DOI: <https://doi.org/10.52928/2070-1683-2024-36-1-59-66>.
13. Каталог старинных бутылок, флаконов, банок и ёмкостей парфюмерного и косметического назначения / Сост. С.А. Попков. – 3-е изд., доп. и исп. – Ростов-н/Д., 2014. – С. 26.

Поступила 12.05.2025

FINDINGS OF THE ARCHAEOLOGICAL SURVEY ON THE TERRITORY OF THE FORMER FRANCISCAN MONASTERY IN POLOTSK IN 2022

A. SOLOVYOV

(Polotsk National Historical and Cultural Museum-Reserve)

The article presents the first results of an archaeological study of one of the poorly studied monastic complexes of Polotsk – the Franciscan Monastery. Today, only the cell building remains from the once extensive complex of buildings. Cultural layers associated with the original history of the monastery were discovered in only one pit and are represented by the remains of a burnt wooden building from the 17th century. In the second half of the 18th century, a church and a cell building were built in its place out of brick.

The closure of the Franciscan monastery and the expulsion of its monks due to their participation in the 1831 gentry revolt led to the abandonment of the coastal fortification structures, which in turn caused soil displacement, cracks in the buildings and the sliding of the complex towards the river. By the 1860s, the cracks (primarily transverse ones) on the walls and vaults of the church had become threatening, so the authorities sold the entire monastery complex for demolition. The church, as the most dangerous building, was quickly and carefully dismantled by the new owner. Excavations on the territory of the monument and soundings in the monastery building revealed a fragment of a wall and a number of artifacts from the interior decoration of the temple.

Keywords: Polotsk, Franciscan monastery, St. Anthony's church, archaeology, probing, pits.

УДК 903(476)"1941/1945"

DOI 10.52928/2070-1608-2025-75-3-28-32

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЕЛОРУССКИХ АРХЕОЛОГОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

*канд. ист. наук С.С. ЮРЕЦКИЙ**(Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа НАН Беларуси, Минск)**e-mail: st.yuretski@yandex.by*

Статья посвящена деятельности представителей белорусской археологической науки в годы Великой Отечественной войны. Рассматриваются вопросы судеб белорусских археологов в условиях войны (К.М. Поликарповича и В.Р. Тарасенко). Отдельно анализируется работа ученых в эвакуации. Рассматривается участие белорусских ученых во Всесоюзном археологическом совещании в г. Москве, состоявшемся в феврале–марте 1945 г.

Ключевые слова: археология Беларуси, Великая Отечественная война, история науки, историография, Академия наук, Институт истории, археологические раскопки.

Введение. Начало Великой Отечественной войны 22 июня 1941 г. прервало мирное и поступательное развитие народов СССР. Белорусская ССР оказалась среди первых союзных республик, которые были атакованы нацистскими агрессорами. События на Западном фронте в июне 1941 г. не позволили провести организованную эвакуацию из г. Минска ряда учреждений, в том числе и Академии наук БССР [1, л. 1; 2, л. 1–5.]. Часть ученых удалось эвакуировать, некоторые же остались на оккупированной территории.

Целью данной статьи является характеристика организации и проведения исследований по археологии белорусскими учеными в период Великой Отечественной войны. Отдельное внимание будет обращено на судьбы ученых в условиях военных испытаний.

Источниковой базой исследования, в виду отсутствия опубликованных белорусскими археологами научных работ в указанный период, стали материалы Центрального научного архива НАН Беларуси (материалы делопроизводства, планы и отчеты сотрудников Института истории АН БССР), Центральной научной библиотеки НАН Беларуси (планы работ АН БССР на 1943 и 1944 гг., материалы делопроизводства периода эвакуации Академии наук), Архива Российской академии наук (материалы Всесоюзного археологического совещания 1945 г.).

Основная часть. По состоянию на 1941 г. в БССР работало фактически два профессиональных археолога. Первым из них был заведующий сектором археологии Института истории АН БССР К.М. Поликарпович. Археолог в довоенный период провел значительные работы по изучению древностей каменного и бронзового веков восточной части БССР. Классическими для историографии белорусской археологии стали его исследования по палеолиту Беларуси, выявлению и каталогизации первобытных памятников Белорусского Посожья [3, с. 6–7]. Вторым профессиональным археологом в республике был В.Р. Тарасенко, который до войны являлся сотрудником Могилевского государственного исторического музея, а также Могилевского педагогического института. Ученый проводил исследования преимущественно памятников железного века (городищ) на территории Верхнего Поднепровья (Смоленщины и Могилевщины). Наиболее значительными из довоенных работ исследователя следует назвать раскопки городища Барсучья Горка в Могилевском районе в 1937 г. [4, л. 1]. С началом Великой Отечественной войны К.М. Поликарпович оказался в эвакуации. В.Р. Тарасенко был призван на фронт в действующую армию. В итоге можно говорить о двух разных судьбах упомянутых ученых, что было вызвано началом Великой Отечественной войны.

С 29 июня 1941 г. по февраль 1942 г. В.Р. Тарасенко находился на фронте в звании техника-интенданта 2-го ранга. После ранения и нахождения в госпитале с марта 1942 г. по 1 июля 1943 г. работал учителем истории в Средней школе д. Большой Кердегеш Кемеровской области РСФСР. С 1 июля 1943 г. по июль 1944 г. являлся преподавателем истории 3-й московской специализированной артиллерийской школы (до февраля 1944 г. данное учреждение находилось в г. Прокопьевск Кемеровской области, затем было возвращено в Москву) [5, с. 15]. Таким образом, В.Р. Тарасенко к весне 1944 г. оказался в советской столице.

Первоначально в период эвакуации К.М. Поликарпович находился в Казахской ССР, работал в геологических экспедициях, при этом проводил и археологические разведки местных памятников [3, с. 79]. Необходимо отметить, что во время пребывания в Казахстане он предпринимал попытки восстановить связь с Академией наук БССР, об этом красноречиво свидетельствует письмо археолога к В.И. Пичете от 22 марта 1942 г. [6, л. 1]. 24 декабря 1942 г. К.М. Поликарпович был восстановлен в качестве старшего научного сотрудника Ташкентской группы Академии наук БССР, которая функционировала во время эвакуации в столице Узбекской ССР [3, с. 80]. Следует упомянуть, что само название данная группа получила от места нахождения в эвакуации части сотрудников Академии наук БССР [7, л. 1–2]. В условиях войны планирование работ в рамках Академии наук БССР осуществлялось по Отделениям наук, организационно существовавшим ещё до войны. На 1943 г. по Отделению общественных наук Академии наук БССР среди других была запланирована для выполнения тема «История культуры белорусского народа». Исполнителями данной темы были назначены В.И. Пичета и К.М. Поликарпович. Целью работы было представление истории культуры белорусского народа от древности и до 1569 г. Очевидно, что тематика древнего периода с разделами «Техника и хозяйство», «Общественные отношения» и «Искусство» планировалась для изучения К.М. Поликарповичем [8, с. 12].

Необходимо отметить сложное положение ученых, работавших в Ташкентской группе Академии наук БССР. В условиях войны нерешенным оставался статус данной группы, а также отсутствовала постоянная организационная связь с другими учеными Академии наук БССР, в частности с Президиумом. Сказывалось сложное материальное положение и отсутствие необходимой базы. Отметим, что учеными, не смотря на ряд указанных проблем военного времени, выполнялись научно-исследовательские работы. Так К.М. Поликарпович работал над указанными выше разделами по теме «История белорусской культуры», в частности, указывалось на готовность к печати статьи на тему «Культура Белоруссии в I тысячел. н. э.» [8, л. 1–5]. Только в декабре 1943 г. ученые Ташкентской группы получили вызов прибыть в Московскую область РСФСР, где планировалось возобновить работу Академии наук БССР [9, л. 1 – 1об.].

На 1944 г. К.М. Поликарповичем была запланирована для исполнения тема «Белорусская археология», имевшая сводный характер, с целью показать в обобщенном виде результаты археологических исследований на территории БССР [10, с. 9]. С 1 января по 31 мая 1944 г. ученый работал над разделом «Первобытно-общинный строй на территории Белоруссии» для будущего учебника «История БССР». Также осуществлялось написание статьи, посвященной археологическим исследованиям на территории Центрального Казахстана в 1941–1942 гг. Археологом было составлено около 150 карточек по библиографии археологии Беларуси [11, л. 18–18об.].

Первой половиной 1944 г. следует завершить первый период деятельности белорусских археологов в годы Великой Отечественной войны. Второй период следует связать с научно-организационными преобразованиями в Академии наук БССР, что позволило объединить работу двух профессиональных археологов в рамках одного учреждения – восстановленного Института истории.

В соответствии с постановлением Президиума АН БССР 16 июня 1944 г. был восстановлен Институт истории АН БССР в его довоенной организационной структуре. В области археологических исследований был создан сектор археологии и первобытной культуры. С 1 июля 1944 г. заведующим этого сектора был назначен К.М. Поликарпович [12, л. 1, 3]. 6 июля 1944 г. академик Н.М. Никольский был утвержден в должности директора учреждения [13, с. 39; 14, с. 144]. Остро стоял кадровый вопрос. 3 июля 1944 г. в состав Института истории АН БССР по секции археологии и древней культуры был принят на работу второй археолог – В.Р. Тарасенко. Также в условиях пребывания института в Москве к работе данной секции привлекались местные специалисты. Так, с 3 июля 1944 г. в состав секции был принят на работу профессор В.К. Никольский, бывший специалистом по истории первобытного общества [12, л. 2, 3].

Во втором полугодии 1944 г. К.М. Поликарпович продолжал исследования по обобщающей теме «Археология Белоруссии», а также по теме «Библиография археологии Белоруссии». На основе уже накопленных материалов работал и В.Р. Тарасенко над темой «Культура эпохи раннего железа верхнего Днепра» [15, л. 20–22]. На 1944 и 1945 гг. специалистами Института истории АН БССР строились серьезные планы по завершению работ над первым томом «Истории БССР». К выполнению данного проекта были привлечены и специалисты в области палеогеографии (профессор М.Н. Смирнов), а также археологии (К.М. Поликарпович) [11, л. 1, 18]. На 1945 г. К.М. Поликарповичем планировался также комплекс научно-исследовательских работ по ряду тем: «Палеолитическая стоянка в Елисевичах», «Неолит среднего Сожа», «Материалы для историко-географического словаря Белоруссии. 1. Могилевская и Гомельская области» и «Библиография археологии Беларуси» [15, л. 23]. В.Р. Тарасенко на 1945 г. была запланирована тема «К истории Верхнего Поднепровья Беларуси в I тыс. н. э.» [16, л. 44].

Следует отдельно остановиться на работе Всесоюзного археологического совещания 1945 г., участия в нем белорусской делегации и общего значения данного мероприятия для последующего развития археологии в БССР.

Совещание было созвано Академией наук СССР и состоялось в Москве с 25 февраля по 1 марта 1945 г. Главной целью мероприятия анонсировалась организация работы археологов во всесоюзном масштабе, а также постановка перед советской археологической наукой новых задач, вызванных, в том числе, и событиями Великой Отечественной войны [17]. Решение о необходимости проведения Всесоюзного археологического совещания было принято 23 мая 1944 г. на распорядительном заседании Президиума Академии наук СССР. Непосредственным поводом к этому послужило 25-летие со дня основания Российской Академии истории материальной культуры, которая впоследствии была реорганизована в Институт истории материальной культуры Академии наук СССР [18, с. 10]. 31 августа 1944 г. был образован организационный комитет будущего совещания, который возглавил крупный советский ученый-историк, вице-президент Академии наук СССР, академик В.П. Волгин с двумя заместителями: академиком Б.Д. Грековым и профессором А.В. Мишулиным. Вместе с названными учеными в состав организационного совета комитета вошли крупнейшие ученые страны: академик И.Э. Грабарь (искусствовед и музеевед), академик И.И. Мещанинов (археолог и лингвист), академик И.А. Орбели (археолог и востоковед), академик В.П. Потёмкин (народный комиссар просвещения РСФСР, историк), член-корреспондент А.Ю. Якубовский (археолог и историк), а также целая плеяда известных советских археологов: профессор С.П. Толстов, Б.А. Рыбаков, М.И. Артамонов, Т.С. Пассек, В.И. Равдоникас, Н.Н. Воронин, В.Д. Блаватский, Б.Н. Граков и кандидат наук С.А. Тараканова (в последствии ответственный секретарь организационного комитета).

Для дальнейшей работы также была определена программа предстоящего совещания, которая включала три основных проблемных блока: первый блок касался итогов археологических исследований в СССР за прошедшие годы Советской власти; второй включал в себя планирование и организацию археологических работ на ближайшие пять лет; третий охватывал вопросы охраны археологических памятников на территории СССР и законодательства в данной сфере [18, с. 10–12]. Впоследствии, в сентябре 1944 г. организационным комитетом для

проработки поставленных проблем было образовано три секции: секция I по итогам археологических исследований за 25 лет, её возглавил академик Б.Д. Греков; секция II по разработке проекта пятилетнего плана археологических исследований в СССР во главе с академиком И.И. Мещаниновым и секция III по разработке проектов законодательства в области археологии, которую возглавил академик И.Э. Грабарь. Предполагалось издать сборник материалов по итогам проработки проблемных вопросов. Для этого была создана комиссия, которую возглавил академик В.П. Потёмкин [18, с. 12–13].

Совещание стало крупнейшим мероприятием в области археологической науки за весь предыдущий период советской власти. Для участия в совещании было выдвинуто 156 делегатов (120 с правом решающего голоса и 36 с правом совещательного) от 70 учреждений СССР, в том числе и БССР. Организационный комитет по созыву совещания рассылал письма-приглашения для выдвижения и направления делегатов. В отношении учреждений БССР были направлены приглашения в Академию наук БССР с просьбой выдвинуть 3 делегата, а также в Народный комиссариат просвещения БССР, Витебский музей и Минский исторический музей с просьбой выдвинуть по 1 делегату. Для участия в совещании от учреждений БССР в качестве делегатов были выдвинуты только представители Академии наук БССР от Института истории. Такими делегатами стали директор института, академик Н.М. Никольский, а также заведующий сектором К.М. Поликарпович и старший научный сотрудник В.Р. Тарасенко. Из 156 делегатов белорусом по национальности являлся 1 делегат – К.М. Поликарпович. В соответствии графе у Н.М. Никольского и В.Р. Тарасенко было указано «русский». Также необходимо подчеркнуть, что фактическое участие в работе совещания, исходя из анализа сохранившихся материалов мероприятия, приняло только два делегата от БССР: К.М. Поликарпович и В.Р. Тарасенко [19, л. 54, 59].

Всесоюзное археологическое совещание было крупным научно-организационным мероприятием, настоящим событием в научной жизни СССР. В его работе приняли участие представители крупнейших научных организаций страны в области истории и археологии, поэтому остановимся на основных проблемах, которые были актуализированы в сфере дальнейшего развития советской археологической науки, в том числе и для ученых БССР.

В рамках совещания был поднят ряд важных для археологии СССР вопросов, объединенных в трех основных тематических блоках. В первом тематическом блоке были детально рассмотрены результаты археологических исследований на территории СССР за советский период. Данному вопросу был посвящен основной доклад академика Б.Д. Грекова. В обобщающих материалах, подготовленных в АН СССР, содержатся сведения и о раскопках на территории БССР, дана положительная оценка работе белорусских археологов межвоенного времени. В частности, отмечены результаты изучения памятников эпохи неолита на территории восточной части БССР [18, с. 27]. В плане раскрытия славянской проблематики также были упомянуты исследования, проводившиеся белорусскими археологами на городищах Верхнего Поднепровья [18, с. 115]. В выводной части доклада академиком Б.Д. Грековым применительно к археологии БССР выделялся ряд положений. Среди них – необходимость расширения изучения территории СССР, особенно в малоисследованных регионах. В БССР к таким регионам относилась Западная Беларусь, на что неоднократно указывал в своих выступлениях в рамках совещания К.М. Поликарпович [20, л. 11; 21, л. 49]. Актуальной также являлась необходимость расширения камеральной обработки и публикации археологических материалов, создания каталогов коллекций. Важнейшей задачей археологов в период Великой Отечественной войны была названа охрана памятников и их восстановление на освобожденных территориях [17].

Второй тематический блок был посвящен планированию дальнейших археологических исследований на территории СССР на 1945–1949 гг. Отдельно следует заметить, что археологи Института истории АН БССР перед созывом мероприятия разработали свой план работ и направили его в оргкомитет [22, с. 240]. В исследовательской части, как это отражено в материалах совещания, белорусскими археологами ставились задачи по сбору материалов эпохи палеолита, изучению культур неолита и эпохи бронзы, а также раннего железного века на территории республики [18, с. 171]. В части полевых работ были отмечены планы по проведению раскопок стоянки Бердыж, разведок новых памятников палеолита, раскопок первобытных стоянок в восточных районах БССР. Отдельно акцентировалось внимание на изучении стоянок возле населенного пункта Кривина, а также городищ и поселений Центральной Беларуси, длинных курганов на территории Витебской области. В плане изучения древнерусской тематики отдельным пунктом были отмечены планы по изучению Старого замка в г. Гродно [18, с. 172].

В обобщающем докладе С.В. Киселева «Основные задачи археологических исследований в СССР (к составлению перспективного плана)» среди актуальных тем для исследования была выдвинута славянская проблематика и разработка проблем этногенеза славян. В связи с этим указывалась перспективность изучения славянских памятников на территории УССР, БССР, Смоленской и Брянской областей РСФСР. Особое внимание обращалось на необходимость изучения Западной Украины, Западной Беларуси и Молдавской ССР с целью сбора материалов для создания карты древнерусских поселений в данных регионах. Также указывалось на актуальность дальнейшего углубленного изучения периода Древней Руси (в первую очередь городов, в перечне которых из белорусских был указан г. Гродно) [21, л. 122–124].

Вместе с тем, прошли заседания ряда секций, посвященных планированию археологических исследований на пятилетнюю перспективу. Теме планирования изучения территории БССР было посвящено заседание отдельной секции в составе Б.А. Рыбакова (председатель), К.М. Поликарповича и В.Р. Тарасенко. Основным в работе секции стал доклад К.М. Поликарповича на тему: «О плане археологических исследований в БССР на 1945–1949 гг.» и его последующее обсуждение. В данном докладе отмечено, что в результате оккупации нацистскими агрессорами было уничтожено здание Академии наук БССР, академическая библиотека, археологические коллекции вывезены

в Германию (возможным местом их нахождения назван г. Инстенбург в Восточной Пруссии). Автор доклада, подытоживая реальное положение дел в условиях войны, отметил: *“В таких тяжелых условиях белорусским археологам приходится восстанавливать, продолжать, а вернее сызнова начинать на пустом месте всю работу по изучению археологии Белоруссии”* [20, л. 9].

Третий тематический блок, который обсуждался на совещании, касался вопросов законодательства по охране и исследованию памятников археологии на территории СССР. Указывалось на отсутствие единого законодательства по порядку проведения раскопок, а также охраны памятников. При этом отдельно было отмечено, что в условиях Великой Отечественной войны одной из важнейших задач археологии стала охрана и восстановление разрушенных оккупантами памятников в освобожденных районах страны [17, с. 9]. В материалах также содержатся сообщения о разграблении минского музея и других музеев БССР в период оккупации [18, с. 121]. В основном докладе академика И.Э. Грабаря подчеркивалась необходимость разработки и принятия Всесоюзного Закона о порядке проведения археологических раскопок и об охране памятников. Также отмечено, что право выдачи разрешений («Открытых листов») на проведения археологических исследований впредь остается за центральными научными институтами союзных республик. Применительно к БССР таким учреждением был Институт истории. Уже в послевоенные годы указанная практика выдачи разрешений на право проведения археологических изысканий была отражена в протоколах заседаний Комитета полевых исследований Института истории материальной культуры Академии наук СССР. В компетенцию последнего входила выдача «Открытых листов» только на территории РСФСР, на территории других союзных республик – Академиями наук этих республик [17; 23, л. 10].

Во второй половине 1945 г., уже после эвакуации Института истории Академии наук БССР, были проведены и первые со времени начала Великой Отечественной войны археологические исследования на территории республики. В августе – октябре 1945 г. К.М. Поликарпович провел исследования первобытных памятников восточной части республики в Поднепровье [3, с. 85]. Абмизиозные задачи были поставлены перед В.Р. Тарасенко, которому 31 августа 1945 г. было поручено провести раскопки на месте предполагаемого исторического центра г. Минска (Минское замчище) с их окончанием в первой половине сентября 1945 г. [12, л. 10; 22, с. 241].

Заключение. В истории белорусской археологической науки важнейшим рубежом стали события Великой Отечественной войны. В результате оккупации территории БССР нацистскими агрессорами была уничтожена материально-техническая база Академии наук, академическая библиотека, а археологические коллекции были вывезены в Германию.

В деятельности белорусских археологов периода Великой Отечественной войны следует выделить 2 этапа. Первый относится к июню 1941 г. – маю 1944 г. В данное время судьба археологов была различной. В.Р. Тарасенко воевал в действующей армии, а затем после ранения преподавал в учреждениях образования. К.М. Поликарпович в период эвакуации вначале находился в Казахстане, затем смог наладить связь с Академией наук БССР и стал её сотрудником. Второй этап в деятельности ученых начался в июне 1944 г. Важнейшим событием для восстановления исследований стало возобновление деятельности Института истории Академии наук БССР. Именно в рамках данного учреждения стали работать на тот момент два профессиональных белорусских археолога К.М. Поликарпович и В.Р. Тарасенко.

Белорусские археологи приняли активное участие в работе Всесоюзного археологического совещания 1945 г. В ходе данного мероприятия, подготовка к которому началась еще в 1944 г., были подведены итоги археологического изучения и определены перспективные направления археологических исследований в СССР, включая территорию БССР. Одним из результатов данного мероприятия следует считать закрепление за Академиями наук союзных республик права выдачи разрешений на проведение археологических работ на территории этих республик. Институт истории материальной культуры Академии наук СССР впредь выдавал такие разрешения для раскопок на территории РСФСР.

Таким образом, именно 1944 г. необходимо рассматривать в качестве рубежа, после которого начинается новый крупный период в истории белорусской археологической науки – период послевоенного восстановления и дальнейшего развития отечественной археологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Центральная научная библиотека НАН Беларуси (ЦНБ НАН Беларуси). Центр исследований старопечатных изданий и рукописей (ЦИСИР). – Ф. 57. Оп. 1. Д. 179.
2. ЦНБ НАН Беларуси. ЦИСИР. – Ф. 57. Оп. 1. Д. 40.
3. Чубур А.А. Константин Михайлович Поликарпович: жизнь, открытия, ученики. – Минск: Беларус. наука, 2009. – 214 с.
4. ЦНБ НАН Беларуси. ЦИСИР. – Ф. 40. Оп. 1. Д. 109.
5. Кунаш А.А. Архіўныя матэрыялы да біяграфіі Васіля Радзівонавіча Тарасенкі з фондаў Цэнтральнага навуковага архіва Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі // Здабыткі: дакументальныя помнікі на Беларусі. – Мінск, 2023. – Вып. 26. – С. 6–22.
6. Архив Российской академии наук (РАН). – Ф. 1548. Оп. 1. Д. 174.
7. ЦНБ НАН Беларуси. ЦИСИР. – Ф. 42. Оп. 1. Д. 1267.
8. Тематический план научно-исследовательской работы Академии наук БССР на 1943 год. – [Б. м. : б. и., б. г.]. – 13 с.
9. ЦНБ НАН Беларуси. ЦИСИР. – Ф. 42. Оп. 1. Д. 1268.
10. План научно-исследовательских работ Академии наук Белорусской ССР, 1944 г. – М. [Б. и.], 1943. – 37 с.
11. Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси (ЦНА НАНБ). – Ф. 1. Оп. 1. Спр. 50.

12. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Оп. 1. Спр.48.
13. Институт истории Национальной академии наук Беларуси (1929—2009) / А.А. Коваленя (рук.) и др.; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск: Беларус. навука, 2009. – 628 с.
14. Национальная академия наук Беларуси, 1928—2008 гг.: документы и материалы / сост.: Н.В. Василевская и др.; редкол.: М.В. Мясникович (пред.). – Минск: Беларус.навука, 2008. – 767 с.
15. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 46.
16. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 52.
17. Тезисы и проекты резолюций по докладам на Всесоюзном археологическом совещании в Москве. 24-го февр.-2-го марта 1945 г. / Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры им. Н.Я. Марра. – М.: Оргком-т по созыву Совещания, тип. Госбумиздата, 1945. – 31 с.
18. Итоги и перспективы развития советской археологии: (мат-лы для делегатов Всес. археол. совещания) / Акад. наук СССР, Ин-т истории материальной культуры им. Н.Я. Марра. – М.: Кр. знамя, 1945. – 197 с.
19. АРАН. – Ф. 1909. Оп. 1. Д. 11.
20. АРАН. – Ф. 1909. Оп. 1, Д. 9.
21. АРАН. – Ф. 1909. Оп. 1, Д. 10.
22. Юрэцкі С.С. Аднаўленне даследаванняў па археалогіі ў Інстытуце гісторыі АН БССР у 1944–1945 гадах // Гістарычна-археалагічны зборнік. –Мінск, 2024. – Вып. 38. – С. 239–242.
23. АРАН. – Ф. 1909. Оп. 1 Д. 61.

Поступила 02.06.2025

ACTIVITIES OF BELARUSIAN ARCHAEOLOGISTS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

S. YURETSKI

(The Yakub Kolas Central Scientific Library of National Academy of Sciences of Belarus, Minsk)

The article is devoted to the history of Belarusian archaeological science during the Great Patriotic War. The issues of the fate of Belarusian archaeologists in wartime (K. Palikarpovich and V. Tarasenko) are considered. The work of scientists in evacuation is separately analyzed. The importance of the participation of Belarusian scientists in the All-Union Archaeological Conference in Moscow, which took place in February-March 1945, is considered.

Keywords: *archaeology of Belarus, Great Patriotic War, history of science, historiography, Academy of Sciences, Institute of History, archaeological excavations.*

УДК 94.476"17"

DOI 10.52928/2070-1608-2025-75-3-33-39

**ІНЖЫНЕРНЫЯ АБ'ЕКТЫ ТРАНСПАРТНАЙ ІНФРАСТРУКТУРЫ НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ
ВЯЛІКАГА КНЯЗТВА ЛІТОЎСКАГА Ё ДРУГОЙ ПАЛОВЕ 60-Х ГГ. XVIII СТ. (НА ПРЫКЛАДЗЕ
ВІЦЕБСКАГА, МСЦІСЛАЎСКАГА ВАЯВОДСТВАЎ І АРШАНСКАГА ПАВЕТА)****А.А. ДЗЯТЧЭНЯ****(Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы)**

Мэтай дадзенай працы з'яўляецца вызначэнне асаблівасцей функцыянавання інжынерных аб'ектаў транспартнай інфраструктуры на беларускіх землях ВКЛ у другой палове 1760-х гг. на прыкладзе Віцебскага, Мсціслаўскага ваяводстваў і Аршанскага павета. З выкарыстаннем выяўленых крыніц у артыкуле былі разгледжаны асноўныя падыходы дзяржаўнай улады да стварэння эфектыўнай дарожнай сістэмы. Праведзены аналіз стану спецыяльных збудаванняў (гаці, грэблі, масты), якія выкарыстоўваліся для пераадолення цяжкапраходных участкаў і паляпшэння ўмоў перамяшчэння. Вызначаны тэхналогіі і матэрыялы, якія выкарыстоўваліся для будаўніцтва дадзеных збудаванняў. Выяўлены асаблівасці спагнання мыта за іх выкарыстанне. Вынікі даследавання могуць быць выкарыстаны пры падрыхтоўцы навучальных дапаможнікаў, лекцыйных курсаў і абагульняючых прац па гісторыі Беларусі другой паловы XVIII ст.

Ключавыя словы: інжынерныя аб'екты, транспартная інфраструктура, рэвізія, люстрацыя, масты, грэблі, гаці.

Уводзіны. Другая палова 60-х гг. XVIII ст. для беларускіх зямель у складзе ВКЛ стала часам пачатку мадэрнізацыйных пераўтварэнняў у розных сферах дзяржаўнага жыцця. Жадаючы «прывесці літоўскі скарб назаўсёды ў поўны парадак і павялічыць яго даходы», на канвакацыйным сейме 1764 г. была прынята пастанова аб стварэнні новага органа – Эканамічнай рады Літоўскага скарбу ці Скарбавай камісіі ВКЛ (далей – Камісія) [1, с. 76]. Галоўнай кампетэнцыяй Скарбавай камісіі ВКЛ з'яўляўся кантроль за гандлем і ў цэлым за эканамічным становішчам у краіне [2, с. 114]. Прыняты курс на правядзенне эканамічных рэформ патрабаваў ад уладаў значнай увагі да арганізацыі эфектыўнай сеткі транспартных камунікацый у краіне. З гэтай нагоды ў другой палове 60-х гг. XVIII ст. пад кіраўніцтвам Камісіі была распачата маштабная праца па вызначэнні стану існаваўшых дарог, у тым ліку і на беларускіх землях ВКЛ, і пошуку магчымасцей да іх рамонту або рэканструкцыі з мэтай развіцця і пашырэння ўнутранага і знешняга гандлю.

Неад'емнай часткай транспартных камунікацый у разглядаемы перыяд былі інжынерныя збудаванні: *гаці*¹, *грэблі*², *масты*. Падтрыманне дадзеных аб'ектаў у добрым стане аўтаматычна рабіла шлях больш прывабным для купцоў і спрыяла наладжванню і развіццю эканамічных сувязей у тым ці іншым рэгіёне краіны.

Гістарыяграфічны агляд дазваляе канстатаваць наяўнасць невялікай колькасці прац, у якіх разглядалася роля інжынерных аб'ектаў транспартнай інфраструктуры на беларускіх землях ВКЛ у другой палове 60-х гг. XVIII ст. Сярод айчынных гісторыкаў варта адзначыць працы А.Б. Доўнара [4; 5], у якіх аўтар раскрывае асноўныя тэхналогіі будаўніцтва мастоў і вызначае стан і ролю інжынерных збудаванняў ў развіцці транспартных камунікацый у XVI – XVIII стст. на беларуска-расійскім памежжы і ў некаторых іншых рэгіёнах Беларусі. Таксама звесткі, звязаныя з развіццём шляхоў зносін у Мсціслаўскім ваяводстве, падаюцца ў артыкуле Дз. Карпенкі [6]. У кантэксце вывучэння тыповых аб'ектаў дарожнай інфраструктуры некаторыя пытанні, звязаныя з тэмай артыкула разглядаюцца ў працы А.С. Сардарава [7].

Каштоўнымі з метадалагічнага пункту гледжання з'яўляюцца працы замежных аўтараў. У артыкулах літоўскіх даследчыкаў Т. Чэлкіса [8] і Л. Караліўса [9] вызначаюцца спецыфікацыя і тэхналогіі пабудовы інжынерных аб'ектаў транспартнай інфраструктуры, пытанні спагнання маставога і грэбельнага на тэрыторыі ВКЛ у XV–XVII стст. Механізмы арганізацыі функцыянавання мастоў і грэбляў на землях ВКЛ у гэты жа перыяд разглядаюцца і ў артыкуле І. Кунігеліс [10]. Аналагічныя пытанні ў кантэксце гісторыі XVIII ст. разглядаў у сваёй манаграфіі Т. Чэлкіс [11]. Таксама дапоўніць уяўленне аб мастах XV–XVI стст. дазваляе праца польскага даследчыка В. Шульты [12], у якой утрымліваецца вялікая колькасць ілюстрацыйнага матэрыялу, падрыхтаванага падчас археалагічных даследаванняў падводных рэшткаў тагачасных мастоў у Троках.

У цэлым жа гісторыя інжынерных збудаванняў дарожнай інфраструктуры у другой палове XVIII ст. на беларускіх землях ВКЛ патрабуе далейшага вывучэння як у айчынай, так і ў замежнай гістарыяграфіі. Выкарыстання ў артыкуле дакументы з фонда Скарбавай камісіі ВКЛ Літоўскага дзяржаўнага гістарычнага архіва ў Вільнюсе («Рэвізія трактаў Мсціслаўскага ваяводства» (1765 г.) [13], «Апісанне межаў гарадоў, мястэчак і вёсак на памежжы ў Полацкім, Віцебскім ваяводствах і ў Аршанскім павеце» (1765 г.) [14] (далей – «Рэвізіі»), «Люстрацыя мастоў, грэбляў і гацей на вальных купецкіх трактах у Віцебскім, Мсціслаўскім ваяводствах і Аршанскім павеце» (1769 г.) [15]) дазваляюць дастаткова падрабязна прааналізаваць тэхналогіі будаўніцтва

¹ Гаць – насціл з сухога галля, радзей з бяргвення [3, с. 517].

² Грэбля – земляны насып, прызначаны для пракладкі палатна дарогі праз нізкія багністыя ўчасткі ці балоты [4, с. 101].

мастоў, грэбляў і гацей, ахарактарызаваць асаблівасці іх выкарыстання ў забеспячэнні эфектыўнай транспартнай камунікацыі як у другой палове 60-х гг., так і ўвогуле ў другой палове XVIII ст.

Мэта артыкула – выявіць асноўныя рысы функцыянавання інжынерных збудаванняў транспартнай інфраструктуры ў другой палове 60-х гг. XVIII ст. на беларускіх землях ВКЛ (на прыкладзе Віцебскага, Мсціслаўскага ваяводстваў і Аршанскага павета).

Выбраныя храналагічныя межы даследавання абумоўлены распачатым у 1765 г. працэсам рэвізіі (люстрацыі³), які павінен быў дасканалы занатаваць існуючы стан транспартных камунікацый і інжынерных аб’ектаў на тэрыторыі ВКЛ з мэтай іх далейшага паляпшэння.

Асноўная частка. Шматлікія рэкі (Заходняя Дзвіна, Віцьба, Днепр, Чэрніца, Віхра і інш.), а таксама балоты, ручаі спрадвечу існавалі на Паўночна-Усходніх і Усходнебеларускіх землях, прыводзілі да з’яўлення разнастайных спосабаў іх гаспадарчага выкарыстання. Моц воднай плыні людзі выкарыстоўвалі для забеспячэння работы млыноў, валюшоў⁴, бровараў. Відавочна, што арганізацыя дадзенай справы не была б магчыма без пабудовы аб’ектаў транспартнай інфраструктуры. Згодна з «Люстрацыяй» у адзначаны перыяд на галоўных трактах Віцебскага, Мсціслаўскага ваяводстваў і Аршанскага павета самымі распаўсюджанымі дарожнымі інжынернымі збудаваннямі былі *масты*. Таксама выкарыстоўваліся *грэблі і гаці* [15, л. 45–70].

Тэхналогіі будаўніцтва дадзеных аб’ектаў выбіраліся згодна са спецыфікай мясцовасці і самога інжынернага збудавання. Самымі простымі з пункту гледжання стварэння былі гаці, якія выкарыстоўваліся для ўладкавання невялікіх багністых, гліністых участкаў і часам пад’ездаў да мастоў. Асноўным матэрыялам для іх будавання на вывучаемай тэрыторыі служыла сухое галлё, якое паверх пасыпалася кастрыцай (ігліцай, лісцем, карой дрэваў) [15, л. 49v.]. Пры неабходнасці галлё маглі камбінаваць з тонкімі жэрдкамі [15, л. 56]. Каля некаторых гацей выкопваліся раўкі, якія служылі для адводу вады [15, л. 60]. Па сваіх памерах дадзеныя аб’екты былі рознымі. На разглядаемай тэрыторыі рэвізоры ўзгадвалі гаці ад 4 прудзікаў⁵ (1,94 м) [14, л. 59v.] да 4 шнуроў⁶ і 1 прута⁷ (199,67 м) [15, л. 56] у даўжыню. Шырыня вызначалася радзей. У «Люстрацыі» ўзгадваліся аб’екты ад 3 (1,46 м) [15, л. 51v.] да 6 прудзікаў (2,92 м) [15, л. 60v. – 61].

Дастаткова працазатратнымі з пункту гледжання стварэння былі *грэблі*, якія звычайна будаваліся ў больш буйных балоцістых месцах. У манаграфіі Т. Чэлкіса [11] утрымліваецца план грэблі XVII ст., пабудаванай у ваколіцах г. Баўска (Інфлянты) [8, с. 49], які дазваляе наглядна візуалізаваць тэхналогію будаўніцтва падобных аб’ектаў. На ім паказаны папярэчны разрэз грэблі з указаннем матэрыялаў, з якіх яна была пабудавана. У першую чаргу, па краях грэблі выкопваліся канавы для адводу лішняй вады. Затым праз балоцістае месца высцілалася аснова з тоўстага бяввення. На яе ўкладвалі другі пласт – яловыя ці хваёвыя галінкі і больш тонкае бяввенне. Пасля гэтага паверхня будучай грэблі прасыпалася зямлёй, якая заставалася каля выкапных канаў для адводу вады. У якасці чацвёртага слоя на насыпаную зямлю клалі яшчэ адзін пласт галінак і больш дробнага бяввення. Напрыканцы ўся канструкцыя пасыпалася тоўстым пластом светлага зацвярдзелага жвіру [8, с. 49–50].

Падобная тэхналогія будаўніцтва грэбляў існавала і на беларускіх землях у другой палове XVIII ст. Аб гэтым сведчыць той факт, што падчас люстрацыі дарог у 1769 г. у большасці выпадкаў узгадваліся «сыпаныя грэблі» [15, л. 45–70]. Аднак сустракаліся і іншыя прыклады. Часам грэблі насцілаліся галлём і, як адзначалі рэвізоры, былі «нізкія, нахштатт гаці» [15, л. 50v.]. У крыніцах нават сустракаўся тэрмін «гацёныя грэблі» [15, л. 50v.]. Таксама сухім галлём у некаторых выпадках умацоўваліся і абгароджваліся канавы, пракапаныя для адводу вады [15, л. 45v.]. Па сваёй працягласці грэблі часам значна адрозніваліся. На трактах Віцебскага, Мсціслаўскага ваяводстваў і Аршанскага павета рэвізоры ўзгадвалі як невялікія «грэбелькі» даўжынёй ад 2 прудоў і 5 прудзікаў (12,17 м) [14, л. 45v. – 46], так і значныя грэблі працягласцю 9 шнуроў, 1 прут і 6 прудзікаў (446,09 м) [15, л. 69]. Пры неабходнасці будаваліся і больш буйныя аб’екты. Напрыклад, каля карчмы Антоўіль (Аршанскі павет) узгадвалася грэбля даўжынёй 17 шнуроў, 2 прута і 9 прудзікаў (842,02 м) [15, л. 67]. Сучасныя картаграфічныя здымкі дазваляюць зрабіць выснову, што падобныя памеры былі абумоўлены нізкай балоцістай мясцовасцю па берагах р. Скупья, праз якую і пралягаў дадзены аб’ект. Шырыня грэбляў на трактах Віцебскага, Мсціслаўскага ваяводстваў і Аршанскага павета, згодна са звесткамі рэвізораў, таксама вар’іравалася ад 4 прудзікаў (1,94 м) [15, л. 50v.] да 1 прута і 3 прудзікаў (6,33 м) [15, л. 62].

Такім чынам, гаці і грэблі з’яўляліся неад’емнай часткай дарожнага будаўніцтва ў жыцці нашых продкаў. Выбар інжынернага збудавання для забеспячэння дарожнай камунікацыі вызначаўся спецыфікай мясцовасці і мэтазгоднасцю яго выкарыстання. Па сваёй працягласці грэблі часам значна пераўзыходзілі гаці і патрабавалі большых сіл і сродкаў для будаўніцтва. Таму пры ўзвядзенні грэбляў, акрамя арганізацыі транспартных зносін, нашыя продкі праследвалі розныя гаспадарчыя мэты (стварэнне ставаў для працы млыноў і бровараў, арганізацыі сувязі паміж дворнымі пабудовамі і інш.), у той час як гаці часцей служылі для ўпарадкавання дарожнага палатна [15, л. 45–70].

³ Люстрацыя – перыядычны перапіс дзяржаўнай маёмасці з мэтай вызначэння яе даходнасці [16, с. 161].

⁴ Валюш – млын, дзе валялі сукно [17, с. 124].

⁵ 1 прудзік (прентик) = 0,487 м [4, с. 102].

⁶ 1 шнур = 48,7 м [4, с. 102].

⁷ 1 прут = 4,87 м [4, с. 102].

Безумоўна, самым важным інжынерным збудаваннем, патрабуючым большых выдаткаў для ўзвядзення, былі масты. Дастаткова часта гаці і грэблі дапамагалі пераадоляваць забалочаныя адрэзкі на пад'ездах да мастоў, для якіх, у залежнасці ад умоў навакольнага асяроддзя, выкарыстоўваліся розныя канструкцыі будаўніцтва. З-за даступнасці і таннасці асноўным матэрыялам для ўзвядзення мастоў было дрэва [5, с. 67]. Найбольш часта выкарыстоўваліся сасна, елка, бяроза. Аднак, у першую чаргу, тагачасныя жыхары зыходзілі з умоў блізкасці і даступнасці будаўнічага матэрыялу, таму амаль кожны запіс у «Люстрацыі» ўтрымліваў звесткі аб аддаленасці ляснага масіва і, часам, аб яго памерах (напр., «лес велькі далей, а дробны блізкі») [15, л. 60].

Тэхналогія будаўніцтва мастоў вызначалася ландшафтнымі асаблівасцямі мясцовасці. Праз невялікія рвы і ручаі будаваліся простыя масты. З берага на бераг пракладаліся балкі, паверх якіх набіваліся жэрдкі. Праз больш буйныя рэкі ствараліся драўляныя масты на палях (слупах) ці масты на пастаянных драўляных апорах (зрубах – ізбіцах) [8, с. 48; 4, с. 100]. Дастаткова распаўсюджанай была практыка выкарыстання і так званых наземных ці насланых мастоў, калі на папярэчных балках драўлянымі жэрдкамі масцілі найбольш праблемныя адрэзкі дарожнага палатна [15, л. 45–70]. Напрыклад, па такой тэхналогіі ў Віцебску быў вымашчаны адрэзак Замкавай вуліцы даўжынёй у 14 шнуроў, 2 пруты і 8 пруюкаў (695,43 м) [15, л. 45v.]. Пабудова мастоў была даволі дарагім мерапрыемствам. Па гэтай прычыне найбольш буйныя на памерах інжынерныя аб'екты часцей знаходзіліся ў мястэчках і гарадах. Так, масты ў некалькі шнуроў узгадваліся ў Віцебску [15, л. 45 – 45v.], Мсціславе [15, л. 51], Горках [15, л. 52v. – 53], Шклове [15, л. 62] і інш. Для трох віцебскіх мастоў нават была вызначана вышыня да лёду, якая складала ад 1 прута і 6 пруюкаў (7,79 м) да 2 пруютоў 1 пруюка (10,22 м) [15, л. 45 – 45v.].

Прыродныя ўмовы, тэхналогіі будаўніцтва і будаўнічы матэрыял вызначалі стан дадзеных аб'ектаў. Акрамя рвоў, ручаёў і рэк, масты будавалі на «дажджавым балоце» [15, л. 46v.], «на сухім месцы, мокрым толькі ўвесну» [15, л. 46v.], у пушчах [15, л. 47v.], «праз мшарнікі» [15, л. 55] і г.д. Відавочна, што ўзгаданыя вышэй пароды драўніны ва ўмовах павышанай вільготнасці былі зусім недаўгавечнымі, і масты, пабудаваныя з дадзеных матэрыялаў патрабавалі пастаяннага рамонту, не залежна ад таго, цясанымі жэрдкамі яны былі высланы ці круглым бяровым. Так, з 169 пералічаных у «Люстрацыі» 1769 г. мастоў на трактах Віцебскага, Мсціслаўскага ваеводстваў і Аршанскага павета, 74 (43%) былі названы старымі, дзіравымі, гнілымі ці нікчэмнымі. Да катэгорыі добрых рэвізоры аднеслі толькі 7, што складала 4,1% ад іх агульнай колькасці. Стан астатніх пазначаўся як не новы, ці ўвогуле вызначалася толькі іх месцазнаходжанне [15, л. 45–70]. Дадзеная сітуацыя прыводзіла да таго, што амаль пры кожным масце з'яўляліся аб'езды, як зімовыя, так і летнія [15, л. 45v. – 46], па якіх падарожнікі мінавалі небяспечныя месцы. У падобным стане ў большасці выпадкаў знаходзіліся і грэблі з гацямі.

У гэтым кантэксце асабліваю цікавасць вызывае існаваўшая практыка спагнання розных мытаў за праезд па мастах і грэблях. Так, згодна з пастановай канвакацыйнага сейма ад 1764 г. за права спагнання маставога⁸ і грэбельнага⁹ ўладальнікі павінны былі падтрымліваць дадзеныя камунікацыі ў добрым стане, а за парушэнне назначаўся штраф у памеры 500 коп літоўскіх грошаў [1, с. 79].

Але сітуацыя на разглядаемай тэрыторыі ў 1769 г. часам была адваротнай. Напрыклад, рэвізоры папярэдзвалі, што мастом і грэбляй каля карчмы Баброўка на тракце з Віцебска да Любавіч не павінна карыстацца ні адна каляска з таварамі па прычыне іх дрэннага і небяспечнага стану. Купцам прапанавалася аб'язжаць праз вальную дарогу каля става ці абмінаць карчму. Аднак мясцовыя адміністратары не пагаджаліся з гэтым і з абодвух бакоў каля става абгародзілі дарогу і завесілі ланцюгом, а тых, хто ехаў дадзенай дарогай, гвалтоўна звярочвалі назад на мост і грэблю, каб атрымаць плату. Адносна гэтага выпадка рэвізоры канстатавалі, што «ў панскіх добрах ніхто не мае права рабіць так, як яму спадабаецца» [15, л. 47].

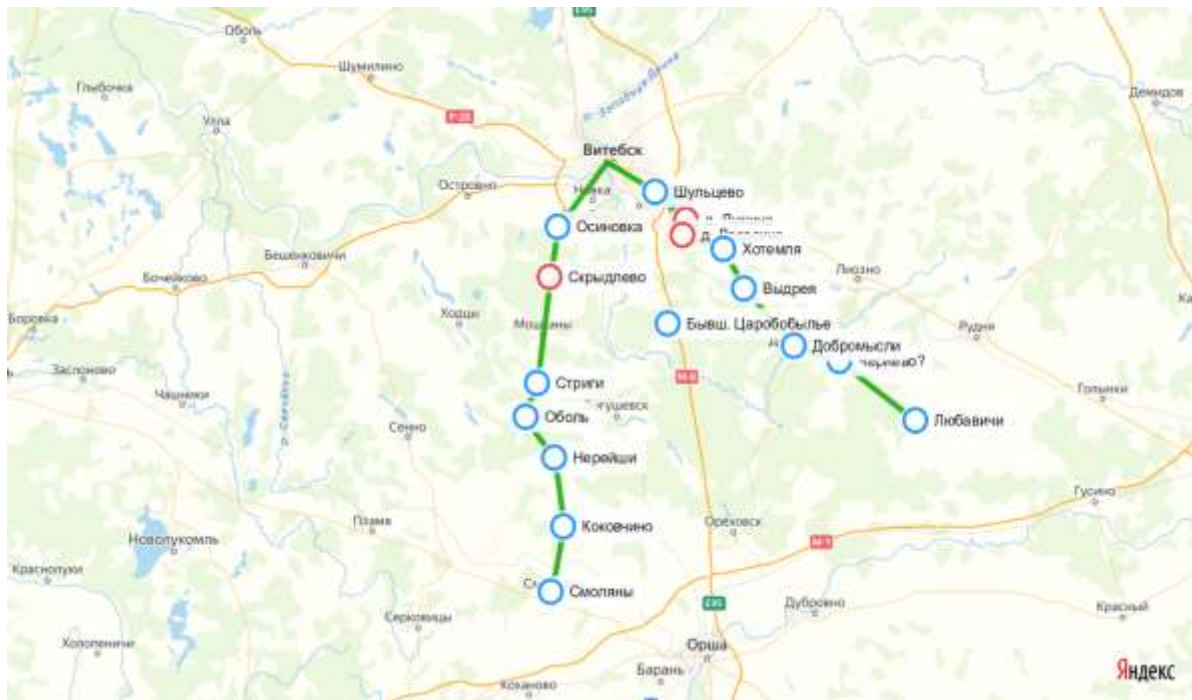
Каб атрымаць плату за праезд, уласнікі часта выкарыстоўвалі і іншыя сродкі. Так, арандатар карчмы ў Дабрамыслі паведамляў, што даўней пры мосце на р. Чэрніца была «рагатка», якая не прапускала вазоў, што не заплацілі мыта [15, л. 47v.]. Пры карчме Ласосіна арандатар засведчыў, што аб'езд каля ставу немагчымы, бо быў завалены двума бяровымі, каб купецкія каляскі з таварамі не абміноўвалі мост, які рэвізоры пазначылі ў выніку як стары і дзіравы [15, л. 56]. У карчме ў Скрыдлёва, на тракце з Віцебска да Смалян (малюнак 1), яўрэі паведамлялі, што таго, хто не даваў маставое, рабавалі. Там жа «халопы прысведчылі, што арандатары ўзялі 2 вазы жыта ў пана Смыка і 30 вазоў у іншых купцоў, пакуль тыя не заплацілі маставое» [15, л. 57v.].

Падобных прыкладаў на старонках «Люстрацыі» выяўлена шмат. Некаторыя арандатары казалі, што дзейнічалі так па загаду двара [15, л. 56v.], а некаторыя імкнуліся падмануць рэвізораў і не паказвалі кантракты, якія давалі ім права на збор мыта [15, л. 64v.]. У некаторых месцах увогуле існавала практыка спагнання маставога пры адсутнасці на шляху мастоў, прычым у тым жа памеры, што і за масты [15, л. 58v.]. А некаторыя арандатары па асаблівых прычынах спаганялі плату толькі з расійскіх купцоў [15, л. 66v.] ці яўрэяў [15, л. 64].

Неабходна падкрэсліць, што ў вывучаемы перыяд улада сачыла за выкананнем агульнадзяржаўных норм адносна стану транспартных камунікацый і выплаты мыта за праезд па іх. Згодна з вышэйназванай пастановай канвакацыйнага сейма 1764 г. прапанавалася ад людзей кожнага стану за «найбольш каштоўныя масты і грэблі» збіраць у якасці платы не больш чым па 3 польскіх грошы (далей – польск. гр.) ад каня ці вала. За «менш каштоўныя» – па 2 ці 1 польск. гр. Таксама забаранялася злоўжываць паўнамоцтвамі: адмяняць, рабіць прыпіскі да тарыфу ці звярочваць купцоў з тракту [1, с. 79].

⁸ Маставое – плата за праезд праз масты.

⁹ Грэбельнае – плата за праезд праз грэблі.

Малюнак 1. – Тракты Віцебск – Смаляны і Любавічы – Віцебск

У сеймавай пастанове «Аб падвышэнні платы маставаго і грэбельнага» ад 1768 г. адзначалася, што ўсталяваныя тарыфы выклікалі скаргі многіх уласнікаў, якія не маглі дзеля выгады насельніцтва падтрымліваць вялікія пераправы пры такім малым кошце маставаго. Таму Скарбавай камісіі ВКЛ прапанавалася на мастах і грэблях даўжынёй больш за паўтары сотні локцяў (г. зн. больш за 97,44 м) цану павялічыць, не вышэй чым у 2 разы. За перавоз цяжкіх грузаў, а таксама за праезд праз масты на рэках, якія часцей пашкоджаліся лёдам, дазвалялася ўсталяваць большую плату [1, s. 313–314]. На падставе прынятых на сеймах 1764 і 1768 гг. пастановаў у канцы 60-х гг. XVIII ст. на тэрыторыі ВКЛ удалося сфарміраваць адзіную ўніфікаваную сістэму спаганання маставаго і грэбельнага. Так, у 1769 г. на разглядаемай тэрыторыі плата за праезд праз мост ці грэблю ў большасці выпадкаў складала 2 польск. гр. ад каня ці купецкага воза. Амаль заўсёды неабходна было ўносіць грашовыя сродкі адразу, аднак некаторыя арандатары практыкавалі сістэму крэдытаў, калі купцам выдаваліся спецыяльныя дакументы (карткі), суму па якіх яны маглі аплаціць на зваротным шляху [15, l. 58]. Праезд па доўгіх і шырокіх мастах і грэблях часцей каштаваў 4 польск. гр. [15, l. 51v.]. Калі мост належаў двум уласнікам, то плата ўзымалася на «две рукі» (г. зн. кожнаму па 2 грошы) [15, l. 66v.]. У Шклове, дзе ўтрыманне мастоў патрабавала значных выдаткаў па прычыне вялікай колькасці багністых месцаў, спаганялася мыта ў памеры 6 польск. гр. [15, l. 62v.].

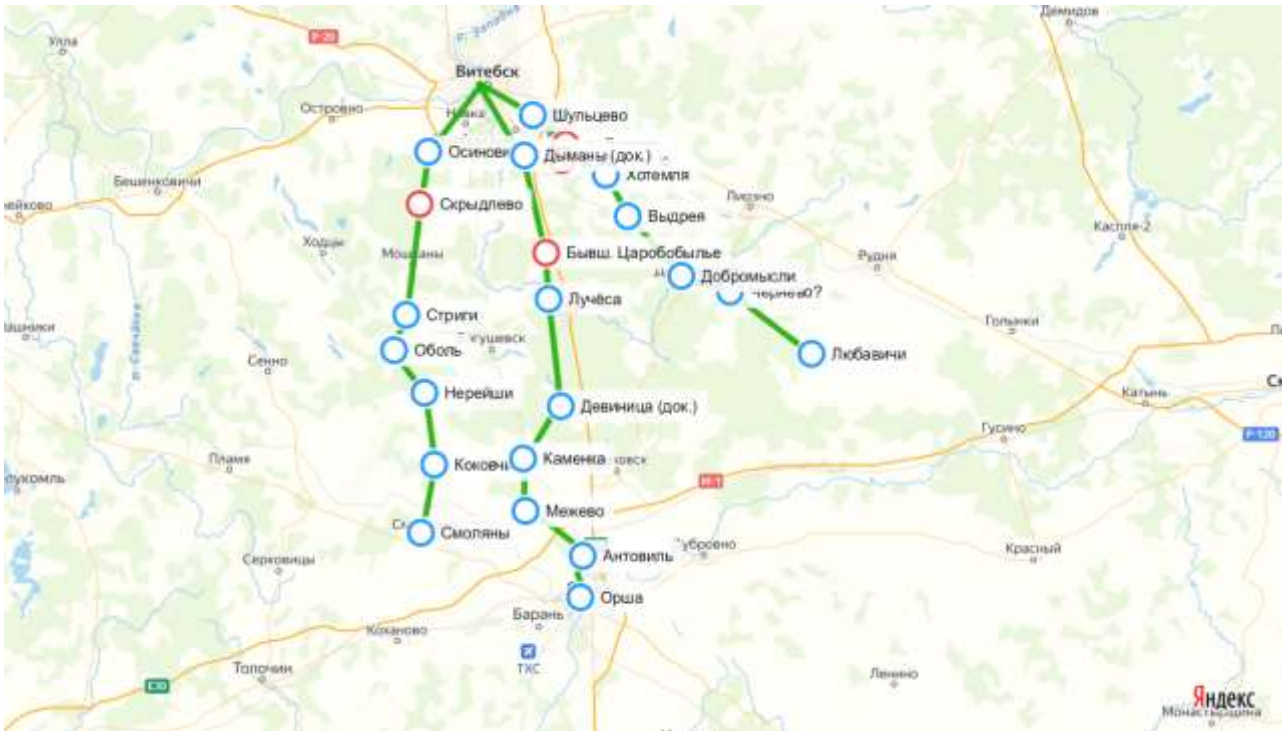
У некаторых выпадках маставое і грэбельнае не ўзымалася. Напрыклад, падчас рэвізіі арандатары адзначалі, што ў месцах, дзе масты патрабавалі сур'ёзнага рамонту, яны забаранялі браць маставое [15, l. 45v. – 46] ці «бралі, як хто дае» [15, l. 52v.]. Не спаганялася плата і ў некаторых буйных адміністрацыйна-тэрытарыяльных пунктах, напрыклад, як у Віцебску [15, l. 45 – 45v.], Магілёўскай эканоміі [15, l. 63] ці Капыскім графстве [15, l. 64 – 64v.]. Згадвалася толькі, што віцебскія масты ўтрымліваліся мясцовым коштам і ад нікога ніякая плата не ўзымалася [14, l. 45 – 45v.]. У сувязі з чым можна выказаць меркаванне, што ў некаторых буйных адміністрацыйна-тэрытарыяльных цэнтрах для развіцця і пашырэння гандлю выдаткі на падтрыманне ў добрым стане інжынерных збудаванняў бралі на сябе гарадскія ўлады, якія прадугледжвалі на гэта спецыяльныя артыкулы ў гарадскім бюджэце.

Акрамя маставаго, у некаторых месцах па загаду двара маглі спаганяцца і іншыя мыты. Напрыклад, у 1769 г. у мястэчку Баева, на тракце з Любавіч да Мсціслава, акрамя фіксаванага маставаго ў памеры 2 польск. гр., прапанавалася дадаткова спаганяць па 1 шастаку¹⁰ ад біркаўца¹¹ і бочкі солі, а таксама па 2 польск. гр. ад пуры¹² [15, l. 49]. У Оршы, «незалежна ад тытулаў» трэба было заплаціць берагавое ў памеры 15 польск. гр. [15, l. 64v. – 65] і замкавае па 2 польск. гр. [15, l. 67]. У большасці выпадкаў маставое спаганялася ў корчмах ці пры дварах. Акрамя вышэйзгаданых «рагатак», дзеля інфармавання купцоў аб неабходнасці аплаты маставаго ўсталёўваліся і іншыя знакі. Напрыклад, у Горках галоўны арандатар у якасці падобнага знаку павесіў кола, каб «маставое плацілі без спрэчкі» [15, l. 52v. – 53]. Аналагічны знак быў і каля карчмы Чарабабылле (карт. Царобобылье) на тракце з Оршы да Віцебска [15, l. 68 – 68v.] (малюнак 2). А каля карчмы Быкавічы, на тракце з Мсціслава да Даброўны (малюнак 3) падчас люстрацыі застаўся толькі знак гаці, сама ж гаць была «ні на што не вартая» [15, l. 51v.].

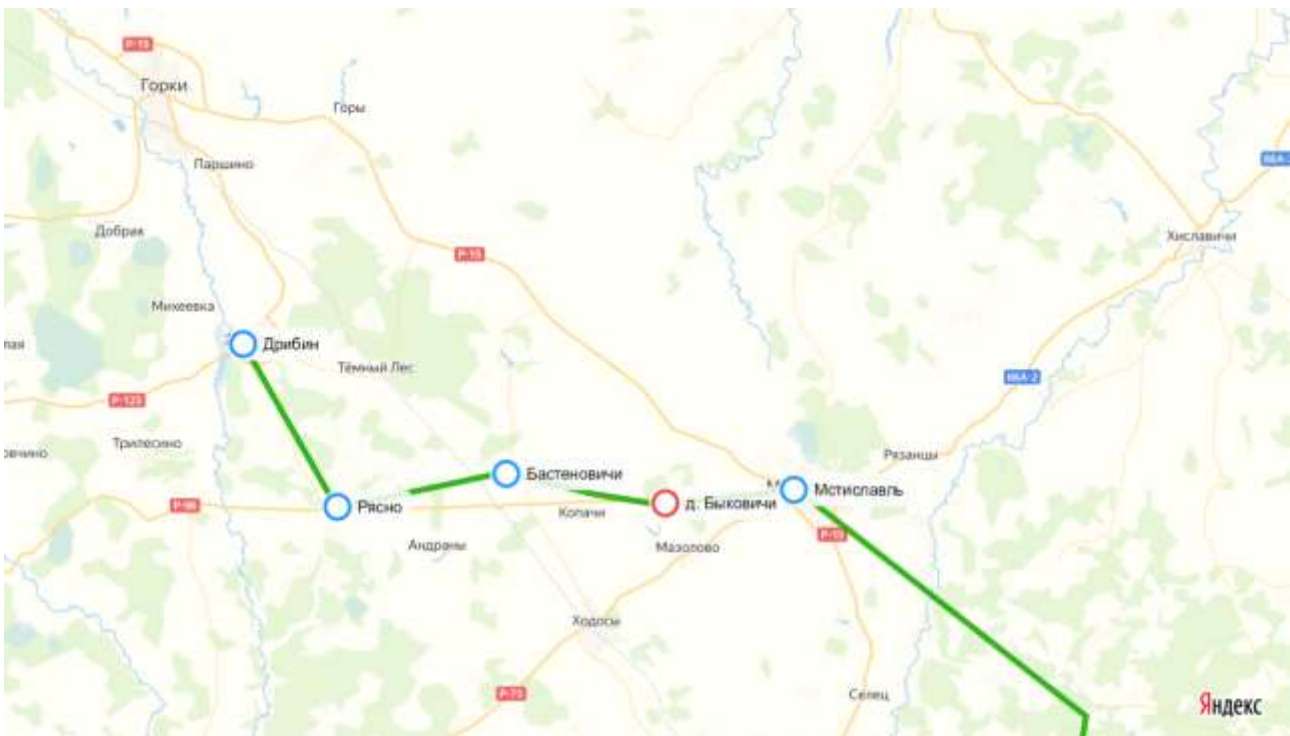
¹⁰ Шастак – манета наміналам у 6 п. гр. [18, с. 232].

¹¹ Біркавец – старажытнаруская мера вагі роўная 10 пудам (прыкладна 164 кг) [19, с. 69].

¹² Пура – мера вагі роўная 3 пудам (прыкладна 49,2 кг) [19, с. 213].

Малюнак 2. – Былая вёска Чарабабылле на тракце Віцебск – Орша

Малюнак 3. – Вёска Быкавічы на тракце з Мсціслава на Дрыбін на Дуброўны

Заклучэнне. Такім чынам, пастановы, прынятыя на агульнадзяржаўных сеймах 1764 г. і 1768 г., стымулявалі развіццё транспартных камунікацый і інжынернай транспартнай інфраструктуры, у тым ліку і на беларускіх землях ВКЛ у другой палове 60-х гг. XVIII ст. Дастаткова распрацаваныя да гэтага часу тэхналогіі будаўніцтва такіх інжынерных збудаванняў, як грэблі, масты і гаці, дапамагалі наладзіць разгалінаваныя шляхі зносін на тэрыторыі беларускіх земляў. Аднак выкарыстоўваемы матэрыял (амаль заўсёды – драўніна) і прыродныя ўмовы прыводзілі да неабходнасці іх частага рамонту з-за дрэннага стану, што часам было вельмі дарагім мерапрыемствам.

Рэвізіі, якія праводзіліся згодна з распараджэннямі Скарбавай камісіі ВКЛ, ускрывалі шэраг злоўжыванняў і супярэчнасцей у адносінах паміж мясцовымі арандатарамі і купцамі. З аднаго боку дастаткова распаўсюджанай была сітуацыя, калі ўласнікі мастоў і грэбляў усімі сродкамі пыталіся атрымаць з купцоў плату за праезд і ў той жа час не выконвалі патрабаванні пастаноў канвакацыйнага сейма аб падтрыманні дадзеных камунікацый у добрым стане. З другога боку, – пазіцыя купцоў, якія рознымі шляхамі пыталіся абмінуць існаваўшыя інжынерныя збудаванні, нягледзячы на іх стан, аб чым сведчыць значная колькасць аб'ездаў, згаданых у дакументах рэвізіі. Пазіцыя дзяржаўнай улады ў гэтым пытанні была адназначнай: «У панскіх добрах ніхто не мае права рабіць так, як яму спадабаецца». Рэвізіі паклалі пачатак пэўнай уніфікацыі ў функцыянаванні аб'ектаў інжынернай транспартнай інфраструктуры напрыканцы 60-х гг. XVIII ст. Яскравы прыклад – Віцебскае, Мстислаўскае воеводства і Аршанскі павет, дзе, супраць свавольстваў некаторых мясцовых уласнікаў, акрамя вызначэння стану транспартных камунікацый, атрымлівалася рэгуляваць памеры спаганяемых мытаў, рэарганізоўваць неэфектыўныя інжынерныя збудаванні, вырашаць спрэчкі і ўвогуле прадпрымаць крокі, накіраваныя, перш за ўсё, на развіццё гандлёвых зносін, карысных для краіны.

ЛІТАРАТУРА

1. Volumina legum: przed. zbioru praw staraniem XX. Pjarow w Warszawie od roku 1732 do roku 1782 wydanego. – Petersburg: Nakładem i drukiem Jozafata Ohryzki., 1860. – Т. 7. – 415 s.
2. Кітурка І.Ф. Архіў Скарбавой Камісіі ВКЛ як асноўны збор крыніц па вывучэнню мытнай справы ў ВКЛ у другой палове XVIII ст. // Романовские чтения – 10, посв. 80-летию со дня основания исторического факультета: сб. ст. Междунар. науч. конф. / под общ. ред И.В. Шардыко. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2015. – С. 114–116.
3. Вялікае княства Літоўскае: энцыкл.: у 2 т. / Рэдкал.: Г.П. Пашкоў. – 2-е выд. – Мінск: БелЭн, 2007. – С. 517.
4. Довнар А.Б. Состояние транспортных коммуникаций в Великом княжестве Литовском на белорусско-российском пограничье второй половины XVI–XVIII вв. // Очерки антропологии дороги: коммуникации русско-белорусского пограничья в XV–XVIII вв. / М.Ю. Колпаков и др. – Псков: Логос, 2022. – С. 77–103.
5. Доўнар А.Б. «Масты ў паўтара пруты». Нарыс з гісторыі дарожных камунікацый Беларусі XVI–XVIII стст. // Спадчына. – 2003. – № 2-3. – С. 63–69.
6. Карпенка Дз. Сухапутныя шляхі зносін на тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага (Мстислаўскі, Пінскі і Мазырскі паветы) // Гістарычна-археалагічны зборнік. – 2014. – № 29. – С. 122–128.
7. Сардаров А.С. История и архитектура дорог Белоруссии. – Минск: Выш. шк., 1978. – С. 9–41.
8. Čelkis T. Stan drog ladowych i struktura system polaczen w Wielkim Księstwie Litewskim w koncu XV–XVII wieku // Zapiski historyczne. – 2014. – Т. LXXIX. – S. 39–61.
9. Karalius L. Tiltai, pervažiuojamieji perkolai, kamšos, pagrandos, mediniai grindiniai, pylimai Lietuvos Didžiosios kunigaikštystės sausumos keliuose XVI amžiuje // Lietuvos istorijos metraštis. – 2008/1. – Vilnius, 2009. – P. 5–25.
10. Kunigielis J. Organizacja funkcjonowania mostów i grobli w Wielkim Księstwie Litewskim od drugiej połowy XV do końca XVI wieku – zarys problematyki // «Rocznik Lituanistyczny». – 2021. – № 7. – S. 39–58.
11. Čelkis T. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kelių evoliucija. Sausumos užvaldymas. – Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2021. – 464 p.
12. Szulca W. Średniowieczne mosty Litwy w świetle podwodnych badań archeologicznych [Electronic resource] // Lituanistika Database. – URL: <https://etalpykla.lituanistika.lt/fedora/objects/LT-LDB-0001:J.04~2007~1367162602558/datastreams/DS.002.2.01.ARTIC/content> (Date of access: 16.07.2024).
13. Lietuvos valstybės istorijos archyvas (LVIA). – F. 11. Ap. 1. Bib. 1093. Люстрация дорог, мостов и плотин ВКЛ. – L. 71–78v.
14. LVIA. – F. 11. Ap. 1. Bib. 1094. Описание границ таможенных постов ВКЛ. – L. 53 – 59v.
15. LVIA. – F. 11. Ap. 1. Bib. 1093. Люстрация дорог, мостов и плотин ВКЛ. – L. 45 – 70.
16. Кітурка І.Ф. Дзяржаўныя ўладанні на землях Беларусі ў другой палове XVII – XVIII ст.: палітыка гаспадарчага аднаўлення і развіцця. – Гродна: ГрДУ, 2003. – 172 с.
17. Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. – Kraków: Nakład i Własność Krakowskiej Spółki Wydawniczej, 1927. – S. 124.
18. Рябцевич В.Н. Нумизматика Беларуси. – Минск: «Полымя», 1995. – С. 232.
19. Романова Г.Я. Объяснительный словарь старинных русских мер. – М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. – 304 с.

Паступіў 10.06.2025

ИНЖЕНЕРНЫЕ ОБЪЕКТЫ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 60-Х ГГ. XVIII В. (НА ПРИМЕРЕ ВИТЕБСКОГО, МСТИСЛАВСКОГО ВОЕВОДСТВ И ОРШАНСКОГО ПОВЕТА)

А.А. ДЕТЧЕНЯ

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)

Целью данной работы является определение особенностей функционирования инженерных объектов транспортной инфраструктуры на белорусских землях ВКЛ во второй половине 1760-х гг. на примере Витебского, Мстиславского воеводств и Оршанского повета. С использованием выявленных источников в статье

были рассмотрены основные подходы государственной власти к созданию эффективной дорожной системы. Проведен анализ состояния специальных сооружений (гати, гребли, мосты), которые использовались для преодоления труднопроходимых участков и улучшения условий передвижения. Определены технологии и материалы, которые использовались для строительства данных сооружений. Выявлены особенности взимания пошлин за их использование. Результаты исследования могут быть использованы при подготовке учебных пособий, лекционных курсов и обобщающих трудов по истории Беларуси второй половины XVIII в.

Ключевые слова: инженерные объекты, транспортная инфраструктура, ревизия, люстрация, мосты, гребли, гати.

**ENGINEERING OBJECTS OF TRANSPORT INFRASTRUCTURE IN THE BELARUSIAN LANDS
OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN THE SECOND HALF OF THE 60S OF THE 18TH CENTURY
(ON THE EXAMPLE OF THE VITEBSK, MSTISLAV PROVINCES AND ORSHAN COUNTY)**

A. DZIATCZENIA

(Yanka Kupala State University of Grodno)

The aim of this work is to determine the features of the functioning of engineering facilities of the transport infrastructure in the Belarusian lands of the Grand Duchy of Lithuania in the second half of the 1760s using the example of the Vitebsk, Mstislav provinces and the Orsha county. Using the identified sources, the article examines the main approaches of the state authorities to the creation of an effective road system. An analysis of the state of special structures (cabins, ridge roads, bridges) that were used to overcome difficult sections and improve travel conditions was carried out. The technologies and materials used for the construction of these structures were determined. The features of collecting duties for their use were revealed. The results of the study can be used in the preparation of textbooks, lecture courses and general works on the history of Belarus in the second half of the 18th century.

Keywords: engineering facilities, transport infrastructure, inspection, lustration, bridges, causeways, corduroy roads.

УДК [94:342.542(476)"17/18"]:930(47+57)"19"

DOI 10.52928/2070-1608-2025-75-3-40-44

**КРЕСТЬЯНСТВО БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА
В ОСВЕЩЕНИИ СОВЕТСКОЙ ПОСЛЕВОЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ****О.И. СТЕЦКЕВИЧ***(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)*

В статье рассматриваются тенденции и направления исследований истории белорусского крестьянства в советской исторической науке послевоенного периода (1945 – 1991 гг.). Общественно-политическая актуальность данной статьи обоснована значением крестьянства как демографической, экономической и культурной основы белорусского этноса. Во введении представлен краткий обзор исследований по рассматриваемой проблеме. В основной части проанализирован процесс развития советской историографии истории крестьянства исходя из проблемного поля исследований, определен ряд актуальных для историков исследуемого периода вопросов. Сделан вывод о необходимости дальнейшего комплексного изучения отечественной послевоенной историографии истории крестьянства конца XVIII – первой половины XIX в.

Ключевые слова: историография, история крестьянства, разложение феодальных отношений, крестьянское движение, отмена крепостного права.

Введение. Цель статьи – выявить тенденции и направления исследований истории белорусского крестьянства в советской исторической науке послевоенного периода (1945–1991 гг.) на основе современных методологических подходов. В ходе исследования были поставлены задачи определить ключевые аспекты отечественной историографической традиции 1940-х – начала 1990-х гг.; обосновать содержание, принципы и логику подходов историографии исследуемого периода к изучению истории крестьянства белорусских губерний конца XVIII – первой половины XIX в.; очертить круг вопросов, которые могут быть перспективными в исследовании аграрной истории Беларуси.

Большой вклад в исследование историографии белорусского крестьянства рассматриваемого периода внесла монография Э.Г. Иоффе «Из истории белорусской деревни (советская историография социально-экономического развития белорусской деревни середины XVII – первой половины XIX в.)» [1]. Однако, после публикации данной монографии в отечественной исторической науке не проводилось специальное комплексное исследование историографии истории крестьянства белорусских губерний исследуемого периода, чем объясняется научная актуальность данной статьи. Также актуальна необходимостью периодического анализа существующих подходов к исследованию данной проблемы в контексте развития методологии исторического познания.

Основная часть. Традиция исследуемого периода советской историографии продолжает оказывать влияние на современное осмысление истории крестьянства белорусских губерний конца XVIII – первой половины XIX в. Хотя первые исследования данной тематики появились в дореволюционное время, основополагающим периодом изучения крестьянства белорусских губерний является советская историография 20 – 30-х гг. XX в. На этом этапе в исторический оборот было введено достаточно большое количество новых источников по истории белорусской деревни, история белорусского крестьянства предстала в качестве самостоятельного объекта исследований. Изучение данного сословия осуществлялось в контексте истории государства и права, истории аграрной политики, в плане предпосылок отмены крепостного права и развития освободительного движения в России.

Попытка научного анализа аграрной политики Российской империи и правового положения крестьян в первой половине XIX в. была предпринята в работах К.И. Керножицкого и В.И. Пичеты [2–4]. Вопрос сословно-группового состава и дифференциации крестьянства белорусских губерний в конце XVIII – первой половине XIX в. проработал в своих исследованиях Д.А. Жаринов [5]. Анализ состояния крестьянских хозяйств и социально-экономического положения крестьян белорусских губерний представлен в работах М.В. Мелешко, А.О. Шлюбского, И.И. Игнатович и Ф.И. Забелло [6–9]. В контексте доминирующей в историографии теории классовой борьбы одним из важных аспектов исследований межвоенного периода стало изучение крестьянского движения в белорусских губерниях в конце XVIII – первой половине XIX в. Причины крестьянских волнений и формы крестьянского протеста в белорусской деревне были подробно изучены В.И. Пичетой [4; 10].

В послевоенные годы вышеупомянутые аспекты истории крестьянства получили дальнейшую проработку на основе значительно расширившейся источниковой базы. Кроме того, в поле зрения ученых попали новые вопросы истории белорусского крестьянства, в том числе проблема зарождения капиталистических отношений в белорусской деревне.

Исходя из проблемного поля советской послевоенной (1945–1991 гг.) историографии белорусского крестьянства конца XVIII – первой половины XIX вв. объектом рассмотрения в данной статье становятся такие аспекты, как: 1) категории белорусского крестьянства и правовое положение крестьян белорусских губерний; 2) состояние крестьянских хозяйств и эволюция аграрного производства в белорусских губерниях; быт белорусского крестьянства; 3) зарождение товарно-денежных отношений в белорусской деревне и предпосылки отмены крепостного права на территории белорусских губерний; 4) крестьянское движение.

Особую роль в исследовании проблемы категорий белорусского крестьянства в период позднего феодализма сыграли исследования профессора, доктора исторических наук Д.Л. Похилевича [11; 12; 13; 14]. Работы учёного дают возможность оценить уровень дифференциации крестьянских хозяйств и специфику различных категорий белорусского крестьянства на момент разделов Речи Посполитой. По мнению Д.Л. Похилевича, к концу XVIII в. можно было наблюдать тенденцию к унификации различных категорий крестьянства. С другой стороны, ускорился процесс имущественного расслоения крестьян – неизбежный результат товарно-денежных отношений и постепенного развития капитализма в Беларуси [12, с. 215–216].

Малоизученный вопрос о социальном положении «землян» и «выбранцев» был исследован белорусским учёным, доктором исторических наук А.П. Грицкевичем [15; 16; 17]. По мнению автора, численность этих категорий сельского населения в рассматриваемый период была довольно весомой, но в начале XIX в. земляне и выбранцы стали постепенно приближаться по своему экономическому положению к основной массе крестьянства. Значительная часть не смогла доказать шляхетское происхождение, поэтому царское правительство перевело их «в разряд однодворцев и обязало выполнять повинности наряду с государственными крестьянами» [15, с. 252].

Изучение специфики различных категорий белорусского крестьянства нашло отражение в исследованиях профессора, доктора исторических наук П.Г. Козловского [18]. Автор отмечал, что «кроме основных категорий крестьянства <...> имела ещё сравнительно небольшая группа неимущих безземельных крестьян» [18, с. 38]. Разряды крестьян белорусских губерний исследуемого нами периода также были подробно рассмотрены в работах докторов исторических наук Н.Н. Улащика и В.В. Чепко [19; 20]. Их исследования были очень схожи в толковании социального статуса отдельных категорий крестьян. Оба автора отметили такую особенность белорусских губерний, как наличие в Витебской, Минской, Гродненской и Виленской губерниях «поиезуитских» крестьян в первой половине XIX в. Хотя Орден иезуитов был ликвидирован ещё в 1773 г., а принадлежавшие ему имения перешли в ведение казны, эти земельные владения сдавались в аренду частным лицам. При сравнении соотношения помещичьих и государственных крестьян в белорусских губерниях, Н.Н. Улащик отмечал довольно значительное увеличение к середине XIX в. процента государственных крестьян. Однако, по утверждению В.В. Чепко, по сравнению со всей Россией, даже в середине XIX в. помещичьи крестьяне в Белоруссии составляли большую часть населения: «В целом по России помещичьи крестьяне в конце 50-х гг. составляли 37,5% от всего населения страны. Могилевская, Минская и Витебская губернии насчитывали более чем 60% помещичьих крестьян и входили в число 16 губерний, в которых процент их превышал 56%» [20, с. 115].

Таким образом, проблема категорий белорусского крестьянства в конце XVIII – первой половине XIX в. была изучена наиболее основательно именно в послевоенной историографии. Однако все исследователи рассматриваемого периода подходили к этому вопросу, исходя из положений марксистско-ленинской методологии. Исследование различных категорий белорусских крестьян велось исключительно на макроуровне, что приводило к абстрактным обобщениям и обезличиванию крестьянства.

Учёные, работавшие в послевоенный период, продолжили исследовать такой ключевой вопрос истории крестьянства, как проблема крестьянского землепользования и материальное состояние крестьянских хозяйств. Вопросы крестьянского землепользования на территории белорусских губерний затрагивались в работах Д.Л. Похилевича, Е.П. Шлоссберга, В.И. Мелешко [12; 13; 21; 22]. Исследования В.И. Мелешко были посвящены аграрной истории Восточной Беларуси вплоть до конца XVIII в. и дают представление о крестьянском землепользовании восточной части белорусских земель после их вхождения в состав Российской империи. Автор отмечал, что в конце XVIII в. на востоке Беларуси вся земля была в монопольной собственности феодалов: «По отношению к своему наделу крестьянин выступал лишь как его пользователь» [22, с. 63]. Учёный описал трёхполье, как господствующую систему севооборота в изучаемый период, привёл данные по выращиваемым в восточных губерниях культурам и количеству скота.

Описывая предприятия по переработке сельскохозяйственного и лесного сырья, В.И. Мелешко отмечал, что основную часть работников в них составляли помещичьи крестьяне. Однако, в конце XVIII в. к этим работам всё чаще начали привлекать наёмных работников. Анализируя мукомольный промысел в восточных губерниях, автор отмечал, что именно крестьяне выступали в роли мельников. Их отличием от других крестьян-слуг была оплата за работу, наряду с освобождением от барщины и прочих повинностей. По мнению автора, это было связано с особой важностью и доходностью мельниц. На основе анализа отдельных документов историк пришёл к выводу, что феодалы прибегали как к вольному, так и принудительному найму. В случае принудительного найма «плата крестьянам являлась мерой поощрения, способствовавшей в какой-то степени повышению производительности труда» [22, с. 139]. Сравнивая систему аграрных отношений западных и восточных регионов Беларуси в конце XVIII в., В.И. Мелешко пришёл к выводу, что «восток» в данный период отличали следующие признаки: высокий удельный вес государственных земель, слабое, по сравнению с западом Белоруссии, развитие фольварочно-барщинного хозяйства и большее значение мелкого крестьянского хозяйства [22, с. 4]. Автор опроверг существовавшее мнение об упадке сельского хозяйства на востоке страны и отметил рост его товарности во второй половине XVIII в.

Вопросы крестьянского землепользования первой половины XIX в. затрагивались в работах М.Б. Фридман, Н.Н. Улащика, В.В. Чепко, П.Г. Козловского [23; 19; 20; 18]. М.Б. Фридман отметила, что в региональном отношении крестьянское землепользование не было однородным. Для западных и центральных белорусских губерний было характерно наличие подворной системы землепользования. В.В. Чепко отмечала меньшую роль

общины в белорусских губерниях по сравнению с другими российскими регионами. В монографии «Землевладение и землепользование в Белоруссии в XVIII – первой половине XIX в.» П.Г. Козловский обратился к вопросу стабильности крестьянского землепользования. На основе изучения инвентарей имений учёный пришёл к выводу о том, что крестьянский надел устойчиво находился в пользовании крестьянина и переходил по наследству к его детям [18, с. 149]. Автор также отметил изменение размеров крестьянских наделов в сторону уменьшения на протяжении всего рассматриваемого периода, и особенно в последнее перед реформой 1861 г. десятилетие. Так как наделы сократились до размеров ниже прожиточного минимума, крестьянское хозяйство находилось в состоянии глубокого кризиса.

Историки послевоенного периода продолжили исследовать быт и демографические характеристики сельского населения белорусских губерний в конце XVIII – первой половине XIX в. Н.Н. Улащик описал типичную крестьянскую усадьбу в Гродненской губернии, жилища, питание и одежду крестьян в одной из глав монографии «Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии» [19]. Учёный отмечал, что не все крестьяне жили одинаково. Самой угнетённой и бедной частью населения были помещичьи крестьяне. Однако подробного анализа быта крестьян автор не предоставил, хотя состояние крестьянских домов и других строений может являться объективным показателем хозяйственного и имущественного положения крестьянской семьи.

Вопросы быта крестьян после вхождения белорусских земель в состав Российской империи были затронуты в первом томе «Гісторыі Беларускай ССР», вышедшем в 1972 г. [24]. В коллективном издании было дано краткое описание сельскохозяйственного инвентаря, одежды, обуви, домашней утвари крестьян. По мнению авторов, быт крестьян в исследуемый период почти не изменился по сравнению с предыдущим периодом. Новым стало появление всё большего количества домов с дымоходом, особенно у государственных крестьян. Таким образом, хотя в послевоенные годы изучались бытовые аспекты жизни крестьян конца XVIII – первой половины XIX в., им уделялось гораздо меньше внимания, чем другим вопросам.

В исследуемый период в исторической науке доминировал методологический концептуализм, проявившийся в освещении исторических событий через призму классового подхода. Основной задачей многих трудов было выявление классовых противоречий и исследование классовой борьбы крестьянства против феодального гнета. Причины крестьянского движения на территории белорусских губерний в конце XVIII в. были проанализированы в работах А.Т. Короткевича, М.Г. Лысенко, Е.И. Фирсовой [25; 26; 27]. Все авторы сошлись во мнении, что причиной волнений в белорусской деревне было увеличение повинностей, усиление эксплуатации и ухудшение положения крестьян. Несколько иными были выводы П.Г. Козловского. В работе «Классовая борьба крестьян в магнатских вотчинах Белоруссии во второй половине XVIII века» автор заключает, что усиление антифеодальной борьбы крестьянства было обусловлено, прежде всего, растущей товарностью производства [28].

В исследованиях послевоенного периода уделялось внимание как невооружённым формам крестьянского сопротивления, так и вооружённым выступлениям крестьян. П.Г. Козловский отметил более высокий удельный вес пассивных форм сопротивления крестьян белорусских губерний. А.П. Игнатенко исследовал такой вид невооружённого сопротивления, как бегство крестьян во второй половине XVIII в. [29]. Автор считал одной из самых важных причин побегов сопротивление национально-религиозному гнёту и стремление воссоединиться с «братским русским народом» [29, с. 168].

Наиболее полно невооружённое сопротивление крестьян белорусских губерний в конце XVIII в. освещено в монографии В.И. Мелешко «Классовая борьба в белорусской деревне во второй половине XVII – XVIII в.» [30]. Автор утверждал, что бегство крестьян было повсеместным и направлялось против феодального гнёта в целом, следовательно, не имело признаков национально-освободительной борьбы [30, с. 103]. Также В.И. Мелешко указывал на такие формы невооружённой борьбы крестьян, как крестьянские жалобы и отказ от выполнения повинностей. Из форм вооружённого сопротивления рассматривались нападения крестьян на имения, расправы над феодальной администрацией и вооружённые выступления. Автор пришёл к выводу, что «в рассматриваемый период борьба крестьянства Белоруссии уже вызывалась не только традиционным сопротивлением феодальному гнёту и произволу, но и противоречиями, порождёнными товарно-денежными отношениями» [30, с. 169].

Всесторонняя характеристика антифеодальной борьбы крестьянства белорусских губерний в первой половине XIX в. дана в работах Н.Н. Улащика, В.В. Чепко, А.П. Игнатенко, В.А. Сосно [19; 20; 31; 32]. Авторы считали, что причиной крестьянских восстаний в первой половине XIX в. было тяжёлое положение сельского населения, а также последствия переписи казенных имений и инвентарной реформы. Доктор исторических наук В.В. Чепко отмечала такую особенность фактов крестьянского неповиновения в 40 – 50-е гг. XIX в., как массовые побег, носившие «открытый» характер. Автор впервые в историографии крестьянского движения белорусских губерний попыталась дать количественную оценку всех групповых крестьянских выступлений первой половины XIX в., однако методика подсчетов была несовершенна и некоторые данные не выдержали последующей проверки.

Заключение. Из приведенного текстового анализа можно сделать вывод, что социально-экономическое положение крестьян белорусских губерний в конце XVIII – первой половине XIX в. было детально исследовано в отечественной историографии послевоенного периода, однако многие важные аспекты истории крестьянства были освещены неравномерно и остались малоизученными. Так, на данный момент недостаточно изучен быт крестьян, демографическая, гендерная составляющие крестьянства и история повседневности сельского населения. Большинство исследований не позволяют восстановить историческую картину на микроуровне, но их можно использовать для сравнения общего и частного, что могло бы обогатить изучение истории белорусского крестьянства в единстве исследования его макро- и микроистории.

Результаты представленного исследования послевоенной советской историографии истории крестьянства белорусских губерний конца XVIII – первой половины XIX в., на наш взгляд, могут использоваться в процессе преподавания и изучения таких дисциплин, как «Историография истории Беларуси», «История белорусского крестьянства», «Экономическая история Беларуси».

ЛИТЕРАТУРА

1. Иоффе Э.Г. Из истории белорусской деревни (советская историография социально-экономического развития белорусской деревни середины XVII – первой половины XIX в.). – Минск: Ураджай, 1990. – 248 с.
2. Кернажыцкі К.І. Гаспадарка прыгоннікаў на Беларусі ў канцы XVIII і першай палове XIX ст.: Да праблемы разлажэння феадалізму ў Беларусі. – Мінск: Выд-ва Бел. акад. навук, 1935. – 271 с.
3. Кернажыцкі К.І. Аграрная рэформа ў Бабруйскім старостве і эканамічнае становішча яго насельніцтва з XVII да паловы XIX ст.: Фармаванне капіталізму. – Мінск: АН Беларусі, Навук.-даслед. ін-т гісторыі, 1931. – 149 с.
4. Пичета В.И. Положение крестьян в Западной Белоруссии в XIX веке // Красный архив. – 1940. – № 1. – С. 177–218.
5. Жаринов Д.А. Крестьянская дифференциация перед падением крепостного права // Працы БДУ. – Менск: Дзярж. выд-ва Беларусі, 1925. – № 6–7. – С. 252–282.
6. Мялешка М.В. Гістарычна-этнаграфічны нарыс з жыцця сялян Міншчыны за прыгонам 1826–1857 гг. // Полымя. – 1924. – № 4(12). – С. 106–129.
7. Шлюбскі А.А. Паны і сяляне ў першай палове XIX стагоддзя. – Мінск: Інбелкульт, 1924. – 23 с.
8. Игнатович И.И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. – 3-е изд., доп. – Л.: Мысль, 1925. – 405 с.
9. Забела Т.І. Панская гаспадарка на Беларусі і быт подданнага сялянства ў другой палове XVIII стагоддзя // Запіскі аддз. гуманіт. навук: Працы класа гісторыі. – Т. 2, кн. 3. – С. 95–152.
10. Пичета В.И. История крестьянских волнений в России. – Минск: Белтрестпечать, 1923. – 155 с.
11. Похилевич Д.Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI–XVIII вв. – Львов: Изд-во Львов. ун-та, 1957. – 179 с.
12. Похилевич Д.Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы во второй половине XVIII века. – Вильнюс: АН Литовской ССР. Ин-т истории, 1966. – 216 с.
13. Похилевич Д.Л. Крестьяне-слуги в Великом княжестве Литовском в XVII–XVIII вв. // Средние века. – 1962. – Т. 21. – С. 141–169.
14. Похилевич Д.Л. Перевод государственных крестьян Белоруссии и Литвы в с. XVIII в. с денежной ренты на отработочную // Исторические записки. – 1952. – Т. 39. – С. 121–158.
15. Грицкевич А.П. Хозяйственное и правовое положение военно-служилого населения в Слуцком княжестве в XVI–XVIII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 г. – 1964. – С. 242–253.
16. Грицкевич А.П. Выбранцы и их экономическое и юридическое положение в XV – первой половине XIX вв. // Материалы конф. молодых учёных Белоруссии и Прибалтики. – Минск, 1963. – С. 63–73.
17. Грицкевич А.П. Белорусские избранцы // Полымя. – 1970. – № 11. – С. 249–253.
18. Козловский П.Г. Землепользование и землепользование в Белоруссии в XVIII – первой половине XIX в. – Минск: Наука и техника, 1982. – 204 с.
19. Улащик Н.Н. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии. – М.: Наука, 1965 – 478 с.
20. Чепко В.В. Сельское хозяйство Белоруссии в первой половине XIX века. – Минск: Наука и техника, 1966. – 218 с.
21. Шлосберг Е.П. К вопросу об изменении феодальной ренты в Белоруссии XVII–XVIII в. (по данным инвентарей феодальных владений) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1958 г. – Таллин, 1959. – С. 105–128.
22. Мелешко В.И. Очерки аграрной истории Восточной Белоруссии (вторая половина XVII–XVIII вв.). – Минск: Наука и техника, 1975. – 246 с.
23. Фридман М.Б. Отмена крепостного права в Белоруссии / Белорус. гос. ун-т. – Минск: Белгосуниверситет, 1958. – 202 с.
24. Гісторыя Беларускай ССР: у 5 т. / Акад. навук БССР, Ін-т гісторыі; рэдкал.: І. Ігнаценка (гал. рэд.). – Мінск: Навука і тэхніка, 1972. – Т. 1: Першабытнаабшчынны лад на тэрыторыі Беларусі. Эпоха феадалізму. – 632 с.
25. Короткевич А.Т. Антифеодальное крестьянское движение в Витебской губернии в период кризиса крепостничества // Уч. зап. Минской четырёхгодичной партийной школы. – Минск, 1957. – Вып. I. – С. 118–133.
26. Лысенко М.Г. Крестьянское движение в восточной Белоруссии в 1825–1860 гг. (по материалам Могилевской губернии) // Уч. зап. Полоцкого пед. ин-та. – Полоцк, 1958. – Вып. 2. – С. 3–23.
27. Фірсава Е.І. Сялянскі рух у Беларусі ў 40–50-я гады XIX ст. // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. – 1960. – № 5. – С. 53–78.
28. Козловский П.Г. Классовая борьба крестьян в магнатских вотчинах Белоруссии во второй половине XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966 г. – Таллин, 1971. – С. 258–267.
29. Игнатенко А.П. Борьба белорусского народа за воссоединение с Россией (вторая половина XVII–XVIII в.). – Минск: Изд-во БГУ, 1974. – 190 с.
30. Мелешко В.И. Классовая борьба в белорусской деревне во второй половине XVII–XVIII в. – Минск: Наука и техника, 1982. – 252 с.
31. Чепко В.В. Классовая борьба в белорусской деревне в первой половине XIX века. – Минск: Наука и техника, 1972. – 268 с.
32. Игнатенко А.П., Сосно В.А. Причины и основные этапы движения помещичьих крестьян Белоруссии за переход в состав государственных (конец XVIII – первая половина XIX века) // Веснік БДУ імя У.І. Леніна. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Навуковы камунізм. Эканоміка. Права. – 1986. – № 1. – С. 26–28.

Поступила 28.05.2025

THE PEASANTRY OF THE BELORUSSIAN PROVINCES OF THE LATE 18TH – FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY IN THE SOVIET POST-WAR HISTORIOGRAPHY**V. STSIATSKEVICH***(Yanka Kupala State University of Grodno)*

The article examines the trends and directions of research into the history of the Belarusian peasantry in Soviet historical science in the post-war period (1945–1991). The socio-political relevance of this article is substantiated by the significance of the peasantry as a demographic, economic and cultural basis of the Belarusian ethnos. The introduction provides a brief overview of research on the problem under consideration. The main part analyzes the development of Soviet historiography of the history of the peasantry based on the problematic field of research, and identifies a number of issues relevant to historians of the period under study. A conclusion is made about the need for further comprehensive study of domestic post-war historiography of the history of the peasantry of the late 18th – first half of the 19th centuries.

Keywords: *historiography, history of the peasantry, legal status of peasants, peasant movement, abolition of serfdom.*

УДК 94(476)"19"

DOI 10.52928/2070-1608-2025-75-3-45-49

ГУБЕРНСКИЕ АКЦИЗНЫЕ УПРАВЛЕНИЯ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В ПЕРИОД 1897–1918 ГГ.

Ю.В. ВЕРЕТИЛО

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)

Рассматриваются причины перехода в Российской империи от акцизной системы к винной монополии конца XIX в. В процессе исследования был проведен анализ порядка организации казенной продажи питей на белорусских землях и выделены ключевые направления деятельности губернских акцизных управлений в сфере налогообложения спиртных напитков, включающие производство и реализацию алкоголя. Установлены критерии сформированного в конце XIX – начале XX вв. стандарта качества крепкого алкоголя.

В рамках проведенного исследования представлена характеристика процесса эвакуации губернских акцизных управлений на белорусских землях накануне Первой мировой войны. Выделены основные факторы, оказывающие негативное влияние на порядок их проведения. Кроме того, рассмотрен механизм ликвидации местных учреждений по администрированию акцизных сборов и представлена характеристика финансовых результатов их деятельности, что позволило сформировать целостную картину системы косвенного налогообложения спиртных напитков на белорусских землях в конце XIX – начале XX вв.

Ключевые слова: акциз, губернские акцизные управления, винная монополия, казенная продажа питей, казенные винные склады.

Введение. Неотъемлемым условием устойчивого развития государства является обеспечение защиты его национальных интересов и создание эффективной экономической модели, способной удовлетворить запросы общества с минимальным привлечением ресурсов. В современных реалиях, характеризующихся кризисными явлениями в мировой экономике, обеспечение экономической безопасности государства достигается за счет развития национального производства и совершенствования системы налогообложения товаров. В связи с этим весьма актуальным видится изучение опыта организации казенной продажи питей конца XIX – начала XX вв., которая наряду с фискальными задачами способствовала формированию новых отраслей производства и торговли спиртными напитками. Исходя из этого основная цель исследования заключается в анализе порядка и специфики реализации казенной продажи питей на белорусских землях.

Основная часть. Процесс организации и развития винной монополии пользовался немалым научным интересом как среди дореволюционных, так и среди современных исследователей. Из числа первых необходимо отметить российских экономистов О.Н. Осипова [1] и П.Х. Шванебаха [2], профессора М.И. Фридмана [3], в работах которых представлена характеристика причин и порядка правительственных действий по переходу Российской империи к казенной продаже питей конца XIX – начала XX вв. Среди современных авторов особый интерес представляют работы российских ученых Е.В. Пашкова [4], С.А. Сафронова [5], А.Г. Быковой [6].

К началу 90-х гг. XIX в. в Российской империи обострился ряд финансовых проблем, обусловленных ростом долговых обязательств, которые за период 1881–1890 гг. выросли практически на 30% [7, с. 96]. Помимо этого, значительно уменьшился размер доходной части бюджета, особенно остро отразившись на финансах государства в период неурожая конца XIX в. В сложившихся условиях правительство приступило к поиску дополнительных источников пополнения государственной казны. В ходе анализа доходной части бюджета было установлено, что обеспечение казенного интереса во многом осуществлялось за счет увеличения ставок косвенных налогов, акцизов и, в особенности, со спиртосодержащих товаров. Вместе с тем было определено, что увеличение акцизных ставок непосредственным образом влияло на рост налогового бремени с конечного потребителя, размер которого за период 1863–1890 гг. увеличился практически на 40% [3, с. 66]. Наряду с указанным к концу 1880-х гг. с особенно негативной стороны проявила себя предоставленная при акцизной системе свобода торговли спиртными напитками, которая в условиях низкой эффективности применяемых правительством ограничительных мер и системы надзора за деятельностью продавцов алкоголя создавала благоприятную почву для совершения злоупотреблений. Что в конечном итоге пагубно сказывалось как на финансах государства, так и на нравственной стороне жизни общества – распространении пьянства [3, с. 76].

В сложившихся условиях правительство полагало, что решить проявившиеся проблемы возможно только посредством коренных преобразований, в результате чего с 1 января 1895 г. взамен акцизной системы на территории Российской империи была введена казенная продажа питей [8, с. 404]. Ее ключевая цель заключалась в снижении уровня алкоголизации населения и уменьшении негативного влияния спиртных напитков на организм человека посредством изменения принципов реализации алкоголя и улучшения его качества. Наряду с указанным посредством учреждения правительственной регалии правительство стремилось создать новые отрасли производства и торговли спиртными напитками, за счет чего косвенным образом предполагалось увеличить размер бюджетных поступлений [9]. Казенная продажа питей предусматривала поэтапный характер её распространения, что обуславливалось несколькими факторами. Так, за счет постепенности введения и всестороннего анализа практических результатов реализации правительство стремилось уменьшить потенциальные риски, связанные

с учреждением винной монополии. Помимо этого, указанная мера была направлена на снижение финансовых нагрузок, неразрывно связанных с организацией новой системы взимания питейных сборов. Исходя из вышеизложенного, правительством было определено семь этапов, которые в конечном итоге растянулись на 11 лет. На белорусских землях винная монополия начала свое действие с 1 января 1897 г. [10, с. 299].

Сущность казенной продажи питей сводилась к следующему:

1. Частные винокуренные заводы на основании заказов губернских акцизных управлений осуществляли изготовление спирта-сырца.
2. Заготовленный спирт-сырец подвергался обязательной ректификации под контролем акцизных служащих.
3. Из полученного ректификата губернскими акцизными управлениями изготавливались спиртные напитки с последующей их поставкой в государственные или частные торговые заведения для сбыта конечному потребителю.

Таким образом, с учреждением правительственной регалии в сфере реализации спиртных напитков государство выступало гарантом обеспечения населения высококачественным алкоголем. В свою очередь винная монополия не носила абсолютный характер. Так, право изготовления спирта-сырца было сохранено за частными лицами, однако объем производства и направление развития винокуренной промышленности напрямую зависели от заказов государства. Определение необходимого к производству винокуренными заводчиками спирта-сырца устанавливалось губернскими управляющими на основании ежегодно утверждаемых министерством финансов планов [11]. Винокурение сверх установленного плана категорически запрещалось. Закупка необходимого для казны спирта-сырца предусматривала три варианта практической реализации: 2/3 годовой потребности распределялись акцизными управляющими между винокуренными заводами губернии в соответствии с их производственными мощностями (заготовка по разверстке), 1/3 закупалась посредством проведения публичных торгов, а в случае их несостоятельности – хозяйственным способом [12, л. 220]. Введение разверсточного способа заготовки алкоголя было направлено на поддержку местных винокуренных производителей. Так, если в 1897 г. по разверстке было поставлено более 74% от необходимого объема спирта-сырца, то уже к 1900 г. данный показатель составлял более 85% [13, с. 6–7; 14, с. 7]. Закупка с торгов как в целом по стране, так и на белорусских землях, не имела должного успеха, в результате чего с 1900 г. её объем был сокращен до 1/5, а с 1904 г. указанный способ был полностью отменен [12, л. 222].

Поставка разверсточного спирта-сырца осуществлялась частными производителями на основании цен, ежегодно устанавливаемых министром финансов. Закупочные цены, в целях обеспечения безубыточности производства, устанавливались для каждой губернии в отдельности на основе собранных акцизными служащими данных о стоимости сырья и производственных затратах для изготовления спирта-сырца. Ввиду особой значимости сбора достоверных сведений для назначения цен от акцизным служащим требовались глубокое понимание процессов сельскохозяйственного и винокуренного производства. Вместе с тем, отсутствие руководящих разъяснений по вышеуказанному направлению деятельности и низкая квалификация акцизных служащих не позволяли выполнить поставленные задачи с должным качеством. В результате цены зачастую не покрывали производственных издержек, а винокуренные производители прибегали к совершению злоупотреблений [15, л. 102].

В сложившихся условиях в начале 90-х гг. XX в. министерством финансов был разработан комплекс мер, одной из которых было открытие платных курсов для акцизных служащих по изучению вопросов винокуренного производства, однако ввиду дороговизны обучения они не имели должного успеха [16, л. 56]. Помимо этого, в 1902 г. были разработаны первые инструкции, но они только в общих чертах определяли порядок сбора сведений, в результате чего назначаемые цены не в полной мере соответствовали действительности и были убыточными для фабрикантов [17]. Только к 1912 г. финансовым ведомством были разработаны подробные инструкции в сфере сбора данных для назначения цен.

Непосредственный контроль за порядком производства и качеством поставляемого спирта-сырца осуществлялся окружными акцизными служащими. К качеству винокуренной продукции предъявлялись высокие требования, а их оценка осуществлялась в 2 этапа: окружными акцизными служащими и специально учреждаемой губернской акцизной лабораторией. Так, к приему, допускался только изготовленный из картофеля или зерновых культур и кристально чистый алкоголь, без посторонних запахов, с объемным содержанием сивушных масел не более 0,8% [15, л. 141]. Поставленный казне алкоголь подвергался обязательной очистке посредством ректификации, которая на белорусских землях проводилась через сеть частных спиртоочистительных заводов. Ввиду особой значимости ректификации как инструмента нейтрализации вредных для здоровья примесей, её проведение осуществлялось под непосредственным контролем окружных акцизных служащих. Оценка качества очистки спирта проводилась по нескольким параметрам: крепость (не менее 93 градусов по спиртометру Траллеса), наличие сивушных масел, вкус и запах [15, л. 253].

Очищенный ректификат, для изготовления из него спиртных напитков различной крепости, поступал в учреждаемые при губернских акцизных управлениях казенные винные склады. Определение количества казенных заводов по производству спиртных напитков и их распределение осуществлялось акцизными управляющими исходя из численности населения в каждом из уездов губерний и характера употребления им алкоголя. Ввиду значительных финансовых издержек, связанных со строительством и обустройством винных складов, определение их оптимального количества имело важное экономическое значение. На территории Витебской и Гродненской губерний первоначально было открыто по 8 казенных винных складов, Минской – 17, Могилевской – 10, при этом все они размещались в губернском или уездных городах [13, с. 32]. Как показала практика, первоначально установленное количество складов значительно превышало реальные потребности губерний, а на фоне усилившегося в начале XX в.

правительственного курса по уменьшению расходов на содержание государственных учреждений к началу 1914 г. сеть казенных винных складов на белорусских землях была сокращена на 40% [18, с. 37].

Казенные винные склады представляли собой комплекс зданий, состоящих из основного строения – завода, административно-хозяйственных построек и домов для проживания рабочих. Необходимость в значительном количестве указанных строений, численность которых в целом по стране предполагалась в 400 ед., не позволяла возвести их одновременно. Для снижения финансовых нагрузок на бюджет государства казенные винные склады разрешалось размещать в арендуемых у частных лиц зданиях. В результате проведенного анализа было установлено, что несмотря на значительные единовременные затраты, основным принципом размещения казенных винных складов на белорусских землях являлось строительство за счет государства. Так, если в 1897 г. на долю казенных строений приходилось порядка 68% складов, то уже к 1914 г. – 97% [18, с. 24; 19, с. 82].

Реализация правительственной задачи по улучшению качества спиртных напитков осуществлялась губернскими акцизными управлениями посредством формирования стандарта качества к крепкому алкоголю. Его составные элементы включали требования к качеству конечного продукта и упаковки, что в совокупности выступало гарантом, позволяющим конечному потребителю избежать контрафактной продукции. Основным критерием стандарта была крепость алкоголя, для чего казенные винные склады изготавливали пять типов спиртных напитков: водка обыкновенная и столовая (40 градусов по спиртомеру Траллеса), 57 градусная водка, а также спирты крепостью в 90 и 95 градусов [20, л. 28]. Сущность процесса производства крепкого алкоголя заключалась в разбавлении ректификата водой с последующей очисткой получившейся жидкости через систему фильтров. Ввиду особой значимости процесса очистки, губернскими акцизными управлениями на белорусских землях были разработаны технические условия к составу фильтрующих элементов и порядку их проверки [21, л. 2]. Помимо этого, предполагаемые к использованию источники воды предварительно подвергались подробному исследованию в центральной химической лаборатории министерства финансов, а в дальнейшем пробы воды 1 раз в полугодие подвергались анализу в губернских акцизных лабораториях [22, л. 22]. Наряду с указанным, лабораторией проводился анализ качества каждой партии изготовленной спиртосодержащей продукции.

Важным элементом стандарта, формирующим облик качественного продукта и позволяющим идентифицировать его, являлась тара. Для этого все бутылки были унифицированы по объему, а оценка их качества проводилась по трем основным параметрам: емкость, состав стекла и внешний вид тары [12, л. 169].

Размер доходов от винной монополии напрямую зависел от производственных издержек. Однако недостаток объективных сведений, связанный с отсутствием систематизации данных, не позволил министерству финансов выработать единые подходы к нормированию труда и расходованию основных производственных ресурсов. В результате неэффективной организации труда за период 1897–1898 гг. размер излишне израсходованных ресурсов при производстве спиртных напитков составил на белорусских землях порядка 58%, а в целом по стране – 48% [19, с. 30]. В сложившихся условиях для оптимизации процесса производства алкоголя руководителями акцизных ведомств на белорусских землях в виде опыта с 1898 г. были введены нормы расходования основных материалов и трудозатрат на каждую из производственных операций [23, л. 1]. Это позволило уменьшить размер государственных издержек по производству алкоголя в Витебской губернии на 4,5%, Гродненской – 3,4%, Минской – 1%, Могилевской – 1%. Учитывая позитивный опыт акцизных управлений на территории Беларуси, с 1899 г. были введены единые общегосударственные нормы, которые были значительно ниже ранее действовавших на белорусских землях [12, л. 57].

Реализация правительственной регалии по сбыту спиртных напитков осуществлялась через сеть казенных винных лавок, численность и расположение которых устанавливались управляющими акцизными сборами. В отличие от казенных винных складов, размещение государственных алкогольных магазинов, в целях оперативной адаптации к условиям рынка, осуществлялось в арендуемых у частных лиц помещениях. Ключевыми условиями аренды выступали месторасположение, внешний вид и внутреннее обустройство помещений. Так, казенные винные лавки следовало размещать в отдельных домах, состоящих из нескольких отдельных помещений с возможностью оборудования в них просторного торгового зала, склада для хранения запасов спиртных напитков и 2-3 комнат для проживания продавца [12, л. 76]. При оценке месторасположения приоритет отдавался тем зданиям, которые размещались на главных улицах населенных пунктов. Наряду с государственными торговыми объектами сбыт казенного алкоголя мог производиться через частные заведения, открытие, оборудование и деятельность которых регламентировались акцизными управляющими и губернаторами. По имеющимся сведениям, численность заведений розничной торговли, открытых на белорусских землях в 1897 г., составляла: в Витебской губернии порядка 578 ед., при этом более 76% из них были государственными, в Гродненской – 527 ед., из них 67% государственных; Минском уезде – 785 ед., из них 74% государственных; Могилевском – 581 ед., из которых 82% государственных [13, с. 90]. Таким образом правительственная регалия в сфере реализации спиртных напитков также не имела абсолютного характера, что косвенно свидетельствует о приоритете фискально-экономических над нравственно-утилитарными целями.

Первая мировая война послужила основанием для введения жестких ограничений в отношении производства и реализации спиртных напитков, что было обусловлено необходимостью проведения комплекса мобилизационных и эвакуационных мероприятий. Перемещение акцизных управлений с территории Беларуси началось в октябре 1914 г. [24, л. 60]. Огромные объемы подлежащего вывозу имущества и частая смена конечных пунктов передислокации негативно отражались на качестве проведения эвакуации. Так, например, Могилевское акцизное

управление первоначально предполагалось переместить в г. Ржев, куда акцизным управляющим было отправлено имущество большинства казенных винных складов [25, л. 321]. Через несколько дней после этого новым местом эвакуации был назначен г. Харьков, а еще через несколько дней – г. Ливны Орловской губернии [26, л. 323]. Имевшая место сумятица и неопределенность в назначении конечных пунктов эвакуации были характерны и для остальных губернских акцизных управлений на белорусских землях, в результате значительная часть имущества и бухгалтерии были утеряны.

Исторические события октября 1917 г. ознаменовали собой завершающий этап в деятельности местных учреждений по администрированию акцизных сборов. Решением Совета народных комиссаров от 20 января 1918 г. Гродненское губернское акцизное управление, а с ноября того же года остальные акцизные учреждения на белорусских землях, подлежали расформированию с передачей своих функций подотделу косвенных налогов финансовых отделов губернских исполкомов [27, л. 8; 28, л. 1].

Заключение. Таким образом, введенная в середине 90-х гг. XIX в. казенная продажа питей в первую очередь была направлена на решение нравственно-утилитарных целей по снижению уровня алкоголизации населения и формированию условий для приобщения его к культуре употребления спиртных напитков без причинения ущерба здоровью и материальному статусу. Ее достижение предполагалось осуществить посредством изменения принципов производства и реализации спиртного, формирования стандарта качества крепкого алкоголя. Вместе с тем значительный дефицит бюджета оттеснил социальную составляющую на второй план. Посредством увеличения объема продажи спиртных напитков, которая за период 1897–1913 гг. на белорусских землях выросла вдвое, удалось значительно увеличить размер бюджетных поступлений [19, с. 198–199; 18, с. 75–76]. Так, уже в первый год действия винной монополии размер налоговых поступлений практически в 3 раза превысил сумму сборов, поступивших накануне отмены акцизной системы. В целом же за период действия винной монополии размер доходов от налогообложения спиртных напитков в целом по империи вырос в 2,6 раза, а на белорусских землях – более чем в 3 раза. При этом издержки по обеспечению системы составляли порядка 32% [29, с. 12]. Увеличение объемов реализации спиртных напитков пропорционально влияло на уровень потребления алкоголя населением, что в корне противоречило первоначально поставленным целям. Данное обстоятельство, наряду с началом мобилизации, привело к тому, что единственной мерой противодействия сложившимся обстоятельствам, которую видело высшее руководство страны, являлся полный запрет на реализацию крепкого алкоголя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осипов Н.О. Винная монополия, ее основные начала, организация и некоторые последствия. – СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1899. – 125 с.
2. Шванебах П.Х. Наше податное дело. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1903. – 203 с.
3. Фридман М.И. Винная монополия: в 2 т. – Петроград: Тип. "Правда", 1916. – Т. 2: Винная монополия в России. – 638 с.
4. Пашков Е.В. Исторический опыт осуществления казенной винной монополии в России конца XIX - начала XX веков : на примере Курской губернии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Курск, 2009. – 266 с.
5. Сафронов С.А. Пьяный вопрос в России и «Сухой закон» 1914-1925 годов: в 2 т. – Красноярск: СФУ, 2017. – Т. 2: От казенной винной монополии С.Ю. Витте до "Сухого закона". – 544 с.
6. Быкова А.Г. Казенная винная монополия в 1895/1904 – 1914 гг.: некоторые аспекты проблемы // Омский научный вестник. – 2006. – № 8(45). – С. 222–225.
7. Министерство финансов 1802 – 1902: в 2 ч. / Министерство финансов. – СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1902. – Ч. 2. – 717 с.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье 1 марта 1881 – 1913 гг. – СПб.: Гос. тип. – Т. 14. – 1898. – 1529 с.
9. Кадер С.А. Винная регалия и монополярная система. Историко-экономический очерк. – Витебск: Губ. тип., 1897. – 100 с.
10. Зайцева Л.И. С. Ю. Витте и Россия: в 2 т. – М.: Ин-т экон. РАН, 2000. – Т. 1: Казенная винная монополия (1894-1914): По науч. публ. и арх. материалам кон. XIX – нач. XX в. – 299 с.
11. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (НИАБ Гродно) – Ф. 30. Оп. 1. Д. 163. – Л. 129.
12. НИАБ Гродно – Ф. 30. Оп. 1. Д. 163.
13. Статистика по казенной продаже питей за 1899 год / Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей – СПб.: Тип. Киришаума, 1902. – 293 с.
14. Статистика по казенной продаже питей за 1900 год / Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей – СПб.: Тип. Киришаума, 1902. – 222 с.
15. НИАБ Гродно – Ф. 30. Оп. 1. Д. 105.
16. НИАБ Гродно – Ф. 30. Оп. 1. Д. 352.
17. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ) – Ф. 2504 Оп. 1. Д. 1240. – Л. 26.
18. Статистика по казенной продаже питей за 1914 год / Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей – СПб.: Тип. Киришаума, 1916. – 86 с.
19. Статистика по казенной продаже питей за 1897 и 1898 гг. / Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей – СПб.: Тип. Евдокимова, 1901. – 326 с.
20. НИАБ Гродно – Ф. 30. Оп. 1. Д. 235.
21. НИАБ – Ф. 2504. Оп. 1. Д. 1517.
22. НИАБ Гродно – Ф. 30. Оп. 1. Д. 220.
23. НИАБ Гродно – Ф. 30. Оп. 1. Д. 371.

24. НИАБ – Ф. 2162. Оп. 1. Д. 85.
25. НИАБ – Ф. 2162. Оп. 1. Д. 85.
26. НИАБ – Ф. 2162. Оп. 1. Д. 85.
27. НИАБ – Ф. 2504. Оп. 1. Д. 1975.
28. НИАБ Гродно – Ф. 30 Оп. 1. Д. 1066.
29. Свод сведений о финансовых результатах и главных оборотах по казенной продаже питей ... : Сост. по отчетам губ. и обл. акцизных управлений за 1910 год. – СПб.: Тип. Штаба Отд. Корп. Погран. Стражи, 1911. – разд. паг.

Поступила 13.05.2025

PROVINCIAL EXCISE OFFICES IN THE BELARUSIAN LANDS IN THE PERIOD 1897–1918

Y. VERATSILA

(Yanka Kupala State University of Grodno)

This article examines the reasons for the transition in the Russian Empire from the excise system to the wine monopoly at the end of the XIX century. In the process of the study the order of organization of state sale of beverages in the Belarusian lands was analyzed and the key areas of activity of provincial excise departments in the field of taxation of alcoholic beverages, including the production and sale of alcohol, were identified. The criteria of the quality standard of strong alcohol formed in the late XIX - early XX centuries are established.

The study characterizes the process of evacuation of provincial excise offices in the Belarusian lands on the eve of the First World War. The main factors that had a negative impact on the order of their realization are highlighted. Besides, the mechanism of liquidation of local institutions on administration of excise duties is considered and the characteristic of financial results of their activity is presented, which allowed to form a holistic picture of the system of indirect taxation of alcoholic beverages in the Belarusian lands at the end of the XIX - beginning of the XX centuries.

Keywords: excise duty, provincial excise offices, wine monopoly, state sale of beverages, state wine warehouses.

УДК 94(476)"18/19"+325.11(476)"18/19"+323.3:63-051

DOI 10.52928/2070-1608-2025-75-3-50-54

**РЭГУЛЯВАННЕ СЯЛЯНСКАГА ПЕРАСЯЛЕННЯ З БОКУ МЯСЦОВАЙ УЛАДЫ
Ў ПАЧАТКУ XX СТ. (НА ПРЫКЛАДЗЕ МІНСКАЙ ГУБЕРНІ)****канд. гіст. навук Г.А. СТРАЛЕНЯ****(Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск)****ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9689-1367>**

У ходзе рэформы мясцовага кіравання быў уведзены інстытут земскіх начальнікаў. Новыя органы кіравання атрымалі значныя паўнамоцтвы для ажыццяўлення ўлады ў вёсцы. У іх абавязкі ўваходзіў кантроль за сялянскім самакіраваннем, пазямельнае ўладкаванне, вырашэнне канфліктаў, якія пры гэтым узніклі. Асаблівасцю новага інстытута ўлады была наяўнасць судовых паўнамоцтваў. Кола абавязкаў земскіх начальнікаў пашыралася, што было звязана з сацыяльнымі і палітычнымі зменамі ў краіне. У сувязі з гэтым яны павінны былі кантраляваць і пытанні сялянскага перасялення. У артыкуле разглядаецца дзейнасць земскіх начальнікаў на рэгуляванні пытанняў перасялення сялян у іншыя рэгіёны Расійскай імперыі, адлюстравана трансфармацыя іх паўнамоцтваў у гэтай сферы, паказаны змены ў іх дзейнасці, звязаныя з сацыяльнымі і палітычнымі пераўтварэннямі.

Ключавыя словы: земскія начальнікі, адміністрацыйныя і судовыя ўстановы, беларускія губерні, сялянскае самакіраванне, сялянскае перасяленне, Сібір.

Уводзіны. У канцы XIX ст. у сістэме мясцовага кіравання Расійскай імперыі была праведзена чарговая рэформа, паводле якой быў уведзены новы інстытут улады – земскія начальнікі, якія павінны былі ажыццяўляць кантроль за органамі сялянскага самакіравання, рэгуляваць пазямельныя адносіны, а таксама выступалі ў якасці судовай інстанцыі. У беларускіх губернях пасада земскага начальніка была ўведзена ў пачатку XX ст. Важнае месца ў рабоце земскіх начальнікаў было адведзена правядзенню ўрадавай палітыкі ў сялянскім асяроддзі. Яны выступілі ў якасці ключавога звяна пры яе ажыццяўленні ў сельскай мясцовасці. Больш за тое, колькасць абавязкаў земскіх начальнікаў узрасла ў сувязі з ускладненнем урадавых задач у вёсцы. Да іх дадатковых функцый былі аднесены рэгуляванне сялянскага перасялення, рэалізацыя сталыпінскай аграрнай рэформы, падтрыманне спакою ў вёсцы ў перыяд абвастрэння сацыяльных канфліктаў.

Асноўная частка. Колькасць абавязкаў земскіх начальнікаў узрасла ў сувязі з пашырэннем сферы іх дзейнасці. Па прычыне актывізацыі імкнення сялян беларускіх губерняў да перасялення на слабазаселеныя землі Сібіры, на земскіх начальнікаў былі ўскладзены функцыі па рэгуляванні іх міграцыі. Міграцыі сельскага насельніцтва апошняй трэці XIX – пачатку XX ст. былі выкліканыя як эканамічнымі прычынамі, так і адыходам ад традыцыйных норм паводзін, разлажэннем патрыярхальнай сям’і, пранікненнем новых і больш шырокіх жыццёвых сцэнарыяў [1, с. 100].

Яшчэ да ўвядзення пасады земскіх начальнікаў на пасаджэнні Мінскай губернскай па сялянскіх справах прысутнасці 5 мая 1898 г. быў заслуханы даклад чыноўніка асобых даручэнняў Перасяленчага ўпраўлення Міністэрства ўнутраных спраў Д.Г. Разаліён-Сашальскага, камандзіраванага міністрам для азнаямлення са становішчам перасяленчай справы ў беларускіх губернях. Чыноўнік падкрэсліў, што асноўнай мэтай, якую пераследуе ўрад пры перасяленні ў Сібір, з’яўляецца засяленне свабодных абшараў гэтай тэрыторыі здольнымі да гэтага людзьмі без значных выдаткаў з боку дзяржавы [2, арк. 5]. Для дасягнення гэтай мэты неабходна імкнуцца, каб дазволы на перезд атрымалі сем’і, якія валодаюць грашовымі сродкамі і дастатковай колькасцю працоўных рук. Сялянскія ўлады павінны былі выдаваць пасведчанні для перасялення тым сялянам, якія з’яўляліся добрымі гаспадарамі і не мелі патрэбу ў неадкладнай урадавай дапамозе. У першую чаргу варта было звяртаць увагу на суадносіны працоўных рук да агульнай колькасці членаў сям’і [2, арк. 5].

Мясцовыя чыноўнікі павінны былі таксама тлумачыць сялянам, якія мелі намер з’ехаць у Сібір, што пасля перезда яны пазбаўляліся ўсіх правоў на долю ва ўчастку, а заключаныя імі арэндныя дагаворы становіліся несапраўднымі і ўчастак пераходзіць астатняй частцы сям’і. У выпадку вяртання на радзіму яны не мелі права прад’яўляць прэтэнзій [2, арк. 5-6]. Асабліва падкрэслівалася неабходнасць адказна падыходзіць да выдачы пасведчанняў і адпраўкі хадакоў у Сібір. Калі сялянін ужо быў у Сібіры, але так і не замацаваў за сабой участак, паўторнае прахадное пасведчанне выдавалася яму ў выключных выпадках [2, арк. 6]. Пры перасяленні мясцовым уладам неабходна было звяртаць увагу, што асобы сялянскага самакіравання не павінны былі перасяляцца да заканчэння іх тэрміну службы або звальнення ва ўстаноўленым парадку, а таксама не маглі атрымаць пасведчанне аб перасяленні і тыя сяляне, якія заключылі арэндныя кантракты і дагаворы па асабістым найме [2, арк. 6].

Сярод іншага, на земскіх начальнікаў быў ўскладзены збор звестак аб міграцыі сельскага насельніцтва і выдача прахадных пасведчанняў і пасведчанняў хадака. Сваё заключэнне па гэтым пытанні яны павінны былі накіроўваць у губернскую прысутнасць [3, арк. 61]. Земскія начальнікі давалі звесткі аб складзе і маёмасным становішчы сям’і, высвятлялі згоду бацькоў пры хадайніцтве неадасобленых сыноў. Напрыклад, з хадайніцтвам аб перасяленні звярнуўся сялянін Т. Касцючэнка, які належаў да Міхалкаўскай воласці Мазырскага павета.

Мінская губернская прысутнасць запытала ў земскага начальніка звесткі аб маёмасным становішчы селяніна. Земскі начальнік 2-га ўчастка Мазырскага павета пазначыў, што маёмасць селяніна, у тым ліку 16 дзесяцін зямлі, знаходзіцца ў сумесным валоданні з братамі Сцяпанам і Ігнатам. Селянін гэтай маёмасцю не карыстаўся і займаўся адыходнымі промысламі і больш за 10 гадоў не пражываў у Міхалкаўскай воласці [3, арк. 61].

Паўнамоцтвы земскіх начальнікаў у вывучаемай сферы змяняліся ў залежнасці ад дзяржаўнай палітыкі на дадзеным этапе і былі падкантрольнымі МУС і губернатарам. Неаднаразова мясцовыя органы ўлады атрымлівалі тлумачэнні і ўказанні па правядзенні перасяленчай палітыкі ў выглядзе цыркуляраў непасрэдна ад губернатара. У снежні 1901 г. Мінскі губернатар М.М. Трубяцкой накіраваў земскім начальнікам цыркуляр, у якім адзначыў, што паводле звестак МУС сталі распаўсюджанымі выпадкі самавольнага перасялення ў Прыамурскі край. Ён падкрэсліў, што ў 1902 г. ад Мінскай губерні можна дазволіць пасылку хадакоў не больш як ад 50 сем'яў і «можа быць пераселены дзясятка-другі сямействаў асабліва карысных рамеснікаў-саматужнікаў» [2, арк. 68]. М.М. Трубяцкой на падставе распараджэння МУС адзначыў, што земскія начальнікі «не павінны дазваляць уласнай воляй ні перасялення сем'яў, ні пасылку хадакоў» у Прыамурскі край [2, арк. 68]. У сувязі з гэтым іх паўнамоцтвы былі абмежаваны зборам звестак аб сем'ях, якія хадайнічалі аб перасяленні і адпраўкай інфармацыі ў губернскую прысутнасць. Пры гэтым неабходна было пазначыць, ці змогуць сем'і атрымаць за продаж сваёй маёмасці суму ў памеры ад 300 руб. На думку органаў улады таго перыяду, менавіта такая сума складала мінімальнае значэнне для набыцця маёмасці пасля перасялення. Акрамя таго, на выдаткі непасрэдна для пераезду адводзілася не менш за 20 руб. на кожнага члена сям'і, старэйшага за 20 гадоў, і не менш як 10 руб. на кожнага члена сям'і ад 2 да 10 гадоў. На дзяцей да 2 гадоў разлік сумы не патрабаваўся. Сярод карысных рамёстваў для замацавання на новым месцы былі адзначаны кавалі, слесары, сталары, бондары, цесляры, пільшчыкі, ганчары, шапавалы, шаўцы, гарбары, смалакуры, дзягцяры і інш. Звесткі аб занятках рамяством прадпісвалася старанна правяраць, паколькі сем'і, якія займаліся рамёствамі і промысламі, мелі пераважнае значэнне пры перасяленні нават у тым выпадку, калі іх маёмасць будзе ацэнена ў меншую суму, чым неабходна было для пераезду [2, арк. 68].

У выпадку, калі маёмасць сям'і ацэньвалася ў меншую суму і члены сям'і не займаліся рамёствамі або промысламі, мясцовыя ўлады часцей за ўсё адмаўлялі ў хадайніцтве аб перасяленні. Напрыклад, Мінская губернская прысутнасць у верасні 1902 г. разгледзела скаргу сялян Канстанціна і Мікалая Чарняўскіх на адмову земскага начальніка ў хадайніцтве перасяліцца ў Сібір. Канстанцін і яго жонка Ганна мелі 5 дзяцей, іх маёмасць была ацэнена ў 263 руб., у Мікалая і яго жонкі Феклы было адно дзіця, маёмасць была ацэнена ў 190 руб. Прысутнасць паставіла адмовіць Чарняўскім у перасяленні. Акрамя таго, было вырашана ўказаць земскаму начальніку на невыкананне цыркуляра губернатара ад 26 студзеня 1902 г., у якім адзначана, што «канчатковай мэтай з'яўляецца ўстанаўленне такога парадку, пры якім губернскай прысутнасці не даводзілася б разглядаць скаргі на дзеянні земскага начальніка па перасяленчай справе» [4, арк. 14–15]. Падкрэслівалася, што земскія начальнікі ў выпадку сумнення павінны прадстаўляць справу на разгляд губернскай прысутнасці толькі са сваім заключэннем, але не прымаць рашэнне асабіста [4, арк. 14–15].

Важным аспектам пры зборы звестак была і адсутнасць судзімасцяў у тых, хто хадайнічаў аб перасяленні. У прыватнасці, селянін Вайханскай воласці Рыгор Сцяпанавіч звярнуўся да земскага начальніка з просьбай выдаць яму пасведчанне хадака, каб выбраць участак зямлі ў Сібіры. Земскі начальнік прыйшоў да рашэння выдаць пасведчанне, паколькі селянін не быў судзімы, не знаходзіўся пад следствам, валодаў гаспадаркай і мог атрымаць за продаж маёмасці 570 руб. [5, арк. 3–4].

Згодна з цыркулярам МУС ад 1897 г. быў устаноўлены парадак дзеянняў пры перасяленні. Меркавалася, што сяляне спачатку атрымліваюць пасведчанне хадака, што дае ім магчымасць азнаёміцца з умовамі жыцця, побыту і клімату на новых тэрыторыях і замацаваць за сабой участак. Пасля таго, як селянін замацуе за сабой у мясцовага начальніка зямлю на ўчастак і вернецца на радзіму, трэба было выдаць яму прахадное пасведчанне для пераезду. Падобнай паслядоўнасці дзеянняў надавалася асабліва ўвага, каб пазбегнуць выпадкаў збыднення сялян. У прыватнасці, чыноўнік асобых даручэнняў пры Перасяленчым упраўленні МУС 25 кастрычніка 1902 г. накіраваў Мінскаму губернатару рапарт, у якім паведамляў аб парушэннях у рабоце земскага начальніка 4-га ўчастка Бабруйскага павета па выдачы прахадных пасведчанняў. Ён далажыў, што земскі начальнік выдаў Даніілу Кавальчуку і Сцяпану Севярыну прахадныя пасведчанні, нягледзячы на тое, што яны не атрымлівалі пасведчанні хадака. Чыноўнік указваў на неабходнасць разабрацца ў гэтай справе і растлумачыць земскім начальнікам парадак дзеянняў [6, арк. 6]. Земскі начальнік заявіў, што не парушаў правілаў выдачы пасведчанняў, паколькі сялянін Данііл Кавальчук атрымаў неабходнае пасведчанне і замацаваў за сабой і двума членамі сям'і зямельныя ўчасткі ў Пакроўскай воласці. Па прычыне таго, што ў пасведчанні не было канкрэтных імёнаў, земскі начальнік выдаў прахадныя дакументы ягоным сваякам А. Кавальчуку і С. Севярыну. Сялянскі начальнік адмовіў замацаваць участкі за сваякамі, бо першапачаткова Д. Кавальчук залічыў зямельныя долі ва ўчастку за сваім сынам і родным братам Я. Кавальчуком, які адмовіўся перасяліцца. Земскі начальнік, у сваю чаргу, наракаў на памылку ў дзеяннях Ачынскага сялянскага начальніка [6, арк. 2–3]. На пасяджэнні Мінскай губернскай прысутнасці ў красавіку 1903 г. было прынята рашэнне ўказаць земскаму начальніку на памылкі пры выдачы прахадных дакументаў, паколькі ён не звярнуўся да справаводства і не навеў даведкі аб складзе сям'і Кавальчука [6, арк. 13].

У сувязі з тым, што падобныя сітуацыі адбываліся неаднаразова, у павятовыя з'езды і земскім начальнікам Мінскай губерні быў накіраваны цыркуляр ад 15 кастрычніка 1903 г. за подпісам віцэ-губернатара А.М. Вельмінава, у якім падкрэслівалася неабходнасць больш дэталёвага збору звестак аб перасяленцах. У прыватнасці, было адзначана, што земскія начальнікі павінны звяртаць ўвагу: ці хадайнічае аб перасяленні гаспадар асобнай

сям'і і ці згодны на перасяленне члены сям'і, якія ўжо дасягнулі паўналецця. У выпадку, калі рашэнне аб пераездзе прыняла толькі частка сям'і, земскім начальнікам неабходна было падрабязна апісаць склад сям'і, паказаць, хто канкрэтна прыняў рашэнне аб перасяленні, а хто вырашыў застацца, і апісаць маёмаснае становішча кожнага. Звесткі аб складзе і маёмасці той часткі сям'і, якая жыве асобна і вядзе ўласную гаспадарку, у дакументы не ўносіліся. Пры хадайніцтве аб перасяленні неадасобленых сыноў неабходна было пазначыць ці далі сваю згоду бацькі на іх пераезд. У цыркуляры падкрэслівалася неабходнасць пазначыць, ці зможа астатняя частка сям'і, у выпадку пераезду некаторых яе членаў, уласнымі сіламі весці гаспадарку і ці дастаткова на гэта сродкаў. Акрамя вышэйпералічаных звестак, кіраўніцтва губерняй загадвала земскім начальнікам адзначыць у выпадку хадайніцтва аб перасяленні на Каўказ веравызнанне, мову і здольнасці да апрацоўкі зямлі “з-пад лесу”, агародніцтва або садоўніцтва [2, арк. 210]. Пры хадайніцтве аб перасяленні ў Прыамурскі край неабходна было ўдакладніць: ці займаліся сем'і, якія вырашылі перасяліцца, рамёствамі і промысламі, у прыватнасці: кавальскім, слясарным, дахавым, бандарным, сталярным, цяслярным, шавецкім і інш. [2, арк. 210].

Асаблівую ўвагу пры выдачы пасведчанняў неабходна было надаваць «самавольцам», паколькі ўрад не заахочваў спробы самавольнага перасялення сялян [7, с. 52]. Паказальным з'яўляецца прыклад селяніна Ігуменскага павета В.У. Кавалевіча, які звярнуўся да Мінскага губернатара ў 1902 г. з просьбай аб выдачы яму прахаднога пасведчання для перасялення ў Томскую губерню [3, арк. 68]. Да гэтага ён ужо звяртаўся з аналагічнай просьбай у 1899 г. і атрымаў адмову з-за адсутнасці дастатковых сродкаў для перасялення. Тым не менш селянін, атрымаўшы пашпарт, адправіўся на заробкі ў Сібір самавольна, дзе і застаўся пражываць. Земскі начальнік 1-га ўчастка Ігуменскага павета Мінскай губерні ўказаў у сваім заключэнні, што не лічыць неабходным выдаваць селяніну прахадное пасведчанне, паколькі ён хацеў узаконіць сваё перасяленне. Мінская губернская прысутнасць не выдала В.У. Кавалевічу прахадное пасведчанне. Селянін павінен быў звярнуцца з хадайніцтвам аб узаконенні яго месца жыхарства ў Томскай губерні да мясцовага сялянскага начальніка [3, арк. 70].

Пытанні самавольнага перасялення сялян былі на асаблівым кантролі Міністэрства ўнутраных спраў, якое выступала супраць спроб сялян узаконіць змену месца жыхарства. У сувязі з гэтым земскія начальнікі атрымлівалі распараджэнні аб недапушчальнасці выдачы пасведчанняў незаконным перасяленцам. Напрыклад, чыноўнік спецыяльных даручэнняў пры Перасяленчым упраўленні, загадчык перасяленчай справы ў г. Томску, накіраваў земскаму начальніку 1-га ўчастка Барысаўскага павета прашэнне аб выдачы прахаднога пасведчання селяніну В.Ф. Кнюку. Земскі начальнік у сваім заключэнні на адрас Мінскай губернскай прысутнасці ў 1902 г. указаў, што селянін перасяліўся «самавольна з сям'ёй у складзе 3 мужчынскіх і 3 жаночых душ» [8, арк. 48]. Пры гэтым маёмасць сям'і ў Барысаўскім павеце была распараджана перад пераездам. Пасля перасялення ў Томскую губерню сям'я абзавялася гаспадаркай. Земскі начальнік адзначыў, што выдаць пасведчанне немагчыма, паколькі гэта супярэчыць патрабаванням МУС, дзе паказана, што «выпіска прахадных пасведчанняў ці пасведчанняў хадака сялянам, якія перасяліліся ў Сібір без усталёванага дазволу, не дапускаецца па ўласных іх хадайніцтвах». Губернская прысутнасць паставіла выдаць В.Ф. Кнюку валасным старшыней толькі звальняльнае пасведчанне на перасяленне [8, арк. 49].

Існавалі і распараджэнні на выпадак вяртання сялян з Сібіры. У падобнай сітуацыі мясцовыя службовыя асобы павінны былі прасачыць, каб сялянскія сем'і, якія вярнуліся на радзіму, былі прыняты ў сельскую грамаду ва ўсталёваным парадку. Напрыклад, Перасяленчае ўпраўленне МУС накіравала Мінскаму губернатару апавяшчэнне, у якім прызнала магчымым дазволіць селяніну Фёдару Вязовічу, які вярнуўся ў Плешчаніцкую воласць, Барысаўскага павета быць прыпісаным па месцы вяртання [8, арк. 55]. Земскі начальнік 6-га участка Барысаўскага павета ад 6 лістапада 1902 г. накіраваў у губернскую прысутнасць прадстаўленне, у якім адзначыў, што селянін Фёдар Вязовіч паводле прысуду сельскага сходу Плешчаніцкай воласці ад 2 студзеня 1902 г. быў у яе прыняты і пералічаны Казёнай Палатай [8, арк. 57].

Згодна са статыстычнымі звесткамі Мінскай губернскай прысутнасці аб перасяленчым руху за перыяд са студзеня 1902 г. па студзень 1903 г. найбольшая колькасць сем'яў, якія хацелі перасяліцца ў Сібір, была ў Барысаўскім, Рэчыцкім і Ігуменскім паветах. У Барысаўскім павеце дазвол на перасяленне атрымалі 674 сям'і, у Рэчыці — 345, а ў Ігуменскім — 181 [9, арк. 2–10]. Аднак «Часовыя правілы аб добраахвотным перасяленні сельскіх абывацеляў і мяшчан-земляробаў на казённых землях» ад 6 чэрвеня 1904 г. ўносілі змены ў парадак выдачы пасведчанняў для перасялення [10, с. 603]. Згодна з Часовымі правіламі сяляне-перасяленцы атрымалі льготы, у тым ліку вызваленне ад казённых і мірскіх збораў тэрмінам на пяць гадоў, ільготны тарыф для праезду на чыгуначным транспарце, адтэрміноўку ад воінскай павіннасці тэрмінам на тры гады. Асноўнай умовай для перасялення сялян з'яўлялася толькі адпраўка хадакоў для замацавання за імі зямельнага ўчастка незалежна ад іх маёмаснага становішча [10, с. 603–607].

Неабходна адзначыць, што асаблівую ролю ў рэалізацыі мерапрыемстваў па перасяленні сялян у Сібір выконвала тлумачальная праца. Напрыклад, земскі начальнік І.А. Струкоўскі ў 1907 г. выпусціў кнігу «Кніжка для сялян аб тым, як па-сапраўднаму трэба перасяліцца ў Сібір» [11, с. 127]. І.А. Струкоўскі даваў парады сялянам-хадакам, якім чынам неабходна замацоўваць за сабой участак, паводзіць сябе пасля вяртання з Сібіры і канчаткова перасяліцца на новае месца. Земскі начальнік для ўзмацнення эфекту апісваў жыццё сялян пасля перасялення, як «усе будучы жыццё ў згодзе, дружна і весела, адной вялікай сям'ёй, светам, грамадствам» [11, с. 128].

Заключэнне. Такім чынам, трэба адзначыць, што пытанні сялянскай міграцыі знаходзіліся на асаблівым кантролі Міністэрства ўнутраных спраў і губернатараў. У сувязі з гэтым на земскіх начальнікаў, як на асноўных

праваднікоў урадавай палітыкі ў вёсцы, былі ўскладзены дадатковыя паўнамоцтвы па кантролі і наглядзе за перасяленнем сялян на малазаселеныя тэрыторыі Расійскай імперыі. Паўнамоцтвы земскіх начальнікаў прайшлі трансфармацыю і былі абмежаваныя зборам падрабязных звестак і перадачай іх для прыняцця рашэнняў у губернскую прысутнасць. Акрамя таго, мясцовыя органы ўлады павінны былі дэталёва растлумачваць сялянам наступствы прынятага рашэння аб перасяленні, а таксама не дапускаць у сувязі з гэтым працэсаў маргіналізацыі вёскі. Нягледзячы на ўведзеныя абмежаванні па выдачы дазваляў на перасяленне, земскім начальнікам адводзілася адна з ключавых роляў у гэтым напрамку ўрадавай палітыкі.

ЛІТАРАТУРА

1. Каханоўскі А.Г. Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.). – Мінск: Беларус. дзярж. ун-т, 2013. – 333 с.
2. Циркуляры минского губернатора уездным земским начальникам и исправникам об усилении надзора и доставлении сведений о переселенцах и их семьях для разрешения ходатайств о переселении и о неповиновении крестьян помещикам // НГАБ. – Ф. 1595. Воп. 1. Спр. 166.
3. Переписка с земскими начальниками Минской губернии по ходатайствам крестьян о переселении в Сибирь. Посемейные списки крестьян // НГАБ. – Ф. 1595. Воп. 1. Спр. 176.
4. Дело по жалобе крестьян дер. Дубровка Остришицко-Городецкой волости Минского уезда Чернявских на отказ земского начальника 2 участка Минского уезда разрешить им переселиться в Сибирь // НГАБ. – Ф. 1595. Воп. 1. Спр. 255.
5. Дело по прошению крестьянина Войханской волости деревни Попцы Григория Степанова о выдаче ему удостоверения о семейном и имущественном положении // НГАБ. – Ф. 2714. Воп. 1. Спр. 6.
6. Дело по сообщению чиновника особых поручений при переселенческом управлении о неправильных действиях земского начальника 4 участка Бобруйского уезда по выдаче проходных свидетельств в Сибирь крестьянам Даниилу Ковальчуку и Степану Северину // НГАБ. – Ф. 1595. Воп. 1. Спр. 183.
7. Верещагин П.Д. Крестьянские переселения из Белоруссии: вторая половина XIX века. – Минск: Изд-во Белорус. гос. ун-та, 1978. – 144 с.
8. Дело по ходатайству крестьян и дворян о переселении их в Сибирь на казенные земли // НГАБ. – Ф. 1595. Воп. 1. Спр. 173.
9. Сведения о размере переселенческого движения по Минской губернии за 1901-1903 гг. // НГАБ. – Ф. 1595. Воп. 1. Спр. 120.
10. Высочайше утвержденные Временные правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан земледельцев на казенные земли: 6 июня 1904 г., № 24701 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3: в 33 т. – СПб., 1907. – Т. 14. – С. 603–607.
11. Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. – 588 с.

Паступіў 04.03.2025

РЕГУЛИРОВАНИЕ КРЕСТЬЯНСКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ СО СТОРОНЫ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ В НАЧАЛЕ XX В. (НА ПРИМЕРЕ МИНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

канд. ист. наук А.А. СТРАЛЕНЯ
(Белорусский государственный университет, Минск)

В ходе реформы местного управления был введен институт земских начальников. Новые органы управления получили значительные полномочия для осуществления власти в деревне. В их полномочия входил контроль за крестьянским самоуправлением, поземельное урегулирование, решение возникавших при этом конфликтов. Особенностью нового института власти было наличие судебных полномочий. Круг обязанностей земских начальников расширялся, что было связано с социальными и политическими изменениями в стране. В этой связи они должны были контролировать и вопросы крестьянского переселения. В статье рассматривается деятельность земских начальников по регулированию вопросов переселения крестьян в другие регионы Российской империи, отражена трансформация их полномочий в этой сфере, показаны изменения в их деятельности, связанные с социальными и политическими преобразованиями.

Ключевые слова: земские начальники, административные и судебные учреждения, белорусские губернии, крестьянское самоуправление, крестьянское переселение, Сибирь.

**REGULATION OF PEASANT RESETTLEMENT BY LOCAL AUTHORITIES
IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY (BASED ON THE EXAMPLE OF MINSK PROVINCE)**

H. STRALENIA
(Belarusian State University, Minsk)

During the reform of local government, the institution of district captains was introduced. The new authorities received significant powers to exercise power in the village. Their powers included control over peasant self-government, land regulation, and resolution of conflicts that arose. A feature of the new institution of power was the presence of judicial powers. The range of responsibilities of district captains expanded, which was associated with social and political changes in the country. In this regard, they had to regulate issues of peasant resettlement. The article examines the activities of district captains in regulating issues of peasant resettlement to other regions of the Russian Empire, reflects the transformation of their powers in this area, and shows changes in their activities associated with social and political transformations.

Keywords: *district captains, administrative and judicial institutions, Belarusian provinces, peasant self-government, peasant migration, Siberian.*

УДК 286.3

DOI 10.52928/2070-1608-2025-75-3-55-59

**ЦЕРКОВЬ ХРИСТИАН АДВЕНТИСТОВ СЕДЬМОГО ДНЯ
НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (1906-1991 ГГ.): ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ****О.В. ГАБРУСЕВИЧ***(Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова)*

Статья посвящена анализу историографии церкви христиан Адвентистов седьмого дня на территории Беларуси в 1906–1991 гг. Выделены ключевые хронологические этапы историографии (дореволюционный, советский и современный), дана их сущностная характеристика. Сделан вывод о том, что имеющиеся в историографии сведения по истории адвентизма в Беларуси фрагментарны, что делает актуальными специальные исследования.

Ключевые слова: Беларусь, религия, конфессия, протестантизм, религиозная община, Адвентисты седьмого дня, атеистическая идеология.

Введение. Церковь христиан Адвентистов седьмого дня (далее – АСД) на территории Беларуси имеет более чем столетнюю историю. Первые общины здесь появились еще в начале прошлого века, когда наши земли являлись частью Российской империи. Впоследствии АСД вместе с другими конфессиями пережила непростой советский период и добилась заметных успехов с его окончанием. На начало 2024 г. в Беларуси насчитывается 73 общины АСД (5-е место среди всех конфессий). В наши дни отмечается рост интереса к истории позднего протестантизма вообще и адвентизма, в частности. Первым шагом к системному и более глубокому изучению истории белорусского адвентизма является анализ имеющейся историографии. Он позволит как оценить наработки по исследуемой теме, так и выявить белые пятна, наметить новые исследовательские пути. Цель нашей статьи – общая характеристика историографии по истории белорусского адвентизма периода 1906–1991 гг.

Основная часть. В 1906 г. российское правительство пришло к выводу, что адвентистское учение схоже с баптизмом, и наделило его последователей правами верующих «терпимых» инославных исповеданий: католичества, лютеранства и т.д. Всплеск миссионерской активности адвентистов после издания 17 апреля 1905 г. указа о веротерпимости и признания адвентизма в 1906 г. не мог остаться незамеченным. Для широкой общественности АСД по-прежнему была новой, едва знакомой «сектой», что делало актуальным её непредыдвоенное изучение.

Первой серьезной дореволюционной работой об адвентизме в Российской империи стала публикация чиновника Департамента духовных дел МВД С.Д. Бондаря «Адвентизм 7-го дня», изданная в 1911 г. [1]. Закономерно, что её редактором стал А.Н. Харузин – директор Департамента духовных дел и начальник С.Д. Бондаря. Фактически труд С.Д. Бондаря – обстоятельный служебный отчет специалиста в области «сект», что делает его ценным историческим источником. В то же время идеологическая нейтральность, стремление автора системно изложить вероучение и определить организационную структуру адвентизма, выявить факторы его успешного распространения, позволяют отнести издание к полноценным исследованиям. «Адвентизм 7-го дня» снабжен научно-справочным аппаратом из 146 ссылок (суммарно, число источников меньше), причем ведущее место среди них занимают публикации адвентистов. С.Д. Бондарь пришел к выводу, что успехи АСД обусловлены четкой и выверенной, но, при необходимости, гибко изменяющейся организационно-управленческой структурой, главная цель которой – активное миссионерство. Автор отмечает и значительную помощь братьев по вере из Германии, Англии, США. Расходы за 1909 г. т.н. Российского унияна, куда входила большая часть европейской территории России (включая и белорусско-литовские губернии), составили более 43 тыс. рублей, причем 13 тыс. из них планировалось покрыть за счет зарубежной помощи. К сожалению, в работе С.Д. Бондаря отсутствуют сведения о первых адвентистах Беларуси, лишь констатируется деятельность т.н. Западнороссийского поля – одного из подразделений Российского унияна, в которое входили губернии Привисленского края, Ковенская, Гродненская, Виленская, Минская и Волынская губернии. По данным на 31 марта 1911 г. общее число общин в данном регионе – 13, верующих – 257.

Значительное внимание изучению АСД уделяло и православное духовенство. Однако для его представителей история адвентизма являлась вторичной, главная задача виделась в богословско-догматической защите православия. Такова, например, брошюра киевского епархиального наблюдателя и миссионера Н.А. Белогорского [2].

Для исследования дореволюционного этапа в истории АСД особое значение имеет книга лидера российских и советских адвентистов, председателя Всероссийского Совета Адвентистов Седьмого Дня (ВСАСД) Генриха Лебсака «Великое адвентистское движение и адвентисты седьмого дня в России» [3]. Она была завершена в 1918 г. на немецком языке, а 2 года спустя переведена на русский. В нашей статье мы используем современное русскоязычное переиздание 2006 г. [3]. Г. Лебсак изложил общероссийскую историю адвентизма. Как и работу С.Д. Бондаря, книгу Г. Лебсака можно считать источником, в то же время, она – первый пример церковной историографии собственно адвентистов.

Первые годы советской власти стали своего рода «золотым веком» для всех направлений позднего протестантизма, в том числе и АСД. Ограничения царского режима были сняты, новое правительство относилось к верующим с умеренной лояльностью. Лидеры протестантов надеялись на гармоничное сотрудничество с большевиками, причем не совсем беспочвенно: например, сельские общины адвентистов весьма успешно проявили

себя в сельхозкооперации. Однако с конца 20-х гг. советская политика в отношении религии резко ужесточается, правительство берет курс на решительное построение атеистического государства. В 30-е гг. СССР является единственной в мире социалистической страной, окруженной могущественными капиталистическими соседями на положении своего рода «осадного лагеря». В партийных, руководящих органах и широкой общественности нагнетается атмосфера подозрительности, поощряется поиск «шпионов», «врагов народа». Позднепротестантские конфессии из потенциальных союзников или, по крайней мере, терпимых властью общественно-религиозных объединений превращаются в её злейших врагов. Соответствующую тональность приобретают и работы историков, философов-религиоведов о «сектантах». В это время их обвиняют в служении (осознанном или неосознанном) интересам мирового капитала, подрывной деятельности против социалистического строительства. Всячески подчеркивается западное происхождение позднепротестантских конфессий. Например, в откровенно пропагандистских работах Н. Болдырева и Ю. Майского их последователей называют «замаскированными религией капиталистическими отрядами», «сектантскими братцами, занимавшимися в СССР вкупе с троцкистско-бухаринскими бандами шпионажем в пользу фашистских разведок» [4, с. 47; 5, с. 21]. Автором крупнейшего труда о «сектантах» (почти 500 страниц) в эту эпоху являлся Ф.М. Путинцев – главный теоретик сталинского «сектоведения». Его книга носила многозначительное название «Политическая роль и тактика сект» [6]. Протестантские организации Ф.М. Путинцев называл «политической агентурой и военно-шпионскими организациями буржуазии». Не избежал крайне тенденциозной оценки адвентизма и начинающий ленинградский религиовед А.И. Клибанов в своей скромной брошюре 1931 г. «Адвентисты» [7].

В то же время отдельные публикации данного периода содержат ценные сведения по истории белорусского адвентизма. Такова брошюра Д. Хайтуна и П. Капаевича «Сучаснае сектанцтва на Беларусі» [8]. В соответствии с духом времени авторы отмечают, что в условиях классовой борьбы в ряды протестантов шли враги советской власти. Популярность позднепротестантских конфессий ими объясняется, в том числе, «слабостью проводимой политико-просветительской работы». Тем не менее, Д. Хайтун и П. Капаевич признают, что одна из причин успеха «сектантства» – в хорошей организации «религиозной агитации и пропаганды» [8, с. 41–42]. Брошюра также содержит статистические сведения об адвентистах БССР на конец 20-х гг. и упоминает минского пастора Ф.Н. Куземко [8, с. 14].

В послевоенное время исследование адвентизма продолжилось в рамках марксистско-ленинской научно-философской парадигмы. Философы-религиоведы по-прежнему характеризовали позднепротестантские конфессии как реакционные религиозные организации, чье влияние на жизнь общества по мере достижения успехов в построении коммунизма (развитого социализма в брежневскую эпоху) будет неуклонно снижаться. Тем не менее, временами советским исследователям приходилось признавать не слишком приятные факты. Например, автор монографии «Адвентизм», кандидат философских наук А.В. Белов, по понятным причинам ни слова не говоря о репрессиях против религиозных деятелей, констатирует, что к концу 30-х гг. АСД в СССР была близка к исчезновению – в силу «социалистических преобразований в городе и деревне», «вместе с ростом сознательности масс» [9, с. 60–61]. Далее он отмечает рост адвентистского движения в годы ВОВ, что объясняет закономерными трудностями – как материальными, так и психологическими. По данным А.В. Белова, в 1959 г., когда экономика уже восстановилась и значительно превысила довоенные показатели, в СССР насчитывалось 21 тыс. адвентистов, в 1964 г. – 21,5 тысяч [9, с. 61–62]. Заметим, речь про Хрущевскую Оттепель – эпоху светлую, оптимистическую, связанную с прорывными достижениями в области науки, техники, образования и культуры. В это время вырос и материальный уровень жизни советских граждан. Казалось, были созданы все условия для ухода в небытие религии вообще и «сектантства», в частности. Однако статистика, напротив, демонстрировала удивительную стабильность «реакционного элемента».

Среди советских исследователей «сектантства» ярко выделяется фигура уже упоминавшегося выше религиоведа, философа и историка религии Александра Ильича Клибанова (1910–1994). В своем научном творчестве он прошел путь от резких, по-юношески максималистских оценок первых публикаций 30-х гг. до взвешенных, серьезных исследований, основанных на большом фактологическом и эмпирическом материале. Именно такова, например, монография «История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в. – 1917 г.)» (1965) [10]. А.И. Клибанов весьма убедительно на обширном фактическом материале доказывал, что капиталистическая трансформация деревни и обеднение значительной части крестьян – ключевая предпосылка их увлечения адвентизмом с его эсхатологическим и хилиастическим компонентами. Впрочем, следует подчеркнуть, что А.И. Клибанов опирался исключительно на марксистско-ленинскую методологию и, несомненно, верил в её безошибочность. Это объективно сужало его исследовательскую оптику, но иное в то время было трудно представить.

Сведения о белорусских адвентистах в работах А.И. Клибанова и современных ему религиоведов и историков отсутствуют, что вполне объяснимо: соответствующая исследовательская задача не ставилась, да и негативные оценки «сектантства» мало способствовали проведению детальных и объективных исследований. Перелом намечался в связи с перестройкой, гласностью и признанием заметной роли религии в жизни общества, что проявилось в 1000-летию празднования крещения Руси и др. В это время в БССР выходят кандидатские диссертации С.А. Мышепуда «Современный адвентизм и его влияние на быт верующих» (1989) и А.В. Верещагиной (1988) «Религиозное сектанство и его отрицательное влияние на быт и культуру верующих» [11; 12]. Однако, как видно из названий диссертаций, догматическая установка «религия – опиум для народа» и пропаганда научного атеизма в это время все еще оставались актуальными. Они определяли как тональность исследований, так

и «программировали» их результаты – по крайней мере, в отношении «сектантов». С.А. Мышепуд называет вероучение адвентистов ложным и находит в их семейной и общественной жизни элементы, явно противоречащие советской идеологии. Например, адвентисты конца советской эпохи в целом негативно относились к новациям и прогрессу, не стремились к значительным профессиональным достижениям («все это – суэта и томление духа»), хотя в этой сфере и наблюдались определенные изменения [11, с. 141–145]. В то же время автор отмечает сплоченность адвентистских общин и активную разнообразную миссионерскую деятельность, которая способствует численному росту адвентизма, в том числе, за счет молодежи. Отмечает исследователь и посещение белорусских адвентистов миссионерами из Канады, США и других капиталистических стран [11, с. 145].

Диссертация А.В. Верещагиной схожа по тональности и рассматривает тот же круг вопросов, только уже на более широком «сектантском» материале.

Освобождение гуманитарных наук от марксистско-ленинского догматизма в постсоветскую эпоху способствовало дальнейшему росту интереса к истории адвентизма и плодотворным изысканиям в данном направлении. Закономерно, что значительную часть исследований составляют труды самих адвентистов, в т.ч., издания работ советской эпохи. Еще в 1993 г. был издан труд адвентистского служителя В.В. Теппоне «Из истории Церкви адвентистов седьмого дня в России» [13]. Книга также выполняет функцию источника, так как содержит документальные материалы по истории российского и белорусского адвентизма. Девятью годами позже выходит 2-томное исследование Д.О. Юнака «История церкви адвентистов седьмого дня в России» [14]. Оно во многом основано на личных воспоминаниях и является одновременно источником по истории АСД. Выверенным и научным по стилю изложения является учебник по истории адвентизма в России адвентистского исследователя, кандидата богословия Е.В. Зайцева [15]. К числу явных плюсов издания следует отнести живость и увлекательность изложения. Коллективный труд Д. Хайнца, А.А. Опарина, Д.О. Юнака и А. Пешелиса «Души под жертвенником» рассказывает о судьбах репрессированных адвентистов в советский и дореволюционный периоды. На страницах книги встречаются биографии служителей, которые в разные годы совершали служение на территории Беларуси [16]. В украинской постсоветской историографии весьма информативна книга Н.А. Жукалюка «Вспоминайте наставников ваших (История Церкви Адвентистов седьмого дня в личностях)» [17].

Немного позднее к истории адвентизма обратились светские российские исследователи. Необходимо отметить работу советского и российского религиоведа, доктора философских наук А.Ю. Григоренко «Эсхатология, миллениаризм, адвентизм: история и современность» (2004) [18]. В обозначенном труде А.Ю. Григоренко исследует вопросы зарождения адвентизма, пути его становления в начале XX века, трудности и испытания, пережитые адвентистами до и после Второй мировой войны. Особое внимание в книге уделяется советской антирелигиозной политике в отношении адвентистов. Из относительно недавних работ фундаментальной является монография доктора исторических наук М.И. Одинцова «Живущие надеждой. Церковь христиан-адвентистов седьмого дня в России. 1886 – 1991 гг.: История и люди, факты и события, уроки и новые возможности» [19]. Исследование выполнено на основе большого числа архивных источников, многие из которых вводятся в научный оборот впервые. Сильной стороной монографии является рассмотрение истории адвентизма в общероссийском и общесоветском историческом контексте, что позволило автору представить АСД как элемент сложной и противоречивой системы государственно-конфессиональных отношений. М.И. Одинцов не упустил из виду и антропологический компонент, осознавая, что Церковь – не нечто механистическое, а совокупность верующих с индивидуальными, нередко непростыми, судьбами. По объективным причинам в абсолютном большинстве вышеупомянутых работ отсутствуют сведения по истории белорусского адвентизма.

В нашей Республике с обретением независимости также резко возрос интерес к истории религии. История АСД в трудах белорусских историков и философов-религиоведов обычно возникает лишь как небольшой сюжет, как незначительная часть более широких тем: конфессиональной истории в дореволюционную, советскую и постсоветскую эпохи. Одним из первых импульсов для дальнейших исследований послужила коллективная работа 1998 г. «Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – XX ст.)» под редакцией профессора, доктора исторических наук В.И. Новицкого [20]. Данное издание содержит базовые сведения по истории позднепротестантских конфессий, их взаимодействию с государством на разных этапах.

Более детально история АСД на западнобелорусских землях в составе Польши (1921–1939) и в послевоенной БССР (1944–1985) отражена в диссертациях, соответственно, Т.В. Лисовской и Н.Г. Болтрушевич. Оба исследования посвящены позднепротестантским организациям, среди которых ведущую роль играли евангельские христиане-баптисты и пятидесятники, поэтому адвентисты все равно остаются немного «на задворках», не в фокусе внимания. Т.В. Лисовская анализирует непростые, противоречивые отношения позднепротестантских религиозных организаций Западной Беларуси с польским правительством в 1921–1939 гг. Для исследования довоенной истории адвентизма работа Т.В. Лисовской является хорошим фактологическим и теоретическим подспорьем. Именно западнобелорусские земли стали «колыбелью» белорусского адвентизма. В 1902 г. первая в белорусско-литовских губерниях адвентистская община образовалась в г. Вильно, откуда затем адвентизм распространился южнее, на земли Гродненщины и Брестчины [21, с. 30]. Несмотря на то, что политика польского правительства была направлена на сдерживание роста позднепротестантских церквей, АСД численно выросла с 29 верующих в 1922 г. до 648 в 1936 г. [21, с. 133]. В 2021 г. на основе защищенной диссертации была издана монография [22].

В свою очередь, Н.Г. Болтрушевич отмечает сохранение ведущей роли западнобелорусского региона в послевоенной истории АСД. С 1950 по 1965 г. число общин и верующих оставалось стабильным. В 1965 г. 4 общины действовали в Брестской области и 1 в Гродненской с общей численностью 355 верующих. В последующие два десятилетия отмечается заметный рост: к 1985 г. были зарегистрированы уже 10 общин и 541 верующий, из них 6 общин в Брестской области (374 верующих) и по одной в Гродненской, Витебской, Гомельской и Минской областях. Таким образом, 75% верующих проживали в Брестской и Гродненской областях, причем в Брестской – более половины [23, с. 140].

Особого внимания заслуживают работы видных белорусских религиоведов, затрагивающих в своих научных изысканиях историю АСД в Беларуси. Одним из наиболее объективных и компетентных исследователей в данной области является В.В. Старостенко, кандидат философских наук, доцент кафедры философии МГУ имени А.А. Кулешова. Наибольший интерес представляет его монография «Религия и свобода совести в Беларуси: очерки истории». Эта работа важна не только в связи с тем, что в ней освещаются вопросы, связанные с историей и современностью религиозных конфессий, как в Беларуси, так и в мировом пространстве, но также благодаря своему информативному приложению, где представлены разнообразные статистические данные в виде таблиц, графиков и схем. Дополнительные материалы, содержащиеся в качестве приложения к книге, включают богатый список источников по религиоведению, наглядно демонстрирующий динамику развития конфессиональных процессов в Республике Беларусь [24]. Здесь же можно вспомнить труд В.В. Старостенко «История религии и свободы совести в Беларуси в документах и материалах». Автором было подготовлено и издано пять частей сборников документальных материалов, расположенных в хронологической последовательности, начиная от Древней Руси и первого восточнославянского государственного образования – Киевской Руси и заканчивая 1991 г., подписанием соглашения о роспуске СССР. По истории адвентизма в контексте религиозной политики важны три последних части, охватывающих период от царской России до распада Советского Союза.

Заметным событием в современной белорусской историографии позднего протестантизма стал выход в 2019 г. коллективного труда В.И. Новицкого, Л.С. Ивановой, Н.Г. Болтрушевич, С.С. Поднюка – «Евангельскія хрысціане ў Беларусі: пяць стагоддзяў гісторыі (1517–2017 гг.)». Книга содержит ценные сведения по истории белорусского адвентизма [25].

Важную роль в изучении истории церкви христиан Адвентистов седьмого дня в Беларуси играют польские исследования в силу вышеупомянутой ведущей роли западнобелорусских земель в довоенный период. Особый интерес представляет магистерская диссертация Евы Заборовской (Ewa Zaborowska), посвященная истории адвентизма в Белостокской области, «Historia Kościoła Adwentistów Dnia Siódmego na Białostocczyźnie» [26]. Данное исследование затрагивает историю адвентистских общин Гродненской области в межвоенный период.

Интересной находкой в процессе работы над статьей стала книга Марека Вальтера (Marek Walter) «История Церкви Адвентистов Седьмого Дня в Восточных Землях Польши в 1888–1945 гг.» («Dzieje Kościoła adwentistów dnia siódmego na Kresach Wschodnich w latach 1888–1945») [27]. М. Вальтер, польский историк, обращается в своей книге, помимо польских источников по истории адвентизма, ещё и к немецким архивам, хранящимся в адвентистской богословской семинарии города Фриденсау (Theologische Hochschule Friedensau). Его книга примечательна тем, что содержит описание истории восемнадцати адвентистских общин Беларуси, находящихся в Гродненской и Брестской областях, включая историю Минской общины.

Заключение. В рамках небольшого историографического обзора невозможно детально отразить все существенные вопросы истории АСД в Российской империи, СССР и на территории Беларуси. Однако проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

В эволюции историографии закономерно выделяются три крупных хронологических периода: дореволюционный, советский и современный (постсоветский). Первый из них представлен трудами царских чиновников и православных миссионеров – современников и свидетелей описываемых процессов и событий, что наделяет эти исследования функцией исторического источника. Среди них особенно информативной оказалась работа С.Д. Бондаря. Советский период характеризуется негативным отношением к АСД как одной из самых опасных для социалистического строительства «сект». Пик тенденциозных обвинений адвентизма объяснимо приходится на 30-е гг. XX в. В послевоенные годы острота критики снижается, но АСД вплоть до конца 80-х гг. характеризуется негативно, а потому большее внимание уделяется борьбе с распространением адвентизма, нежели изучению его истории. Исключение – работы видного советского религиоведа А.И. Клибанова. На современном этапе историю адвентизма в России плодотворно исследуют верующие АСД и светские авторы. История Церкви адвентистов седьмого дня в Беларуси пока представлена фрагментарно. Защита узкоспециализированных диссертаций, публикация монографий – дело будущего, надеемся, весьма скорого. Поводом для оптимизма служат работы, посвященные истории позднепротестантского движения в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарь С.Д. Адвентизм 7-го дня. – СПб.: Тип. Мин-ва внутренних дел, 1911. – 101 с.
2. Белогорский Н.А. Субботство сектантов-адвентистов. – СПб.: Тип. В.М. Скворцова, 1907. – 30 с.
3. Лебсак Г.И. Великое Адвентистское Движение и Адвентисты Седьмого Дня в России. – Ростов н/Д: Изд-е Церкви АСД, 2006. – 352 с.

4. Болдырев Н. Апостолы международного капитала атакуют пятилетку. – Саратов: ОГИЗ РСФСР Н-Волж. краев. изд-во, 1931. – 80 с.
5. Майский Ю. О сектантах. – М.: ГАИЗ, 1939. – 48 с.
6. Путинцев Ф.М. Политическая роль и тактика сект. – М.: ГАИЗ, 1935. – 476 с.
7. Клибанов А.И. Адвентисты. – Л.: Прибой, 1931. – 32 с.
8. Хайтун Д., Капаевич П. Сучаснае сектанцтва на Беларусі. – Менск [Мінск]: Белар. дзярж. выд-ва, 1929. – 72 с.
9. Белов А.В. Адвентизм. – М.: Политиздат, 1973. – 237 с.
10. Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в. – 1917 г.). – М.: Наука, 1965. – 348 с.
11. Мышепуд С.А. Современный адвентизм и его влияние на быт верующих (по материалам Белоруссии): дис. ... канд. ист. наук. – Минск, 1989. – 185 л.
12. Верещагина А.В. Религиозное сектантство и его отрицательное влияние на быт и культуру верующих (по материалам Белоруссии): дис. ... канд. ист. наук. – Минск, 1988. – 212 л.
13. Теплов В.В. Из истории Церкви адвентистов седьмого дня в России. – Калининград: ИПП Янтарный сказ, 1993. – 324 с.
14. Юнак Д.О. История Церкви христиан адвентистов седьмого дня в России. В 2 т. – Заокский: Источник жизни, 2002. – Т. 1. – 448 с.
15. Зайцев Е.В. История Церкви АСД в России. – Заокский: Источник жизни, 2008. – 544 с.
16. Души под жертвенником: книга памяти Церкви Христиан Адвентистов Седьмого дня, посвященная жертвам религиозных репрессий во времена царской России и Советского Союза, 1886-1986 годы / Д. Хайнц, А.А. Опарин, Д.О. Юнак, А. Пешелис. – Харьков: Факт, 2010. – 375 с.
17. Жукалюк Н. Вспоминайте наставников ваших (история Церкви Адвентистов седьмого дня в личностях). – Киев: Джерело життя, 1999. – 672 с.
18. Григоренко А.Ю. Эсхатология, миллениаризм, адвентизм: история и современность. Философско-религиоведческие очерки. – СПб.: Европейский Дом, 2004. – 392 с.
19. Одинцов М.И. Живущие надеждой. Церковь христиан-адвентистов седьмого дня в России. 1886–1991 гг.: История и люди, факты и события, уроки и новые возможности. – М.: Полит. энцикл., 2020. – 575 с.
20. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) / В.В. Грыгор’ева і інш.; навук. рэд. У.І. Навіцкі. – Мінск: Экаперспектыва, 1998. – 340 с.
21. Лисовская Т.В. Неопротестантизм в Западной Беларуси в 1921–1939 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Минск, 2008. – 158 л.
22. Лисовская Т.В. Поздний протестантизм в Западной Беларуси (1921–1939 гг.). – Брест: Альтернатива, 2021. – 192 с.
23. Балтрушэвіч Н.Г. Пратэстанцкія арганізацыі БССР у 1944–1985 гг.: структура, формы дзейнасці, узаемаадносіны з дзяржавай: дыс. ... канд. гіст. навук. – Мінск, 2010. – 149 л.
24. Старостенко В.В. Религия и свобода совести в Беларуси: очерки истории. – Могилев: УО МГУ им. А.А. Кулешова, 2011. – 272 с.
25. Евангельскія хрысціяне ў Беларусі: пяць стагоддзяў гісторыі (1517–2017 гг.) / У.І. Навіцкі і інш.; навук. рэд. У.І. Навіцкі; Тэалагічны інстытут хрысціян веры евангельскай. – Мінск: Пазітыў-цэнтр, 2019. – 470 с.
26. Zaborowska, E. Historia Kościoła Adwentystów Dnia Siódmego na Białostocczyźnie // Chrześcijańska Akademia Teologiczna w Warszawie. – 2007. – 78 s.
27. Walter M. Dziej Kościoła adwentystów dnia siódmego na Kresach Wschodnich w latach 1888–1945. – Warszawa: Znaki Czasu, 2015. – 618 s.

Поступила 09.04.2025

THE SEVENTH-DAY ADVENTIST CHURCH IN BELARUS (1906–1991): HISTORIOGRAPHICAL PERSPECTIVES

O. GABRUSEVICH
(Mogilev State A. Kuleshov University)

This article examines the historiography of the Seventh-day Adventist Church within the territory of Belarus during the period 1906–1991. The study identifies and analyzes three principal historiographical phases: the pre-revolutionary era, the Soviet period, and contemporary scholarship, delineating their defining features. The analysis reveals that extant historical accounts of Adventism in Belarus remain fragmentary, highlighting a significant gap in the literature that warrants further specialized research.

Keywords: Belarus, religion, religious denomination, Protestantism, religious community, Seventh-day Adventists, atheistic ideology, historiography.

УДК 371+370.179.1

DOI 10.52928/2070-1608-2025-75-3-60-64

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМУ ОБРАЗОВАНИЮ В БССР В 50-Е ГГ. XX В.

*канд. ист. наук, доц. Е.Н. МОХ
(Академия образования, Минск)*

Рассматривается деятельность Министерства просвещения БССР по повышению общеобразовательного уровня населения, качества подготовки рабочих кадров, научно-методическое обновление образовательного процесса, проводится всесторонний анализ реформы перехода к политехническому образованию в БССР в 50-е гг. XX в. Актуальность обращения к исследованию определена тем, что создание и развитие в послевоенное время политехнических школ с производственным обучением стало одним из приоритетных направлений государственной политики БССР в сфере образования. Государственная политика в исследуемый период была направлена на максимальное обеспечение экономики БССР высококвалифицированными кадрами общеобразовательных школ. Основными задачами являлись профессиональная ориентация, введение всеобщего обязательного восьмилетнего образования, новых учебных планов, разработка научно-методического обеспечения для системы образования БССР, укрепление учебно-материальной базы школ. Особое значение в данной связи приобретает изучение, осмысление и обобщение исторического опыта реформы укрепления связи школы с жизнью.

Ключевые слова: *Министерства просвещения БССР, реформа, учебный процесс, государственная политика, образование, политехническое обучение.*

Введение. Выработка стратегий и модернизации школьного образования в 50-е гг XX в. была обусловлена комплексом идеологических, политических, экономических, социальных факторов развития БССР. Одним из приоритетных направлений государственной образовательной политики в БССР изучаемого периода была реализация политехнической реформы. Следует отметить, что она не сводилась к механической замене семилетнего образования на восьмилетнее, а предполагала изменения в соотношении типов и контингента учащихся, научно-методическое обновление образовательного процесса.

По истории развития общеобразовательной школы выделим монографию И.М. Ильюшина [1]. В статьях В.Е. Бездель рассматривается реформа школьного образования 1958 г. в БССР [2; 3]. Для исследователей особую зачимость представляет работа А.С. Барановой «Политехническое обучение учащихся в общеобразовательных школах БССР», где определены социально-экономические, политические и педагогические факторы введения политехнического обучения в школах БССР, проанализированы теоретико-методологические подходы к проведению реформы: целевые ориентиры, критерии эффективности, результативность реализации реформы на практике [4].

Представленная публикация основана на документах Национального архива Республики Беларусь (фонд № 42, Наркомат (Министерство) просвещения БССР), которые содержат данные о состоянии производственного обучения в средних трудовых школах с производственным обучением, научно-методическом обеспечении. Материалы фонда позволяют реконструировать весь процесс осуществления управленческих инициатив Министерства просвещения БССР в условиях перехода к политехническому образованию. Количественные данные по системе образования содержатся в статистических сборниках, что позволяет проследить динамику численности общеобразовательных школ БССР 1940-х – 1950-х гг.

Основная часть. Реформирование системы школьного образования невозможно без основательной стратегической проработки задач и идей, определяющих основные подходы к организации образовательного процесса. Неотъемлемой частью модернизации образования является государственная образовательная политика, которая определяет цели и приоритеты образования, механизмы и инструментарий её реализации [5, с. 16]. В 1950-е гг. стратегия модернизации системы школьного образования была направлена на реализацию перехода к политехническому образованию, укрепление связи школы с жизнью. По шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956–1960 гг. необходимо было «осуществить в основном всеобщее среднее образование в городах и сельской местности; развивать политехническое обучение в общеобразовательной школе, обеспечив ознакомление учащихся с важнейшими отраслями современного и сельскохозяйственного производства. Обеспечить тесную связь обучения с общественно полезным трудом; укрепить учебно-материальную базу общеобразовательных школ; считать целесообразным более широкое участие колхозов в строительстве сельских школ и в оборудовании их» [6, с. 46].

Для решения этих задач правительство БССР в соответствии с общесоюзным Законом о школе (1958 г.) в апреле 1959 г. приняло Закон «Об укреплении системы народного образования в БССР» (далее – Закон). В связи с принятием данного Закона Совет Министров БССР постановлением от 19 августа 1959 г. № 539 утвердил новую структуру и штатное расписание Министерства просвещения БССР. В частности, в составе управления школ был создан отдел производственного обучения. Законом также было предусмотрено необходимость реализации мер по переподготовке педагогических кадров и укомплектованию школ педагогами с соответствующим образованием. Большая роль возлагалась на институты усовершенствования учителей, которые должны были проводить

работу по повышению квалификации (проведение семинаров, кратковременных курсов, разработка методических рекомендаций). Реформой предусматривалось, что после окончания восьмилетней школы часть выпускников будет работать на производстве, поступит учиться в профессионально-техническое училище или продолжит учебу в средних школах с производственным обучением. Реорганизация действующих десятилетних школ в школы с производственным обучением реализовывалось постепенно на протяжении 1959–1965 гг.

Согласно Закону, в БССР вводилось обязательное восьмилетнее образование. Проводилась работа по распространению передового опыта производственного обучения, искали пути совмещения обучения с работой на производстве, повышения профессиональной подготовки студентов. Правительством БССР был разработан и утвержден порядок перевода всех видов школ на новые учебные планы и программы, а также план развития сети общеобразовательных школ и контингентов учащихся на 1959–1965 годы. Соотношение теории и практики в производственном обучении и чередование периодов обучения и труда устанавливалось в зависимости от профиля специальной подготовки учащихся и местных условий. В сельских школах учебный год строился с учетом сезонности сельскохозяйственных работ. Производственное обучение и общественно полезный труд проводился в учебных и производственных цехах ближайших предприятий, в ученических бригадах колхозов и совхозов, учебно-опытных хозяйствах, школьных и межшкольных учебно-производственных мастерских [7, с. 3–9].

К началу 1958/1959 учебного года по сравнению с 1950/1951 годом количество дневных средних школ возросло почти в 2,1 раза. Одновременно, в связи с ростом сети средних школ и сокращением численности детей школьного возраста, родившихся в годы войны, сократилась и сеть начальных школ (таблица 1).

Таблица 1. – Динамика численности общеобразовательных школ БССР
(без школ рабочей и сельской молодежи и школ взрослых)

Общеобразовательные школы	На начало учебного года			
	1940/1941	1945/1946	1950/1951	1958/1959
Всего	11844	10915	11767	11603
начальные	8312	8910	8086	7164
семилетние	2562	1641	2904	2839
средние	934	353	761	1575

Источник: [8, с. 270, 271].

Несмотря на небольшое сокращение общего числа школ в 1958 г. в сравнении с довоенным периодом, в БССР возможности получения среднего и семилетнего образования возросли: количество средних школ увеличилось на 68,6%, семилетних – на 10,8%.

Министерство просвещения БССР считало необходимым ввести новую систему школьного образования с 1 сентября 1959 г. На новые планы и программы должны были перейти учащиеся I–V классов, а в последующие три года – учащиеся VI–VIII классов. Переход на всеобщее обязательное восьмилетнее образование планировалось завершить в 1962/1963 учебном году. Начиная с 1959/1960 учебного года планировалось перейти на новые учебные планы и программы производственного обучения учащихся IX классов в 261 средней школе, в том числе в 171 школе в городах и 90 школах в сельской местности. Перевод IX–XI классов на новые учебные планы и программы планировалось завершить в 1963/1964 учебном году [9, с. 3].

В БССР открывались средние общеобразовательные трудовые политехнические школы с производственным обучением. Учащиеся, закончив школу, получали среднее и политехническое образование и профессиональную подготовку для работы в одной из отраслей народного хозяйства или культуры [10, л. 258об.].

Так, в 1959/1960 учебном году производственное обучение было введено в 260 средних школах, в которых обучалось 10 тысяч учащихся. В 1960/61 учебном году таких школ стало 573, в том числе 273 городских и 300 сельских, с общим количеством учащихся – 33350 чел., обучающихся по 228 специальностям. Наилучшими условиями для осуществления производственного обучения обладали ученические цеха, школьные и межшкольные мастерские. В ряде мест, где поблизости от школ отсутствовали промышленные предприятия или на предприятиях не было возможности обеспечить учащихся рабочими местами, школы при помощи шефствующих предприятий строили учебно-производственные мастерские. Успешно осуществлялась профессиональная подготовка и воспитание в процессе обучения на таких предприятиях, как Минский радиозавод, станкостроительные заводы имени Кирова и Ворошилова, Могилевский завод искусственного волокна, Витебский коврово-плюшевый комбинат, Оршанский льнокомбинат, Гомельский завод имени Кирова и др. На отдельных предприятиях были созданы ученические цеха, участки и смены (швейные фабрики в Минске, Бресте, Кобрине, Минский камвольный комбинат и завод автоматических линий, Гродненский завод автозапчастей, Гомельская швейная фабрика № 2 и фабрика «8 марта» и др.). Типовые производственные мастерские были построены и оборудованы в Жодинской СШ № 1 с помощью Смоленвичского ГРЭС, при средней школе № 1 гор. Гродно силами Завода бытовых приборов.

По данным Федкович А.И., «органами народного образования проведена большая работа по расширению сети средних школ с производственным обучением и организации профессиональной подготовки школьников. В 1958/1959 учебном году насчитывалось 1575 школ с производственным обучением, в 1964/1965 учебном году – 1749, а в 1971/1972 учебном году – 2217 школ. В указанное время в IX–XI классах этих школ обучалось 120 212,

217 014 и 325 297 учащихся соответственно. В училищах этого типа велась подготовка по наиболее востребованным профессиям промышленного и сельскохозяйственного производства. Их отбор производился с учетом потребностей местных предприятий, колхозов и совхозов» [11, с. 70].

В школах с производственным обучением подготовка учащихся ведется по 93 специальностям. Значительное место занимают профессии, связанные с металлообработкой. Так, например, в Брестской области наиболее массовой специальностью среди учащихся сельских средних школ была «механизатор сельского хозяйства» (11%). В Гомельской области ей обучались 13% учеников, в Минской – 19%. Профессия животновода, как одна из важнейших в сельском хозяйстве, широко осваивалась в школах Минской (14%) и Могилевской (13,5%) областей. Многие учащиеся, успешно работающие в бригадах и занимающиеся в кружках и на факультативных курсах, смогли приобрести сельскохозяйственные специальности. В Минской области таким образом было подготовлено 670 трактористов, 537 шоферов, 342 помощника комбайнера; в Витебской области – 514 трактористов, 618 шоферов, 380 животноводов и полеводов, и ряд других специальностей (таблица 2).

Таблица 2. – Данные по профессиям, подготавливаемым в средних школах с производственным обучением

Наименование профессий и специальностей	Количества
Профессии, связанные с металлообработкой (слесарь, токарь, фрезеровщик и др.)	2235
Электро- и радиотехнические специальности (сборщик, монтажник, электромонтажник и др.)	143
Контроль-производственные специальности (контролеры, операторы, химлаборанты)	120
Сельскохозяйственные специальности (механизаторы, животноводы, полеводы, садоводы и др.)	3078
Строительные специальности	584
Швей, портные, работники торговли и общественного питания, текстильной промышленности	2047
Шоферы	187
Прочие	1993
Итого:	10 277

Источник: [12, л. 49–50].

При выборе профессий учитывались особенности мужского и женского труда. Профессиональная подготовка девочек велась, в основном, по швейному, ткацкому и льнопрядильному делу, торговле, специальности телефониста, телеграфиста, лаборанта. Овладевали девочки также и профессиями токаря, станочника, контролера ОТК. По профессиям кондитера, доярки, свинарки, птичницы, садовода, овошевода обучались преимущественно девочки.

Коллективами школ проводилась значительная работа по укреплению учебно-производственной базы своих учреждений, что отражено в Справке Председателю Совета Министров БССР Киселеву Т.Я (таблица 3).

Таблица 3. – Строительство мастерских инициативным способом

Области	1958 г.	1959 г.	1960 г.	Всего
Брестская	35	15	28	78
Витебская	—	—	17	17
Гомельская	28	15	30	73
Гродненская	48	30	28	106
Минская	25	9	46	80
Могилевская	—	—	19	19
Молодечненская	21	—	—	21
Всего:	157	69	168	394

Источник: [13, л. 37].

К началу 1960/61 учебного года Министерством просвещения были подготовлены проекты программ теоретического и практического производственного обучения по основным сквозным профессиям промышленного и сельскохозяйственного производства. По некоторым специальностям разработка программ проводилась работниками школ совместно со специалистами предприятий. Также была издана серия учебных плакатов по обработке дерева и металла, даны инструктивные указания по вопросам техники безопасности, выбору профессий, планированию и учету производственного обучения и др.

Министерством просвещения БССР, Научно-исследовательским институтом педагогики, органами народного образования проводился мониторинг состояния производственного и трудового обучения в школах.

В Научно-исследовательском институте педагогики Министерства просвещения БССР методистом А.И. Печуренко был подготовлен комплекс учебных пособий и методических рекомендаций для учителей трудового обучения, а также разработаны пособие для учащихся и учителей по технике безопасности в школьных мастерских, комплекты таблиц по трудовому обучению. Так, в начальной школе вводился ручной труд, в V–VIII классах велись практические занятия в мастерских, а в VIII–X классах предписывалось изучение нового предмета «Основы производства». Программы городских школ предусматривали изучение машиноведения, автомобиля, электротехники; в сельской местности изучались растениеводство, животноводство, автомобиль, электротехника [14, с. 217].

Учебные планы также были пересмотрены. Приказом Министра просвещения БССР № 125 от 24 июня 1959 г. было установлено: «учащиеся девятых классов, которые в 1959/1960 учебном году будут переведены на одиннадцатилетний срок обучения, должны обучаться по учебным планам и программам, установленным для средних школ (городских или сельских) с производственным обучением на 1959/1960 учебный год». Общеобразовательная подготовка учащихся IX классов осуществлялась по действующим программам и учебникам для десятилетней средней школы в соответствии с указаниями, данными по этому вопросу Министерством просвещения БССР.

Приказом Министра просвещения БССР было установлено, что в 1959/1960 учебном году VI–X классы всех семилетних и десятилетних средних школ должны были изучать Основы производства, значительно больше внимания уделялось практической политехнической подготовке учащихся. В VI и VII классах на практические занятия в учебных мастерских отводилось 2 часа в неделю, а на весеннюю и осеннюю работу на учебно-исследовательской площадке школы – по 22 часа в каждом из этих классов. Также при переходе учащихся из VI в VII класс была организована учебно-производственная практика по выращиванию сельскохозяйственных растений: в городских школах – в течение 6 дней, в сельских школах – в течение 12 дней, по 3 часа работы в день.

В VIII–X классах проходила четырехнедельная учебно-производственная практика (обучение учащихся практическому вождению на автомобиле (тракторе) в X классе, а также факультативные (по выбору учащихся) практические курсы) [15, с. 45–46]. Учащиеся, начиная с XI класса, должны были систематически работать на производстве два дня в неделю по 6 часов в день. Они должны были сначала получить начальную профессиональную подготовку, научиться соблюдать технику безопасности, а затем приступить к самостоятельной работе на заводах, фабриках и в колхозах. Организованная таким образом производственная подготовка обеспечивала возможность подготовиться к одной из востребованных профессий.

Не смотря на положительный опыт реформы школьного образования, оставался ряд нерешенных вопросов: выбор профилей подготовки школьников (в ряде школ преобладала многопрофильность, некоторые профессии не соответствовали «Перечню профессий...» по профтехническому образованию при Совете Министров СССР, другие не являлись перспективными); в областных отделах народного образования в должной мере не проводилось планирование подготовки рабочих кадров по профессиям а также не учитывалась потребность предприятий в подготавливаемых в школах профессиях; школы не подготавливали учащихся к строительным профессиям (за исключением столяров); в ряде случаев допускалась узкая специализация, что снижало интерес учащихся к осваиваемой профессии; комплектование XI классов школ с производственным обучением в городах и районах производилось в большинстве случаев по школьным микрорайонам, что в известной мере, не способствовало свободному выбору профессий учащимися; во многих школах была слабая учебно-материальная база (часть учебных мастерских размещалась в непригодных помещениях, а 295 школ не имело мастерских) [16, л. 31]. На уровне правительства БССР необходимо было также рассмотреть следующие вопросы: о разработке планов подготовки учащихся средних школ по профессиям в разрезе областей, министерств и ведомств, сформировать план трудоустройства этих учащихся; внести изменения в условия оплаты труда инженерно-технических работников, привлекаемых с производства для обучения учащихся; выделить материалы для производственного обучения учащихся как в мастерских, так и на производстве; рассмотреть вопросы об алгоритме передачи средним школам неиспользуемого оборудования для политехнического обучения; рассмотреть вопросы оплаты труда специалистов сельского хозяйства, занятых профессиональной подготовкой учащихся, так как колхозами эта оплата не производилась.

Заключение. Внедрение политехнического образования в общеобразовательные школы БССР было направлено на совершенствование учебного процесса и ориентацию школьников на освоение рабочих специальностей. Это решение было продиктовано потребностями растущей промышленности и сельского хозяйства, нуждавшихся в подготовленных кадрах. Политехнический характер обучения достигался через интеграцию производственных знаний в естественно-математические предметы, практические занятия на уроках труда, в мастерских, а также через производственную практику на предприятиях и в колхозах. Важную роль играли также внеклассные мероприятия и общественно полезный труд. Однако полномасштабная реализация политехнического обучения сталкивалась с препятствиями: дефицитом квалифицированных педагогов, неравномерным охватом учащихся и слабой материально-технической базой школ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильюшин И.М. Народное образование в Белорусской ССР. – Минск: Учпедгиз БССР, 1961. – 439 с.
2. Бездель В.Е. Тенденции развития общеобразовательной школы в БССР в контексте реализации реформы 1958 г. // Актуальные проблемы профессионального образования в Республике Беларусь и за рубежом: материалы X Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 16 дек. 2022 г. / редкол.: И.В. Николаева (гл. ред.). – Витебск, 2022. – С. 71–74.
3. Бездель В.Е. Политехническое обучение в школах БССР в 50-е гг. XX в. // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. Е, Педагогические науки. – 2021. – № 7. – С. 2–6.
4. Баранова А.С. Политехническое обучение учащихся в общеобразовательных школах БССР (1952–1961 гг.): автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. – Минск, 1985. – 22 с.
5. Половецкий С.Д., Милованов К.Ю. Основные направления и механизмы реализации отечественной образовательной политики (первая половина XX века). – М.: МПГУ, 2021. – 158 с.

6. Народное образование в СССР: сб. док. 1917–1973 гг. – М.: Педагогика, 1974. – 559 с.
7. О выполнении закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в БССР» // Народная асвета – 1961. – № 7. – С. 3–9.
8. Народное хозяйство Белорусской ССР: стат. сб. / Стат. управ. Белорусской ССР. – М., 1957. – 319 с.
9. Дарафеенка М. Напярэдадні новага навучальнага года // У дапамогу настаўніку. – 1959. – № 4. – С. 3.
10. Положение о средней общеобразовательной трудовой политехнической школе с производственным обучением (постановление Совмина БССР от 16.06.1960 г. № 340) // НАРБ. – Ф. 42. Оп. 5. Д. 61. – Л. 258об. – 259об.
11. Фядковіч Г.І. Падрыхтоўка моладзі да жыцця і працы ў сярэдняй школе БССР (1958–1972) // Адукацыя і выхаванне. – 2002. – № 10. – С. 69–72.
12. Справка Центральному Комитету КПСС Справка Председателю Совета Министров БССР Киселеву Т.Я. «О состоянии производственного обучения в средних трудовых школах с производственным обучением БССР» // НАРБ. – Ф. 42. Оп. 5. Д. 300. – Л. 42–64.
13. Справка Председателю Совета Министров БССР Киселеву Т.Я. «О состоянии производственного обучения в средних трудовых школах с производственным обучением БССР» // НАРБ. – Ф. 42. Оп. 5. Д. 300. – Л. 31–41.
14. Нацыянальны інстытутадукацыі: гісторыя і сучаснасць (1929–2004) / Пад.рэд. У.П. Пархоменкі, М.Г. Яленскага. – Мінск: НІА, 2004. – 320 с.
15. Аб арганізацыі вучэбнай работы ў IX класах, якія ў 1959/1960 навучальным годзе пераводзяцца на адзінаццацігадовы тэрмін навучання // У дапамогу настаўніку. – 1959. – № 5. – С. 45–49.

Поступила 28.05.2025

STATE POLICY IN THE SPHERE OF EDUCATION IN THE CONDITIONS OF TRANSITION TO POLYTECHNICAL EDUCATION

Н. МОКН
(Academy of Education, Minsk)

The article is devoted to the main directions of state policy in the field of education in the context of the transition to compulsory eight-year education and the introduction of polytechnic education. The article examines the activities of the Ministry of Education of the BSSR to improve the general educational level of the population, the quality of training of workers, scientific and methodological renewal of the educational process taking into account the increase in the practice-oriented component of the content of education. The article provides a comprehensive analysis of the reform, from the stage of its design to practical implementation. Particular attention is paid to the impact of the reform on the content of education and upbringing at school, as well as to identifying the reasons that led to failures. Polytechnic education led to ambiguous consequences: on the one hand, the material and technical base of schools improved, the qualifications of teachers increased, new educational methods were introduced into practice, on the other hand, schoolchildren experienced excessive workload, and industrial training was often formal.

Keywords: Ministry of Education of the BSSR, reform, educational process, state policy, education, polytechnic education.

УДК 39(476-22)(091)+316.343:63-051(476)(091)

DOI 10.52928/2070-1608-2025-75-3-65-70

САЦЫЯЛЬНА-ДЭМАГРАФІЧНАЯ ХАРАКТАРЫСТЫКА БЕЛАРУСКОЙ ПАВАЕННАЙ ВЁСКІ

канд.гіст.наук, дац. А.В. СУМКО

(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт імя Еўфрасінні Полацкай)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9940-0236>

Разглядаецца сацыяльна-дэмаграфічная структура паваяеннай беларускай вёскі. Асноўная ўвага надаецца аналізу змен у колькасці і складзе сельскага насельніцтва, занятасці, міграцыйных працэсах, а таксама ўзростава-гендарнай і сацыяльнай трансфармацыі вясковай супольнасці. У якасці крыніц выступілі як архіўныя дакументы, так і матэрыялы вуснай гісторыі.

Ключавыя словы: пасляваенная вёска, вусная гісторыя, дэмаграфія, сацыяльная структура.

Уводзіны. Асноўнай крыніцай па сацыяльным і дэмаграфічным паказчыках насельніцтва з’яўляюцца дакументы Цэнтральнага статыстычнага ўпраўлення БССР. Інфармацыю пра сацыяльна-дэмаграфічны склад паваяеннай вёскі ўтрымліваюць адначасовыя ўлікі сельскага насельніцтва, якія праводзіліся на падставе распараджэнняў СМ СССР і СМ БССР абласнымі статыстычнымі ўпраўленнямі. На 1 студзеня 1945 г. і 1 студзеня 1947 г. фіксавалі палавы і ўзростава склад насельніцтва, а на 1 студзеня 1948 г. улік праводзіўся асобна для розных груп гаспадарак: калгаснікаў, рабочых і службоўцаў, аднаасобнікаў¹. Выніковыя даныя складана верыфікаваць, бо першапачатковыя падлікі ажыццяўляліся без апытанняў насельніцтва – на падставе звестак сельсаветаў і іншых органаў улады, якія не заўсёды былі дакладнымі. Тым не менш, атрыманая інфармацыя дазваляе вызначыць тэндэнцыі сацыяльна-дэмаграфічнага становішча ў паваяенны час. Варта падкрэсліць, што матэрыялы Цэнтральнага статыстычнага ўпраўлення БССР дапаўняюць дакументы абласных і занальных архіваў Рэспублікі Беларусь, якія ўтрымліваюць рэгіянальныя справаздачы пра сацыяльна-дэмаграфічны склад вясковага насельніцтва. Менавіта гэтыя звесткі сталі асновай для фарміравання агульнарэспубліканскіх выніковых дакументаў.

Асноўная частка. Сельскае насельніцтва ў БССР з’яўлялася найбольш шматлікай сацыяльнай групай. На 1 студзеня 1941 г. яно складала 77% насельніцтва, на 1 студзеня 1945 г., пры наяўнасці катастрафічных дэмаграфічных страт, складала абсалютную большасць (табліца). Суадносіны сацыяльных груп сельскага насельніцтва па абласцях Беларусі розніліся. Напрыклад, у студзені 1945 г. у Віцебскай вобласці было 427 278 сялян (гараджан 101 555), у лютым 1945 г. у Гродзенскай вобласці налічвалася 482 624 аднаасобніка (58 735 гаражан); у Полацкай вобласці сельскае насельніцтва складалася з калгаснікаў – 110 701, аднаасобнікаў – 151 911, іншых груп – 12 536; у Маладзечанскай калгаснікаў было 1 814 чалавек, аднаасобнікаў – 435 839, да іншых груп у межах сельскага насельніцтва адносілася 12 296 чалавек². Дакументы аддзела статыстыкі сведчаць пра колькасныя змены кожны месяц, аднак суадносіны сацыяльных груп сельскага насельніцтва заходніх і ўсходніх абласцей Беларусі да актывізацыі працэсаў калектывізацыі ў канцы 1940-х гг. заставаліся ўмоўна стабільнымі.

Табліца. – Колькасць насельніцтва БССР, тыс. чал.³

Вобласць	01.01.1945 г.		01.01.1946 г.	
	Сяляне	Гараджане	Сяляне	Гараджане
Баранавіцкая	496,6	83	499 899	72 468
Бабруйская	435,3	86,2	456 263	89 442
Брэсцкая	350,0	54,7	361 182	62 702
Віцебская	433,8	113,3	456 566	143 810
Гродзенская	485,3	93,8	487 231	91 676
Гомельская	467,3	142,7	488 110	131 504
Мінская	491,5	215,3	494 998	243 850
Магілёўская	602,1	110,7	635 611	119 768
Маладзечанская	454,7	41,6	446 704	32 119
Пінская	302,9	46,6	315 697	45 188
Палеская	316,6	46,2	322 996	50 411
Полацкая	364,7	29,9	386 637	41 130
Усяго па БССР	5200,8	1064,0	5 351 894	1 124 068

¹ Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 30. Воп. 5. Спр. 1701.

² НАРБ. – Ф. 30. Воп. 1. Спр. 447. – Л. 10–19.

³ НАРБ. – Ф. 30. Воп. 1. Спр. 447. – Л. 1–2.

Адным з наступстваў Вялікай Айчыннай Вайны стала дэфармацыя сацыяльна-дэмаграфічнай структуры беларускай вёскі. Людскія ахвяры абумовілі наяўнасць дэмаграфічных ям. На пачатак 1950 г. вясковае насельніцтва налічвала трохі больш за 6 млн. чалавек супраць 7 млн. 121 тыс. чалавек у 1940 г. [1, с. 16]. Дакументы партыйнага справаводства сведчаць пра значнае скарачэнне долі працаздольнага насельніцтва ва ўсіх рэгіёнах БССР у пасляваенны перыяд. Лічбы па Полацкай вобласці фіксуюць, што насельніцтва вёсак значна зменшылася ва ўсходніх раёнах вобласці (найбольш пацярпелыя па рэспубліцы) – да 56,6% ад даваеннага ўзроўню, прычым колькасць працаздольных жанчын пераважала ў некалькі разоў (на 1 студзеня 1946 г. ва ўсходніх раёнах было 7179 працаздольных мужчын і 34 644 працаздольныя жанчыны⁴). Асобна падкрэслівалася, што падлік працаздольных адбываўся на падставе ўзросту і не ўлічваў інвалідаў ці жанчын з маленькімі дзецьмі, што аб’ектыўна яшчэ больш скарачала колькасць працоўных рук.

Пры такім становішчы паўстала праблема максімальнага ўцягнення ў сельскагаспадарчую вытворчасць насельніцтва, якое магло працаваць. Галоўнай працоўнай сілай у вёсцы сталі жанчыны і непаўналетнія члены вясковай грамады. Паказальным пра суадносіны мужчынскага і жаночага насельніцтва з’яўляецца фрагмент з успаміну рэспандэнта са спаленай вёскі “*Вёска – дамоў на 40. Чатыры мужчыны (з іх адзін старык, два інваліды ВАВ – аўт.), астальныя жанчыны і дзеці*” (Суражскі р-н)⁵. Пераважная дыспрапорцыя полаўзроставай структуры была характэрна не толькі для БССР, але і іншых рэспублік Савецкага Саюза. Напрыклад, Валянціна Жыромская ў сваім даследаванні, прысвечаным жыццёваму патэнцыялу пасляваенных пакаленняў у Расіі, падкрэслівала, што істотную дапамогу ва ўсіх сферах дзейнасці ў пасляваенны час аказвалі падлеткі, састарэлыя калгаснікі і інваліды. Так, у 1948–49 гг. непрацаздольныя і састарэлыя калгаснікі выпрацавалі каля 8%, а падлеткі прыкладна 4% агульнай колькасці працаздольных у калгасах. Разам з тым, даследчыца адзначала, што ўдзельная вага гэтай катэгорыі ў агульных затратах з года ў год зніжалася. На думку аўтара, гэта было звязана з тым, што асноўная колькасць падлеткаў вярнулася ў школы, а працавалі падлеткі ў калгаснай вытворчасці пераважна падчас канікул [2, с. 34]. Што датычыць пасляваеннай працоўнай штодзённасці беларускай вёскі, то спалучэнне матэрыялаў вуснай гісторыі і архіўных дакументаў дазваляе ўбачыць адмысловы ракурс праблемы, звязаны з дакладным вызначэннем ступені ўцягнутасці дзяцей і падлеткаў у калгасную і сямейную вытворчасць.

Палявыя матэрыялы фіксуюць розніцу ў жыццёвых стратэгіях поўных і няпоўных сем’яў. Сям’я, дзе быў працаздольны мужчына дэманстравала большую эканамічную ўстойлівасць. У той жа час няпоўныя сем’і, дзе галоўным кармільцам была жанчына, вылучаліся большай адаптыўнасцю і разнастайнасцю жыццёвых стратэгий. Мужчыны, якія заставаліся без сямейнай падтрымкі, часта абмяжоўваліся мінімальным наборам дзеянняў для выжывання, што падкрэслівае значэнне гендарных роляў і сацыяльных сувязей у складаных умовах: “*16 лет наверна мне было. Нас бралі на лесаработку, – куда толькі мяне не пасылалі, усюды, былі даже свайі забівалі на рэчце вот, как у Віцебск, – мы ж жылі ў Багушевскім раёне, Сененскім раёне. А вот эта, с нами быў мужчына, ён у вайну где-та асталіся сямья. Сваяго ужго не было, а, можа, у пана службы?.. Не знаю. Значыць, у няго не было нічога. Нашы, як мы ужго жылі на месце, дак мы дзержалі парасёнка, тады ужго і карову нажылі, так мы бралі. А этаму чалавеку далі у калхозе жыта, рожь, ня меленная, не абработанная. Вот он, бывала, с нами работает на поле, на торфаработках (торф капалі, брыкеты каб капалі і так складалі-складалі, складалі). Ну, ён сварыць эту рожь у катялочак і так есць. Ні хлеба, ні заправленная, нічога! Вот і так было*”⁶.

У канцы 1940-х – пачатку 1950-х гг. завяршылася вяртанне мужчын з войска, з палону, рэпатрыяцыя мужчын і жанчын, сагнанных у Германію і іншыя краіны. Гэта выклікала ўсплеск заключэння шлюбаў, якія не адбыліся ў перыяд вайны, для ўзроставай катэгорыі, якія ўступілі ў шлюбны ўзрост напярэдадні і ў гады вайны. Акрамя гэтага, заключаліся шлюбы паміж тымі, хто ўступіў у шлюбны ўзрост у другой палове 1940-х гг. Усплеск шлюбнасці на мяжы 1950-х гг. быў звязаны не толькі з традыцыйнымі патэрнамі, але і дэмаграфічнымі наступствамі вайны. Разам з тым, крыніцы сведчаць, што сельскае насельніцтва паступова мяняе дэмаграфічныя паводзіны, традыцыйныя яго формы паступова слабеюць. Пасляваенная дыспрапорцыя палаў у шлюбных узростах спрыяла павелічэнню пазашлюбнай нараджальнасці, росту колькасці маці-адзіночак і няпоўных сем’яў. Матэрыялы палявых экспедыцый утрымліваюць запісы пра тое, што мужчыны, з’ехаўшы на заробкі, на будоўлю ці іншыя месцы працы на доўгі тэрмін, уступалі паралельна ў новыя шлюбы. Аднак матэрыялы вуснай гісторыі сведчаць пра тое, што ў трывалым сялянскім асяроддзі традыцыйная сістэма каштоўнасцей стрымлівала распаўсюджанне пазашлюбных адносін і рэгламентавала выбар шлюбнай пары. Успаміны фіксуюць, што ў вясковай грамадзе не віталася ўзроставая разбежка, калі жанчына была старэйшая за мужчыну. У такіх выпадках грамадства ўжывала маральны ціск, перш за ўсё, на жанчыну, што звычайна рабіла немагчымым афіцыйнае афармленне такіх адносін.

⁴ НАРБ. – Ф. 4-п. Воп. 46. Спр. 148. – Л. 50.

⁵ Архіў Цэнтра вуснай гісторыі і палявых даследаванняў Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Еўфрасінні Полацкай (Архіў ЦВГ ПДУ імя Еўфрасінні Полацкай). – Ф. 2. Воп. 6. Спр. 10.

⁶ Архіў ЦВГ ПДУ імя Еўфрасінні Полацкай – Ф. 2. Воп. 2. Спр. 26.

Асабліваю ўвагу заслугоўвае пасляваенная практыка фіктыўных раздзелаў сямей, якая стала своеасаблівай формай сацыяльна-эканамічнай адаптацыі. Калі для аднаасобнікаў гэта быў спосаб мінімізацыі падаткавага ціску і засцярога ад занясення да катэгорыі кулакоў, то калгаснікі выкарыстоўвалі гэтую схему для павелічэння зямельных надзелаў. Гэта фіксуе як матэрыялы палявых экспедыцый, так і дакументы органаў дзяржаўнай улады і кіравання. Напрыклад, па выніках праверак разбазарвання грамадскай зямлі на карысць асабістых гаспадарак калгаснікаў былі выяўлены парушэнні, калі на паперы людзі былі разведзены, а на самой справе вялі сумесную гаспадарку і мелі прысядзібны ўчастак, разлічаны на двух самотных калгаснікаў⁷.

У пасляваенны перыяд савецкая дзяржава, у мэтах кампенсацыі дэмаграфічных страт, імкнулася стымуляваць нараджальнасць шляхам укаранення комплекснай сістэмы сацыяльнай падтрымкі мацярынства і дзяцінства. У 1944 г. быў выдадзены спецыяльны Указ Прэзідыума ВС СССР “Аб павелічэнні дзяржаўнай дапамогі цяжарным жанчынам, шматдзетным і адзінокім маці, узмацненне аховы мацярынства і дзяцінства”, устанаўленні ганаровага звання “Маці-герая” і заснаванні ордэна “Мацярынская слава” і медалі [2, с. 81]. Дакументы органаў дзяржаўнай улады і кіравання ўтрымліваюць шмат інфармацыі пра выдзяленне дзяржаўнай дапамогі дадзеным катэгорыям жанчын. У пратаколах першых паваяенных гадоў пытанне выдзялення фінансавай дапамогі разглядалася вельмі часта. Тыповым з’яўляецца наступнае: па рашэнню выканкама Мядельскага райсавета было выдзелена мнагадзетнай маці на сёмага дзіцёнка з моманту вызвалення ад нямецкай акупацыі да 5-гадовага ўзросту малага па 2 000 рублёў у год⁸. Дзяржаўная дапамога распаўсюджвалася і на тых, хто выходзіў дзяцей без бацькі альбо ніколі не бралі шлюб. З моманту публікацыі Указа ВС СССР з ліпеня 1944 г. па студзень 1953 г. было выдадзена шматдзетным і тым, хто выходзіў дзяцей без бацькі 1 223 736 000 руб. [3, с. 25]. Аналіз архіўных дакументаў дазваляе казаць пра тое, што паміж прыняццем рашэння і атрымання рэальных грошай праходзіў значны прамежак часу, а іншы раз сустракаліся і парушэнні ў гэтай сферы. Аднак, негледзячы на пэўныя праблемы, сістэма фінансавай падтрымкі жанчын сведчыла пра мэтанакіраваную сацыяльную палітыку ў сферы мацярынства і дзяцінства, якая разглядалася як прыярытэтны накірунак развіцця савецкай дзяржавы.

Дзяржаўнае рэгуляванне рэпрадуктыўнай сферы ў перыяд пасляваеннага аднаўлення ажыццяўлялася не толькі з дапамогай матэрыяльнай падтрымкі, але і праз нарматыўныя абмежаванні, якія, напрыклад, датычыліся рэгламентацыі медыцынскіх працэдур (абмежаванні на правядзенне абортаў). Гэта, з аднаго боку, аб’ектыўна прывяло да росту колькасці шматдзетных сем’яў, а з другога – актуалізавала запыт на альтэрнатыўныя формы медыцынскай дапамогі. У паваяенныя гады павялічвалася колькасць нелегальных абортаў. Напрыклад, за першае паўгоддзе 1947 г. у бальніцы Віцебскай вобласці паступіла 601 жанчына з абортамі, якія былі пачаты па-за лясчэбнымі ўстановамі⁹. Кошты за таемныя абарты былі розныя, у залежнасці ад кваліфікацыі таго, хто рабіў, і ад гаротнага стану той, якая звярталася. У дакументах народных судаў сустракаліся расцэнкі каля 400 рублёў за аборт (≈ 90% сярэднямесячнай зарплаты). Аднак існавалі варыяцыі аплаты. Напрыклад, народны суд Бешанковіцкага раёна асудзіў на 5 гадоў жанчыну, якая зрабіла крымінальны аборт з цяжкімі наступствамі. За яго яна атрымала 200 рублёў і пуд пшаніцы¹⁰. Часткай стратэгіі кампенсацыі дэмаграфічных страт можна разглядаць і падатак на «халасцякоў», які з’яўляўся адмысловым інструментам мадэлявання пажаданых сямейных структур.

Прыкметнай з’явай разглядаемага перыяду была міграцыя насельніцтва з вёскі. У першую чаргу, гэта датычылася моладзі. Напрыклад, дзяўчыны, якія зыходзілі прыглядаць за дзецьмі ў горад, мелі магчымасць выйсці замуж і не вяртацца ў вёску. Гэта прафесія мела вялікі попыт на рынку працы. Цэнтральнае статыстычнае ўпраўленне паведамляла, што перасяленне сельскага насельніцтва ў горад у паваяенныя гады было распаўсюджанай з’явай. Напрыклад, 17 ліпеня 1946 г. загадчык абласнога статыстычнага ўпраўлення Віцебскай вобласці паведамляў, што колькасць сельскага насельніцтва зменшылася за кошт пераезду ў гарады і выезду ў іншыя вобласці, большасць – у Заходнюю Беларусь¹¹. Гэта было характэрна не толькі для азначанай вобласці, але і для ўсёй рэспублікі. Значныя маштабы працоўная міграцыя набывала ў тых рэгіёнах, што найбольш пацярпелі за гады Вялікай Айчыннай Вайны. Напрыклад, з Гомельскай вобласці пераязджалі ў Брэсцкую: “приехала сюда, так как здесь будет прожить легче, поскольку здесь не так разбито”¹². Найбольш запатрабаваным накірункам для міграцыі ў паваяенныя гады былі раёны Заходняй Беларусі, а таксама Ленінградская і Калінінградская вобласці. Асабліва выязджалі з Гомельскай, Палескай, Полацкай абласцей. Так, на працягу 1945–1946 гг. з Гомельскай вобласці ў азначаныя вышэй мясцовасці з’ехала 5309 чалавек (1242 сям’і); у Полацкай вобласці, акрамя пераезду ў Польшчу, зменшылася колькасць сялян-калгаснікаў – пераехала болей за 1500 сямей¹³.

⁷ Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (далей – ДАВВ). – Ф.7. Воп.1. Спр.11.

⁸ Занальны дзяржаўны архіў горада Маладзечна. – Ф. 1864. Воп. 1. Спр. 2. – Л. 163.

⁹ ДАВВ. – Ф. 2926. Воп. 2. Спр. 28.

¹⁰ Там жа.

¹¹ НАРБ. – Ф. 30. Воп. 1. Спр. 799. – Л. 178.

¹² Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці. – Ф. 3-п. Воп. 1. Спр. 9. – Л. 68.

¹³ НАРБ. – Ф. 30. Воп. 5. Спр. 1247. – Л. 89–91.

Асобна трэба адзначыць становішча сялян-перасяленцаў з Польшчы, уладкаваннем якіх займаліся мясцовыя органы ўлады, а кантроль за працэсам рассялення і далейшай адаптацыі быў ускладнены на партыйныя органы. Для сямей, якія вярталіся ў Беларусь, важным было інтэгравацца не толькі ў новую сацыяльна-эканамічную і палітычную прастору, але і ў мясцовы вясковы соцыум. Перасяленцы валодалі розным аб'ёмам рэсурсаў, адрозніваліся сацыяльным статусам, узроўнем адукацыі. На выбар іх жыццёвых стратэгий і адаптыўных практык на новым месцы ўплывалі як аб'ектыўныя, так і суб'ектыўныя фактары. Напрыклад, у красавіку 1945 г. у Магілёўскую вобласць пераехала 327 сямей, з іх у сельскую мясцовасць – 304 сям'і (1149 чалавек). З сабой яны прывезлі хатнюю жывёлу і сельскагаспадарчы інвентар¹⁴. З іх 95 сямей захавалі статус сялян-аднаасобнікаў (па дамоўленасці ім павінны былі адвесці столькі зямлі, колькі яны мелі на старым месцы, аднак не больш за 15 га), 30 сямей уступілі ў калгас, астатнія пайшлі працаваць на мясцовыя прадпрыемствы ці займаліся кустарным рамяством. Прычым, як сведчаць дакументы, у Мсціслаўскім і Хоцімскім раёнах з боку перасяленцаў, пераважна безземельных, назіралася тэндэнцыя стварыць калгасы сваімі сіламі. Тым, хто ўступаў у калгас, выдзялялася 0,50 га зямлі, з большага, ужо засеянай. Перасяленцаў уладкоўвалі ў залежнасці ад магчымасцей таго ці іншага раёна. Некаторыя з іх бралі крэдыты на будаўніцтва жылля, бо іх размяшчалі ці ў пустых дамах, ці падсялялі, а некаторыя жылі ў наметах. Не ўсе з перасяленцаў былі задаволены ўмовамі жыцця і адносінамі да іх улады. Напрыклад, з Цішкоўскага сельскага савета 11 чалавек пераехала ў Заходнюю Беларусь¹⁵. Некаторыя так і не змаглі прызвычаіцца да новай рэчаіснасці і падавалі прашэнне аб вяртанні ў Польшчу.

Паваяныя ўлікі сельскага насельніцтва добра ілюструюць сітуацыю, асабліва ў заходніх абласцях, дзе ў другой палове 1940-х гг. адбываюцца прыкметныя зрухі. Уліковыя дакументы на 1 студзеня 1948 г. (у параўнанні з парярэднімі) ужо дэманстравалі змены ў катэгорыях гаспадарак. Фіксаваўся рост сялян-калгаснікаў за кошт з'яўлення новых калгасаў. Аднак, разам з тым, пераход аднаасобных гаспадарак у калгасны сектар не меў значнага ўплыву на змяншэнне аднаасобнага сектара, бо адначасова ў аднаасобных гаспадарках адбываецца раздзел і выдзяленне новых. З аднаго боку, гэта было звязана са з'яўленнем новай сям'і, а з другога, матэрыялы вуснай гісторыі сведчаць, што раздзел аднаасобных гаспадарак быў спецыфічнай жыццёвай стратэгіяй, якая дазваляла пазбегнуць працэдур раскулачвання. Разам з тым, у канцы 1940-х гадоў пад уплывам актывізацыі працэсаў калектывізацыі і арганізацыі новых калгасаў змяняюцца суадносіны сацыяльных груп сялянскага насельніцтва ў бок змяншэння колькасці сялян-аднаасобнікаў і, адпаведна, павелічэння сялян-калгаснікаў.

Дзякуючы актыўнай індустрыялізацыі сельскіх раёнаў, на пачатак 1948 г. колькасць рабочых і служачых у сельскай мясцовасці павялічылася на 72,6% у параўнанні з парярэднімі годам¹⁶. Значны рост тлумачыцца лакалізацыяй прамысловых прадпрыемстваў (спіртавых, цагельных заводаў, леспрамгасаў і хімлестгасаў) у сельскай мясцовасці і іх кадравым забеспячэннем за кошт мясцовага насельніцтва. Фарміраваўся новы сацыяльны пласт: у адрозненне ад асноўнай масы сельскіх жыхароў, занятых натуральнай гаспадаркай (калгаснікаў, што атрымлівалі, пераважна, працадні, і аднаасобнікаў, якія жылі за кошт рэалізацыі ўласнай прадукцыі), рабочыя і служачыя мелі істотныя сацыяльна-эканамічныя перавагі ў тагачасных умовах. Іх становішча адрознівалася магчымасцю атрымліваць стабільны грашовы заробак, што, хоць і не гарантавала высокага дабрабыту, але дазваляла купляць прамысловыя тавары і дапаўняць харчаванне за кошт пакупкі прадуктаў.

Што датычыцца колькасці сельскага насельніцтва на 1 студзеня 1948 года, то меліся праблемы з дакладным вызначэннем, у першую чаргу, механічнага прыросту. Справаздачы статыстычных аддзелаў фіксавалі недакладнасці ў працы па ўліку з боку сельскіх саветаў, асабліва ў Заходняй Беларусі. Акрамя таго, у памежных раёнах, напрыклад, па Брэсцкай вобласці, улік механічнага перамяшчэння насельніцтва вёўся толькі ў пашпартызаваных раёнах (5 з 14). Асобнай праблемай стаў улік дзяцей і падлеткаў. Напрыклад, па інфармацыі сельскіх саветаў па Брэсцкай вобласці дзяцей ва ўзросце ад 7 да 15 гадоў налічвалася 95 488, а па інфармацыі абласнога аддзела адукацыі на пачатак навучальнага года (1947/48 г.) – 61 886 чалавек¹⁷. Улік аддзела народнай адукацыі фарміраваўся падчас апытання настаўнікамі глаў сямей. Прычым былі выяўлены цікавыя тэндэнцыі адносна таго, што сяляне імкнуліся не называць дакладны ўзрост сваіх дзяцей, каб пакінуць іх у гаспадарцы для працы. Акрамя таго, дакументы Цэнтральнага статыстычнага ўпраўлення БССР адзначаюць, што значная колькасць насельніцтва не мела метрык.

Дэмаграфічная сітуацыя ў краіне адбілася на поларолевай ідэнтыфікацыі і ўяўленнях аб прафесійных ролях мужчыны і жанчыны. У перыяд пасляваеннага аднаўлення дзяленне на “мужчынскія” і “жаночыя” прафесіі, якое складалася пад уплывам сфарміраваных у міжваенны перыяд гендэрных стэрэатыпаў, пэўным чынам нівеліравалася. У паваяныя гады жанчынам прыйшлося асвойваць і працаваць практычна па ўсіх спецыяльнасцях і прафесіях, якія ў мірны час займалі мужчыны. Жанчыны працавалі трактарыстамі, шафёрамі і г.д. Асобна трэба адзначыць кадравы склад адміністрацыйнай вертыкалі ў паваяны час. Адсутнасць неабходнай колькасці партыйна-савецкіх работнікаў вымушала прызначаць на кіруючыя пасады розных ўзроўняў (ад сельскага савета да рэспубліканскага) жанчын.

¹⁴ Дзяржаўны архіў грамадскіх аб'яднанняў Магілёўскай вобласці – Ф. 9. Воп. 9. Спр. 29. – Л. 14.

¹⁵ Дзяржаўны архіў грамадскіх аб'яднанняў Магілёўскай вобласці – Ф. 9. Воп. 9. Спр. 29. – Л. 34.

¹⁶ НАРБ. – Ф. 30. Воп. 5. Спр. 1701. – Л. 58.

¹⁷ Там жа. – Л. 59.

Напрыклад, за 1948 г. па Полацкай вобласці на кіруючую работу было прызначана 190 жанчын, з іх 98 – на савецкую, 29 – на гаспадарчую, 63 – на кааператыўную [3, с. 22]. Біяграфічныя наратывы пра пасляваенную рэчаіснасць таксама фіксуюць гэтую асаблівасць. Так, за Асвейшчынай у калектыўнай памяці насельніцтва рэгіёну замацавалася ўспрыманне яго як “жаночай рэспублікі” – амаль усе ключавыя пасады займалі жанчыны, нават пасаду пракурора.

У Заходняй Беларусі назіралася тэндэнцыя прызначэння на кіруючыя пасады выхадцаў з Усходняй Беларусі. Паказальнай з’яўляецца інфармацыя з дакладной запіскі аб выкананні пастановы ЦК КП(б)Б ад 29 кастрычніка 1946 г. “Пра работу Гродзенскага абкама КП(б)Б у сферы падбора на кіруючую работу людзей з мясцовага насельніцтва (22 мая 1947 г.)”¹⁸. У дакуменце адзначалася, што існаваў недавер да мясцовых жыхароў і гэта адбівалася на кадравых рашэннях. Так, на пасады, якія ўваходзілі ў наменклатуру абкама КП(б)Б, з 1921 пасады было 280 чалавек мясцовых жыхароў. У асобных раёнах вартунікамі школ і сельпо падбіралі выключна людзей, якія прыехалі з усходніх абласцей. У Гродзенскай вобласці з 222 сельскіх саветаў толькі ў 100 старшынямі працавалі мясцовыя жыхары. Неабходна адзначыць, што спецыфіка Заходняй Беларусі ў першыя паваяенныя гады накладвала адбітак і на выкананне службовых абавязкаў, што адлюстроўваюць дакументы справаводства мясцовай улады: “Исполком райсовета не нацеливает сельсоветы на самостоятельное решение ими задач, а занимается простой подменой их. Председатели сельсоветов ждут “команды” из района и уполномоченных, без чего зачастую самостоятельно не решают вопросы” [4, с. 268]. Разам з тым, калі казаць пра агульную лічбу, то адзначаны дакумент утрымлівае інфармацыю пра тое, што на 25 красавіка 1947 г. на кіруючых пасадах у савецкіх, гаспадарчых і гандлёвых арганізацыях Гродзенскай вобласці працавала да 6000 мясцовых жыхароў¹⁹.

Для вырашэння задач, якія паўсталі перад краінай у аднаўленчы перыяд, патрабаваліся вялізныя матэрыяльныя і працоўныя рэсурсы. Усё гэта запатрабавала ад людзей максімальнай самааддачы і напружання, што не магло негатыўна не адбіцца на дэмаграфічнай сітуацыі таго часу: на працягласці жыцця, стане здароўя, тэмпах узнаўлення, сямейна-шлюбных адносінах.

Заклучэнне. Пасляваенная беларуская вёска перажывала глыбокія сацыяльныя і дэмаграфічныя змены, абумоўленыя наступствамі Вялікай Айчыннай Вайны, аднаўленнем народнай гаспадаркі і савецкай мадэрнізацыі сельскай гаспадаркі. Рэха вайны лягло цяжарам на пакаленні людзей, змяніўшы пола-ўзроставую структуру, рысы шлюбнага і сямейнага становішча. Катастрафічная колькасць забітых і знявечаных стала прычынай узнікнення дэмаграфічных ям з доўгатэрміновымі наступствамі для мясцовага насельніцтва. На паступовае павелічэнне колькасці насельніцтва ў першыя гады пасля вызвалення ўплываў шэраг фактараў: натуральны прырост (па матэрыялах ЗАГС), механічны прырост (па даных органаў міліцыі), вяртанне дэмабілізаваных і рэпатрыянтаў, перасяленне з Польшчы ці ў Польшчу, працоўная мабілізацыя і міграцыя.

Сацыяльная структура сельскага насельніцтва Беларусі ў першыя пасляваенныя гады (1945–1948 гг.) характарызавалася істотнымі рэгіянальнымі адрозненнямі. Агульная дынаміка суадносін сацыяльных груп да пачатку масавай калектывізацыі (1949 г.) заставалася адносна стабільнай. Штомесечныя статыстычныя справаздачы дзяржаўных і партыйных органаў фіксавалі павольныя змены, але не кардынальныя зрухі. Сітуацыя змянілася ў канцы 1940-х гг., калі з актывізацыяй тэмпаў калектывізацыі на тэрыторыі былой Заходняй Беларусі рэзка скарацілася колькасць сялян-аднаасобнікаў на карысць калгаснага сектара. Паралельна назіраўся значны прырост колькасці рабочых і служачых у сельскай мясцовасці, асабліва прыкметны ў заходніх абласцях, дзякуючы стварэнню шырокай сеткі МТС і іншых дзяржаўных прадпрыемстваў. Гэты працэс спрыяў знікненню рэгіянальных адрозненняў і фарміраванню аднароднай сацыяльнай стратыфікацыі, тыповай для ўсёй тэрыторыі БССР. Асаблівасцю заходніх абласцей стаў больш рэзкі пераход ад традыцыйнай сялянскай структуры да савецкай мадэлі з перавагай калгаснага сектара і сельскай інтэлігенцыі.

Дэмаграфічная сітуацыя ў краіне адбілася на поларолевай ідэнтыфікацыі і ўяўленнях аб прафесійных ролях мужчыны і жанчыны. У 1950-я гг. пачаўся адток моладзі ў гарады на будаўніцтвы або заводы, што паскорыла старэнне вёскі. Дзяржаўнае рэгуляванне рэпрадуктыўнай сферы ў перыяд пасляваеннага аднаўлення ажыццяўлялася не толькі з дапамогай матэрыяльнай падтрымкі, але і праз нарматыўныя абмежаванні.

ЛІТАРАТУРА

1. Белязо А.П. Беларуская вёска ў пасляваенныя гады (1945 – 1950). – Мінск : Выд-ва БДУ, 1974. – 176 с.
2. Жиромская В.Б. Жизненный потенциал послевоенных поколений в России: историко-демографический аспект: 1946 – 1960 / отв.ред. Ю.А. Поляков. – М. ; Берлин : Директмедиа Паблишинг, 2020. – 310 с.
3. Барабаш Н.В. Роль женщины в послевоенном развитии сельского хозяйства в Беларуси. 1944 – 1950-е гг. // 1941 год: трагедия и героизм советского народа / редкол.: В.П. Скок (отв. ред.). – Минск : БГПУ, 2022. – 159 с.
4. Послевоенное развитие Глубокского района: 1944 – 1950 гг.: док. и материалы / сост. Н.А. Боровик и др. – Минск: Медисонт, 2010 – 424 с.

Паступіў 04.05.2025

¹⁸ НАРБ. – Ф. 4-п. Воп. 29. Спр. 566. – Л. 212–214.

¹⁹ НАРБ. – Ф. 4-п. Воп. 29. Спр. 566. – Л. 213.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БЕЛОРУССКОЙ ПОСЛЕВОЕННОЙ ДЕРЕВНИ

канд. ист. наук, доц. **Е.В. СУМКО**

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

Рассматривается социально-демографическая структура послевоенной белорусской деревни. Основное внимание уделяется анализу изменений в численности и составе сельского населения, занятости, миграционных процессах, а также возрастно-гендерной и социальной трансформации сельского сообщества. В качестве источников выступили как архивные документы, так и материалы устной истории.

Ключевые слова: *послевоенная деревня, устная история, демография, социальная структура.*

SOCIO-DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS OF THE BELARUSIAN POST-WAR VILLAGE

E. SUMKO

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The socio-demographic structure of the post-war Belarusian village is examined. The main focus is on analyzing changes in the size and composition of the rural population, employment, migration processes, as well as age-gender and social transformation of the rural community. The sources included both archival documents and oral history materials.

Keywords: *post-war village, oral history, demography, social structure.*

УДК 908-047.24:351.853(476.5)

DOI 10.52928/2070-1608-2025-75-3-71-75

**ОБЩЕСТВЕННОЕ ПОИСКОВОЕ ДВИЖЕНИЕ В ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI В.**

*канд. ист. наук, доц. Н.В. ПИВОВАР
(Витебское кадетское училище)*

Поисковое движение являлось важным элементом общественной жизни в СССР во второй половине XX века и продолжает играть существенную роль в суверенной Беларуси. Первоначально оно проявлялось в форме движения «Красных следопытов», а с середины 1980-х гг. – в деятельности многочисленных поисковых отрядов, групп, клубов, которые проводили раскопки на местах бывших боев и содействовали достойному перезахоронению погибших воинов советской армии. Новое развитие поисковые движения получили в связи с расследованием дела о геноциде белорусского народа. В статье анализируются основные достижения, проблемы, перспективы общественного поискового движения в Витебской области как региона, в котором зародились одни из первых общественных поисковых организаций, преобразованные затем в республиканскую ассоциацию «Пошук». На Витебщине проводилась особенно активная работа. Приводится краткая история движения в области, упоминаются наиболее активные поисковики, которые внесли значительный вклад в дело поиска и увековечения памяти погибших защитников Отечества. Исследуются основные формы и методы деятельности поисковиков, региональные особенности. Предложены возможные пути решения некоторых имеющихся проблем в данной сфере, повышения качества работы поисковых объединений.

Ключевые слова: *поисковое движение, военно-мемориальная работа, военно-архивная работа, «красные следопыты», поисковые клубы, увековечение памяти защитников Отечества, пропавшие без вести, поисковый клуб «Разведчики воинской славы», БРА «Пошук».*

Введение. Общественное поисковое движение в СССР зародилось сразу после войны как действия по установлению мест, обстоятельств гибели, судеб погибших бойцов РККА и проводился, главным образом, родственниками погибших. В силу некоторых обстоятельств его развитие было ограничено. Массовым движением поиск становится в 1960-е гг. и связан, в первую очередь, с деятельностью «красных следопытов» и ветеранских организаций. Специальной государственной структуры, которая бы занималась вопросами поиска пропавших без вести, создано не было. В нашей статье «Общественные организации в поисковом движении в Витебском районе» и книге [1; 2] мы попытались показать роль государственных органов и общественных объединений в поисковом движении на примере одного района. В этой статье мы ставим целью осветить роль общественных организаций в поисковой деятельности в Витебской области во второй половине XX – начале XXI вв., как в регионе, в котором проводилась активная военно-мемориальная работа, зародилась и действовала республиканская поисковая организация. В освещении этой темы мы обратились к непосредственным участникам поискового движения: поисковым клубам, группам и их лидерам, которые действовали в регионе в изучаемый период.

Под поисковой работой мы понимаем проведение архивно-исследовательских и полевых поисковых работ в целях увековечения памяти о погибших при защите Отечества и сохранения памяти о жертвах войн¹. В его развитии в Витебской области, как и в Беларуси в целом, на наш взгляд, можно выделить несколько этапов: первый – 1960-е – начало 1980-х гг., когда в стране действовало движение «Красных следопытов»; второй, – 1985–1995 гг., которое условно можно называть «золотым» десятилетием общественного поискового движения. Третий, который длится с 1995 г. по наши дни и характеризуется созданием государственной системы увековечения во главе с Управлением по увековечению Министерства обороны и 52 ОСПБ, характеризуется усилением роли государства, упорядочением и регламентацией деятельности общественных объединений в поисковой деятельности. В связи с расследованием дела о геноциде белорусского народа происходит активизация деятельности общественных поисковых объединений в контексте государственной политики увековечения, что позволяет, возможно, говорить о новом этапе в развитии поискового движения.

Основная часть. Еще в 1960-е гг. зарождается движение «Красных следопытов». Клубы и группы, возглавляемые энтузиастами, как правило, учителями, существовали в разных регионах Беларуси. К числу самых известных отнесем группы Н. Михея (Минск), И. Макеевой (Гродно), Л. Чижик (Минск), М. Горевского (Гомельщина) и др. На Витебщине можно выделить несколько центров, в первую очередь Витебск, Новополоцк, Оршу. Еще в 1968 г. в Новополоцке Е.А. Трапезниковой была организована поисковая группа «Разведчики воинской славы» в СШ № 2, которая в 1985 г. была преобразована в военно-патриотический клуб (ВПК). Активно будет вовлечен в поисковую деятельность созданный А.А. Бурдо в 1983 г. в ПТУ № 19 г. Витебска клуб «Поиск», который занимался изучением истории 251-й СД. Итогом их работы стало создание музея 251-й СД, установка ряда памятных знаков, увековечение имен сотен красноармейцев, погибших под Витебском. В Витебске в ПТУ

¹ «Об увековечении памяти о погибших при защите Отечества и сохранении памяти о жертвах войн»: Указ Президента Республики Беларусь № 109 от 24 марта 2016 г. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P31600109>.

№ 96 участники туристического клуба «Искатель» с начала 1980-х гг. занялись изучением истории 953-го Витебского штурмового авиаполка, поиском мест гибели экипажей, установлением судеб летчиков, организацией музея. Инициатор этой деятельности стала Л.Н. Бруева.

К концу 1980-х гг. На Витебщине возникнет несколько десятков поисковых отрядов, главным образом при учреждениях образования, которые будут проводить значительную работу на «вахтах памяти» путем осуществления военно-архивного розыска.

Важным этапом в становлении и развитии поискового движения в Беларуси стало создание *Ассоциации поисковых клубов Витебской области* (1990), на основе которой была создана Белорусская республиканская ассоциация поиска и увековечения памяти защитников Отечества и жертв войны «Пошук» (1994–2008)². Деятельность этой организации – пик развития общественного поискового движения. В его состав входило 25 поисковых отрядов и групп: 10 из Витебской, 9 из Могилевской, 5 Минской, 1 из Гродненской областей³. Основными направлениями деятельности ассоциации являлись: установление имен и судеб, поиск родственников защитников Отечества, работа по увековечению памяти защитников Отечества, пополнение Книг Памяти. Ежегодно проводились командировки в Центральный архив министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО) с целью установления имен погибших советских солдат на территории регионов области. Основными целями БРА являлись сохранение и увековечивание памяти павших защитников Отечества и жертв войн, воспитание подрастающего поколения на принципах высокой гражданственности и патриотизма, формирование его активной жизненной позиции. Основными задачами организации были объединение патриотических формирований молодёжи для ведения всех видов поисковой и исследовательской деятельности, направленной на выявление судеб, имён граждан, погибших или пропавших без вести при защите Отечества, а также жертв войн, сохранение памяти о них, координация деятельности патриотических формирований для выполнения работ по увековечиванию памяти защитников Отечества и жертв войн, оказание помощи школам, профтехучилищам, внешкольным учреждениям образования в создании патриотических формирований, организации туристско-краеведческой работы, участие в разработке и реализации областных и республиканских программ увековечивания памяти защитников Отечества и жертв войн, оказание консультационных услуг населению и воинским специализированным поисковым формированиям в вопросах увековечивания памяти защитников Отечества и жертв войн⁴.

Основными формами работы объединения назывались:

- проведение работ по поиску и увековечению павших защитников Отечества (с 1995 г., в том числе, на территории Российской Федерации);
- организация патриотических лагерей, «вахт памяти»;
- исследовательская работа в архивах;
- сбор материалов для создания автоматизированного банка данных «Книга памяти Республики Беларусь»;
- установление имен павших защитников Отечества и поиск их родственников;
- оказание помощи родственникам погибших и пропавших без вести в поиске мест захоронения;
- создание общественных музеев;
- строительство памятных знаков;
- проведение слетов, семинаров, конференций, акций, эстафет памяти⁵.

Белорусская республиканская ассоциация «Пошук» выступала организатором ряда конференций, семинаров, смотров, лагерей, слетов, соревнований поисковой направленности. Особо отметим организацию 1-го поискового лагеря учреждений образования в 1990 г., который сыграл важную роль в развитии поискового движения на Витебщине. По инициативе БРА проводилось возведение обелисков, памятников, мемориальных досок. Наиболее активными являлись ВПК «Поиск», «РВС», «Гвардия», «Правда войны» и др. Однако, после запрета на участие в раскопках учащихся, деятельность общества постепенно затихает в силу ряда объективных и субъективных причин. С сентября 1997 по июнь 2000 г. во всех районах Витебской области проводилась Эстафета патриотических дел, «По местам боев операции "Багратион"» (1997, 1999, 2004, 2009, 2010 гг.). Проводилась Международная экспедиция «Вспомним всех поименно». С сентября 2000 г. по июнь 2004 г. во всех районах Витебской области проводилась эстафета «Мир в XXI век!». С октября 2011 г. в Витебской области проводилась Международная экспедиция «Не было безымянных солдат».

За время существования республиканской ассоциации «Пошук» было поднято и захоронено около 6 тысяч павших защитников Отечества (на территории Республики Беларусь до 1995 г.) Установлено более 18 тысяч фамилий погибших. На территории Витебской области было поднято 9 погибших в годы войны самолётов, установлены имена их экипажей. Из р. Лучеса была поднята и установлена на пьедестал у СШ-43 г. Витебска башня танка Т-70, в Краеведческий музей было передано поднятое со дна озера орудие ЗИС-3. Установлено около 30 памятных знаков, обелисков и мемориальных досок, 8 музеям боевой славы, на базе которых работают поисковые отряды, было присвоено наименование «Народный».

² URL: <http://www.pobeda.witebsk.by/poisk/info/>.

³ URL: <https://forum.vgd.ru/post/192/16995/p461403.htm>.

⁴ Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 575. Оп. 1. Д. 33. – Л. 7–18.

⁵ ГАВО. – Ф. 575. Оп. 1. Д. 32. – Л. 2.

В силу ряда причин, в том числе и отсутствия финансовых средств, необходимых для деятельности организации, ОО БРА «Пошук» было ликвидировано (прекратило деятельность) в 2007 г.⁶, существенную роль в ликвидации организации сыграли и субъективные факторы.

Однако оставались отряды и люди, которые желали продолжать работу, поэтому было принято решение о создании Витебского регионального центра героико-патриотического воспитания молодежи «Пошук» (**Центр «ПОШУК»**) при учреждении культуры «Витебский областной музей Героя Советского Союза М.Ф. Шмырёва» (далее – Музей). Учредительная конференция состоялась 15 декабря 2007 г. На конференции был избран координационный совет в количестве 5 человек: Л.Н. Бруева, И.А. Шишкова, А.А. Бурдо, Л.Л. Большакова, Н.А. Спрингер⁷. В соответствии с разработанным уставом Центр «ПОШУК» не являлся юридическим лицом, а действовал как молодёжная добровольная общественная структура Музея. Цели деятельности Центра «ПОШУК» совпадали с целями и задачами БРА «Пошук»: увековечивание памяти защитников Отечества и жертв войн, сохранение исторической памяти, героико-патриотическое воспитание молодежи на основе сотрудничества с государственными органами и общественными организациями. Отметим лишь две новые задачи, обусловленные спецификой Музея, который стал «базой» для работы центра: сбор материалов и исторических реликвий для пополнения государственных и общественных музеев и сохранение исторической памяти путём участия в создании автоматизированного банка данных «Книга Памяти Республики Беларусь»⁸. Однако, деятельность Центра оказалась не долгой и как центр общественного поискового движения он на сегодняшний день не существует.

Деятельность поисковых клубов. Рассмотрев формы, методы, достижения БРА «Пошук», имеет смысл рассмотреть и деятельность самых активных организаций, которые входили в её состав.

Самой значительной общественной поисковой организацией, которая продолжает свою деятельность на территории Витебской области является местный военно-патриотический фонд поискового отряда «Разведчики Воинской Славы». В деятельности организации можно выделить два этапа. Первый связан с работой Е.А. Трапезниковой, которая ещё в 1968 г. организовала одноименную поисковую группу в СШ № 2 г. Новополоцка, а в 1985 г. преобразовала её в ВПК «РВС». Второй этап начался в 2012 г., когда отряда был зарегистрирован в Минюсте как местный ВПФ, организатором которого стала С.В. Комогорцева, а заместитель командира отряда – В.В. Заворотный. Штаб-квартира организации находится в Новополоцке. Основой отряда стали бывшие участники поискового отряда «РВС», действовавшего на базе СШ № 2 г. Новополоцка в 1970–2010-е гг. под руководством Е.А. Трапезниковой. В современном поисковом отряде состоит 26 человек из Новополоцка, Витебска, Лиды, Городка, Браслава, Витебского района. Практически все члены клуба – краеведы, историки, бывшие военные, рабочие, служащие, – люди, для которых поиск павших в боях стал образом жизни и зовом сердца. Они изучают документы, проводят разведку на местности, участвуют вместе с 52-м ОСПБ в эксгумации останков павших солдат, перезахоронениях. Вся деятельность осуществляется за счет собственных средств, проводится в личное время. Участники клуба проводят исследования и участвуют в вахтах памяти по всей стране и на территории Российской Федерации. Особое внимание уделяется, конечно, региону проживания – Полотчине, в первую очередь, истории и исследованиям ДОТов Полоцкого укрепрайона. Клуб имеет свой сайт, на котором представляются основные итоги деятельности, материалы о раскопках в СМИ. Особое внимание привлекла находка членами клуба тетради военного врача лагеря для военнопленных «Шталаг-354», благодаря которой удалось установить имена 409 узников лагеря.

Одним из первых поисковых отрядов на Витебщине был клуб «Поиск» ПТУ-19 г. Витебска, образованный в 1983 г., а в 1988 г. перерегистрированный в военно-патриотический клуб «Поиск» ПТУ № 19 г. Витебска. Инициатором его создания стал Анатолий Алексеевич Бурдо, заместителем командира был И.А. Хмельков. Участники клуба задействовались в раскопках на местах боев во время проведения «вахт памяти», перезахоронении погибших воинов в ряде районов Витебщины: на Тихмяновской высоте (1988, д. Бабиновичи Лидзенского района), дд. Новое село и Шабаны (1988, Дубровенский район), д. Лебеды (1989, Витебский район), д. Батали (1990, Городокский район), д. Тхорино (1990, Дубровенский район), дд. Орлово, Шарки, Шапечино (1991, Витебский район), на территории бывшего немецкого к/л «5-й полк» (1991, г. Витебск), в 1991 г. в ряде населенных пунктов Глубокского и Ушачского районов, д. Копти (1992, Витебский район), г. Полоцке (1993), в 1993 и 1995 гг. – в Лидзенском районе, в районе р. Лучеса (1994, 1995, Витебский район), д. Кузюреньки (1996, Городокский район), ряде «вахт памяти» на территории России. На протяжении ряда лет члены клуба проводили командировки в ЦАМО РФ (Подольск) с целью выявления материалов о боях и потерях на территории Витебщины. На основе выявленной информации, полученной в ходе раскопок и архивной деятельности, при ПТУ № 19 был открыт музей боевой славы Витебской Краснознаменной ордена Суворова 251-й стрелковой дивизии. По инициативе и на средства членов клуба на территории Витебщины и некоторых районов Российской Федерации были установлены более 20 памятных знаков на местах памяти о ВОВ, в том числе памятник воинам 251-й СД во дворе Витебского государственного профессионально-технического колледжа (2000), на месте расстрелов подпольщиков, партизан и мирных жителей у д. Улановичи (2001), памятник воинам 251-й СД в районе д. Липовцы (Дыманово-2), мемориального знака «Лучеса» воинам 5-й, 33-й и 39-й Армий в д. Шапечино Витебского района (2003), памятник 1200 погибшим воинам 251-й СД у д. Шарки (2009), поклонный крест на братской могиле в д. Санники (2014) и др.

⁶ ГАВО. – Ф. 575. Оп. 1. Д. 33. – Л. 104.

⁷ Там же. – Л. 24.

⁸ Там же. – Л. 12–13.

С начала 1980-х гг. активно в поиск мест гибели самолетов, установлением судеб летчиков включился ВПК «Искатель» ПТУ № 96 г. Витебска под руководством Л.Н. Бруевой.

Особую роль в истории поискового движения Витебщины сыграл Оршанский поисковый клуб «Русичи». Создан он был 5 мая 1988 г на базе Оршанского ГПТУ № 110 строителей. Руководителем стал Г.С. Шарай. Заместители – В.П. Ермолаев и А.Н. Кудин. Члены отряда в основном проводили раскопки на территории Дубровенского, Оршанского районов Витебской области, принимали участие в «вахтах памяти» на территории РФ. Клуб принимал участие в ряде «вахт памяти» на территории Витебщины, в том числе: в мае 1988 г. в раскопках у дд. Шабаны, Лобаны, Рыленки; в мае 1989 г. – у дд. Россосно, Новое Село; в сентябре 1989 г. – у дд. Шабаны, Осинторф; в мае 1990 г. – у дд. Буряя, Вальково, Погодины, Понизовье, Боброво; сентябрь 1990 – г.п. Осинторф, д. Гончарово; в октябре 1991 г. – д. Красная Слобода; май, июнь, август 1992 г. – дд. Кириево, Шабаны; апрель-май 1993 г. – дд. Понизовье, Новое Село; в июне 1993 г. – г. Орша; в июне 1994 г. – д. Новое Село; июль 1994 г. – д. Роский Селец, Зайцево; сентябрь 1994 г. – ст. Орша; в апреле-мае 1995 г. – дд. Боброво, Яковлевичи; в сентябре 1996 г. – д. Стайки; в ноябре 2002 г. – в перезахоронении в д. Понизовье.

За время существования члены клуба установили более 6 тысяч фамилий погибших воинов, приняли участие в перезахоронении 1200 солдат Красной Армии. Содействовали установке памятных знаков и мемориальных плит на мемориальном комплексе «Рыленки» Дубровенского района, на зданиях железнодорожных станций Орша, Бурбин Сенненского района, бывшей тюрьмы для советских военнопленных в Орше, местах расстрела 400 патриотов Оршанщины и воинов Красной Армии, захоронения воинов-танкистов 63-го отдельного гвардейского танкового полка прорыва. Клубом было инициирована установка памятников на местах гибели 5000 советских военнопленных в Орше, на захоронении 29000 воинов, погибших при защите и освобождении Орши, на могиле 58 воинов 192-й СД в д. Кудаево Оршанского района, памятника жертвам политических репрессий в д. Андреевщина [3]. Часть наработанных за многие годы материалов по деятельности клуба его руководитель Г. Шарай оформил в книге «Земля умеет говорить», изданной в Полтаве в 2011 г. Она была издана на средства генерал-лейтенанта А.В. Звонарева, дядя которого, Сериков Николай Данилович, погиб при освобождении Дубровенщины и чьи последние следы на земле отыскиали «Русичи». В 2021 г. это издание было доработано, дополнено и переиздано в Оршанской типографии в 3 томах. В третьем томе, в разделе «Русичи» [3, с. 83–177] содержатся материалы по истории ПК «Русичи» – устав и гимн клуба, письма родственников погибших воинов, имена которых удалось установить членам клуба [3, с. 88–94], выдержки из книги посетителей музея клуба, приветственные адреса в честь юбилеев клуба, переписка с государственными органами (в том числе письмо Л. Брежневу).

Отдельно отметим отряд «Правда войны», созданный сварщиком ПО «Монолит» Д.Л. Братановым, который тщательно исследовал места бывших боев на территории Витебщины (Витебский, Лиозненский районы), и, что очень важно, аккуратно заполнял акты о проведении эксгумационных работ и перезахоронении останков погибших солдат: протоколы эксгумации, акты эксгумации незарегистрированных захоронений защитников Отечества и жертв войн, отчеты о проделанной работе, командировочные предписания и др. документы, которые сохраняются в личном фонде Л.Н. Бруевой и являются ценнейшими документами истории поискового движения области и увековечения памяти защитников Отечества. Членами отряда были подняты останки десятков бойцов РККА, погибших в годы войны на Витебщине, а затем с достойными почестями преданы земле.

Объем статьи не позволяет привести сведения о деятельности других поисковых отрядов Витебщины, перечислим лишь их названия: военно-патриотический клуб г. Витебска «Искатель» ПТУ № 96 (Л.Н. Бруева), ПО «Поиск» СШ № 43 г. Витебска (Т.П. Марчик), ПО «Эхо войны» УО ГООВР (В.Б. Мусорин), ПО «Правда войны» (Д.Л. Братанов), «Витязь», «Витьбичи» (О.Г. Кирпиченко), «Лучёса» (Ю.Г. Богомолов), «Риф» (С.Е. Солодкий), «Минувшее», «Сталкер» (С.Э. Элькин), «Отчизна» и др. Некоторое время существовал военно-исторический клуб «Багратион» УО ГООВР (А.В. Гомонов). В Новкинской СШ Витебского района действовал историко-патриотический клуб «Славяне» (А.И. Павлова, Н.В. Яскевич), в Рубовской СШ Витебского района – ПО «Поисковик» (В.К. Белоус), в Орше – ВПК «Гвардия» (Н.В. Абрамович), ПО «Нашчадки» СШ № 4 г. (В.М. Кузьменков). В Бешенковичском районе недолгое время существовали ПО «Беркут» (г. Бешенковичи, А.В. Хрипченко), ПО «Память» Улльской СШ (А.В. Новиков Анатолий). В Осинторфской СШ Дубровенского района действовал ПО «Юрьев остров» (Н.А. Картасова), в Шарковщинском районе функционировала группа «Пошук» (М. Райченко)⁹.

Всего в Витебской области в 1990 – начале 2000-х гг. действовало более 30 поисковых клубов, отрядов, групп. Большинство из них, к сожалению, прекратили свою работу по ряду объективных и субъективных причины. Определенную роль сыграло и ограничение на участие членов общественных объединений в археологических раскопках. Упростила участие в раскопках членов общественных организаций «Инструкция о порядке проведения полевых поисковых работ с участием членов общественных объединений и граждан»¹⁰. В связи с расследованием дела о геноциде белорусского народа число отрядов снова стало расти, роль их в поисковом движении увеличивается, однако, это – тема для отдельного исследования.

Заключение. Таким образом, поисковое движение Витебщины сыграло важную роль в деле увековечения памяти защитников Отечества и жертв войны, установлении имен пропавших без вести, мемориализации событий войны. Во второй половине 1980-х гг. именно в регионе зародились первые поисковые отряды, которые активно

⁹ ГАВО. – Ф. 575. Оп. 1. Д. 24. – Л. 3.

¹⁰ URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=W21732512/>.

включились в работу на местах бывших боев, подъём останков советских воинов и их перезахоронение. Первые «вахты памяти» были проведены на территории Витебского, Дубровенского районов. По инициативе Л.Н. Бруевой на базе Витебского областного центра внешкольной работы была создана витебская областная поисковая организация, на основе которой в 1990-е гг. была сформирована белорусская республиканская ассоциация «Пошук». Поисковыми отрядами региона со второй половины 1980-х гг. по наши дни (с 1995 г. под руководством 52 ОСПБ) поднято и захоронено около 6 тысяч павших защитников Отечества, установлены более 18 тысяч фамилий погибших солдат, возведены около 30 памятных знаков, обелисков и мемориальных досок. В учреждениях образования области была создана система патриотической работы, основу которой составляли поисковые отряды, музеи боевой славы, на базе которых организована работа по увековечению. Созданная в 1990-е гг. система военно-мемориальной работы за время существования претерпела значительные изменения, но и сейчас является важным элементом воспитания и способствует передаче памяти поколений о событиях Великой Отечественной войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пивовар Н.В. Общественные организации в поисковом движении в Витебском районе // Віцебскі край: матэрыялы VII Міжнар. навук.-практ. канф., прысв. 385-годдзю выхаду Году народнага адзінства, 25 ліст. 2021 г., Віцебск / рэдкал.: Т.М. Адамян (гал. рэд.). – Мінск : Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2021. – Т. 7. – 623 с. – С. 166–172.
2. Пивовар Н.В. Это надо живым: поисковое движение в системе военно-мемориальной работы в Витебском районе. – Минск: ИВЦ Минфина, 2024. – 102 с.
3. Шарай, Г.С. Земля умеет говорить... – Полтава: «Оріяна», 2011. – 408 с.

Поступила 22.04.2025

PUBLIC SEARCH MOVEMENT IN THE VITEBSK REGION

N. PIVOVAR
(Vitebsk Kadet school)

The search movement was an important element of public life in the USSR in the second half of the 20th century and continues to play a significant role in sovereign Belarus. Initially, it manifested itself in the form of the Red Pathfinders movement, and since the mid-1980s, in the activities of numerous search parties, groups, and clubs that carried out excavations at the sites of former battles and contributed to the dignified reburial of fallen soldiers of the Soviet army. The search movements received new development in connection with the investigation of the case of the genocide of the Belarusian people. The article analyzes the main achievements, problems, and prospects of the public search movement in the Vitebsk region as a region in which some of the first public search organizations emerged, later transformed into the republican association "Poshuk". Particularly active work was carried out in the Vitebsk region. A brief history of the movement in the region is given, and the most active searchers who made a significant contribution to the cause of searching for and perpetuating the memory of fallen defenders of the Fatherland are mentioned. The main forms and methods of search engines' activities and regional characteristics are studied. Possible solutions to some existing problems in this area and to improve the quality of work of search associations are proposed.

Keywords: search movement, military memorial work, military archival work, "red pathfinders", search clubs, perpetuation of the memory of the defenders of the Fatherland, missing persons, search club "Scouts of Military Glory", BRA "Poshuk".

УДК 392.1(476)

DOI 10.52928/2070-1608-2025-75-3-76-83

**РАДЗІННА-ХРЭСЬБІННАЯ АБРАДНАСЦЬ СТАРАВЕРАЎ ПАЎНОЧНА-ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ
(ПА МАТЭРЫЯЛАХ ПАЛЯВЫХ ДАСЛЕДАВАННЯЎ ПАЧАТКУ ХХІ СТ.)****канд. гіст. навук, дац. У.Я. АЎСЕЙЧЫК****(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт імя Еўфрасінні Полацкай)****ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6433-0039>**

У артыкуле разгледжана радзінная абраднасць стараверскага насельніцтва Паўночна-Заходняй Беларусі ў другой палове ХХ – пачатку ХХІ ст. Асновай для работы стаў комплекс фальклорна-этнаграфічных матэрыялаў, зафіксаваных у рэгіёне ў ходзе палявых даследаванняў. Разгледжана структура радзінна-хрэсьбіннай абраднасці, вылучаны асноўныя этапы і часткі абрадавага комплексу, ахарактарызаваны асаблівасці рытуальных дзеянняў і звязаныя з імі ўяўленні. Прасочана эвалюцыя радзінна-хрэсьбіннай абраднасці старавераў у другой палове ХХ – пачатку ХХІ ст.

Ключавыя словы: радзінная абраднасць, стараверы, Паўночна-Заходняя Беларусь, рытуал, хрэсьбіны, эвалюцыя.

Уводзіны. Вывучэнне абраднасці з’яўляецца адной з актуальных задач этналагічнай навукі. Гэта абумоўлена той акалічнасцю, што абрадавы комплекс адносіцца да ліку асабліва ўстойлівых элементаў этнічнай культуры. Ён найбольш істотна адлюстроўвае спецыфічныя рысы этнасаў ці асобных этнічных груп, якія пражываюць у іншаэтнічным акружэнні, а таму вывучэнне этнакультурнай спецыфікі этнічных супольнасцей не абыходзіцца без аналізу гэтай часткі іх культуры. Сярод усяго комплексу абраднасці выключнае месца займаюць рытуалы сямейнага цыклу, якія вылучаюцца найбольшай захаванасцю, а таму і больш інфарматыўныя ў выяўленні адметнасцей этнічных супольнасцей.

Дадзеная праца прысвечана разгляду радзіннай абраднасці старавераў-беспапоўцаў, якія пражываюць у паўночна-заходнім рэгіёне Беларусі. У беларускім народназнаўстве радзінная абраднасць не адносіцца да ліку нераспрацаваных тэм. Аднак гэта ў пераважнай ступені датычыцца беларускага этнасу. У той жа час гэтая частка народнай культуры этнічных груп Беларусі да нашага часу не знайшла належнага адлюстравання ў навуковых даследаваннях. У поўнай ступені гэта датычыцца і стараверскага насельніцтва Беларусі. Некаторыя аспекты радзіннай абраднасці старавераў Беларусі паспрабавала разгледзець Т.І. Хурсан у навукова-папулярным выданні “Стараабраднікі Беларусі: мінулае і сучаснасць” [13]. Аднак апісанне гэтай часткі культуры старавераў было прадстаўлена даволі абагулена, мала падмацавана крыніцамі, без вылучэння адрозненняў у розных стараверскіх толках і сагласах (нават без паказу адрозненняў паміж папоўцамі і беспапоўцамі), а таксама без выяўлення рэгіянальных адрозненняў. У асноўным яно было пабудавана на матэрыялах, зафіксаваных у старавераў паўднёва-ўсходняга рэгіёна Беларусі. Верагодна з-за абмежаванага комплексу крыніц і павярхоўнага аналізу праблемы ў выданні не абышлося без памылак. Так, Т. Хурсан адзначала, што ў радзіннай абраднасці старавераў не было такіх элементаў, як “бабіна каша” і традыцыі “цягаць бабу” [13, с. 125]. Аднак, як сведчаць матэрыялы (гл. ніжэй), такія традыцыі фіксаваліся ў стараверскага насельніцтва паўночна-заходняга рэгіёна.

Мэта дадзенай працы – разгледзець радзінна-хрэсьбінную абраднасць старавераў-беспапоўцаў Паўночна-Заходняй Беларусі на аснове сучасных палявых фальклорна-этнаграфічных даследаванняў. Асноўны блок крыніц склалі матэрыялы архіву Цэнтра вуснай гісторыі і палявых даследаванняў Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Еўфрасінні Полацкай. Значнае месца адведзена звесткам, зафіксаваным А. Адамковічам у старавераў Шаркаў-пачынскага раёна [1]. Як вынікае з аналізу гэтых матэрыялаў, яны паказваюць стан радзіннай абраднасці старавераў рэгіёна ў другой палове ХХ – пачатку ХХІ ст. Выбар запісаў сучасных палявых даследаванняў абумоўлены тым фактам, што радзінна-хрэсьбінная абраднасць старавераў рэгіёна доўгі час не была прадметам навуковых даследаванняў. Таму бракуе больш ранніх фальклорна-этнаграфічных крыніц. У даследаванні прымяняліся таксама і тыя нешматлікія апублікаваныя і архіўныя крыніцы, якія ілюструюць стан радзінна-хрэсьбіннай абраднасці ў больш раннія перыяды. Да аналізу таксама прыцягнуты і матэрыялы, зафіксаваныя ў старавераў суседняга рэгіёна Усходняй Літвы, які разам з паўночна-заходнім рэгіёнам Беларусі ўтварае агульную зону рассялення¹.

Асноўная частка. Радзінна-хрэсьбінны рытуальны комплекс уключае тры ўмоўныя цыклы: *перадрадавы* (звязаны з комплексам прадпісанняў і рэгламентацый у перыяд цяжарнасці жанчыны), *уласна роды* (рытуальныя дзеянні ў час нараджэння дзіця) і *пасляродавы*. Апошні быў скіраваны на прыняцце нованароджанага ў сям’ю і калектыў, уключаў такія важнейшыя этапы, як адведкі, імянарчэнне, царкоўнае хрышчэнне і дамашнія застолле пасля яго (“крестины”) у вузкім значэнні і інш.

Даследчык А.К. Байбурын адзначаў, што ў славянскіх народаў пачатковы этап радзіннай абраднасці можна бачыць яшчэ ў структуры вясельнага абраду. На яго думку, рытуальныя дзеянні, звязаныя з нараджэннем дзіця, пачынаюцца падчас вясельнага абраду, таму вясельле можа разглядацца як пачатковы этап радзіннай абраднасці.

¹ Больш падрабязна гл.: Аўсейчык У.Я. Стараверы Беларусі ў 1830–1860-я гг.: тэрыторыя рассялення і колькасны склад // Беларускі гістарычны часопіс. – 2022. – № 11. – С. 10–17.

Менавіта да вяселля прымеркаваны комплекс мер, скіраваны на нараджэнне патомства. Даследчык бачыў гэтыя рысы ў абсыпанні маладых збожжам, рытуальны пасад маладой на дзяжу і інш. [2, с. 40]. Такія агульнараспаўсюджаныя аперацыі, як вынікае з матэрыялаў палявых даследаванняў у рэгіёне, даволі шырока фіксуюцца сярод стараверскага насельніцтва. У старавераў суседніх усходнелітоўскіх земляў таксама былі пашыраны традыцыі абсыпаць маладых збожжам, а таксама саджаць маладую на “квашню” [11, с. 59]. Разам з тым, у структуры вясельнай абраднасці фіксаваліся разнастайныя прадпісанні, якія датычыліся вызначэння пола дзіцяці, скіраваныя на забеспячэнне яго здароўем і шчаслівым лёсам. Так, у стараверскага насельніцтва Літвы існавала такая прыкмета: “Ну, и поехали на хлебины. Надо ночевать или одну ночь, или три. А две нельзя, а то будут двойняты” (Ігналінскі р-н) [11, с. 61].

Аднак у пераважнай ступені перадродавы этап уключае разнастайныя рытуальныя дзеянні, сімвалічныя аперацыі, забароны і перасцярогі цяжарнай, мэтай якіх было захаваць цяжарнасць, паспрыяць паспяховым родам, нараджэнню здаровага дзіцяці, шчаслівага лёсу, фарміраванню яго становага характару і маральнага вобліку. Варта адзначыць, што ў старавераў рэгіёна да нашага часу фіксуецца комплекс такіх забарон і перасцярог. Разам з рацыянальнымі (нельга падымаць цяжкае, сядзець на халодным, асперагацца ўдараў у живот і інш.), існавала значная колькасць прадпісанняў сімвалічнага характару. Як вынікае з матэрыялаў, паводзіны цяжарнай, як лічылася, шмат у чым уплываюць на здароўе дзіцяці. Таму ёй забаранялася біць сабак і катоў, або нават штурхаць іх нагой, бо тады ў дзіцяці “шерсть будет расти”. Нельга было пераступаць праз вярхоўку (каб пупавіна не закруцілася), сечы сякерай на парозе (тады дзіця народзіцца з рассечанай губой), глядзець на пажар і інш. Такія ўяўленні фіксуюцца і ў сучасных матэрыялах: “Нельзя если пожар глядеть беременной женщине, а то на ребенке отражается. Нельзя удивляться беременным женщинам. Нельзя кота ударить: может отразиться что-нибудь на ребенке. Если ты кота ударил, то у нас тут у одного такой круг и шерсть. Ударено, наверно. Скотину нельзя бить – это отражается на ребенке” (в. Залессе Глыбоцкага р-на) [3, с. 105]. Згодна з уяўленнямі, паводзіны цяжарнай будуць прадвызначаць таксама будучае дзіцяці. Таму ёй нельга было красці (іначай дзіця будзе злодзеям), што-небудзь пазычаць у аднавяскоўцаў. Але варта адзначыць, што ў гэтай частцы радзінна-хрэсьбінай абраднасці стараверы амаль не адрозніваюцца ад мясцовага беларускага насельніцтва. Такія ж прадпісанні і забароны фіксуюцца і сярод апошніх. Падобныя ж уяўленні зафіксаваны і ў старавераў усходняй Літвы [11, с. 47–50].

Найбольш насычаным на сімвалічныя дзеянні этапам радзінна-хрэсьбінай абраднасці з’яўляюцца роды. Трэба заўважыць, што сучасныя этнаграфічныя матэрыялы ўтрымліваюць мала апісанняў сімвалічных дзеянняў падчас гэтага этапу. Як адзначаюць рэспандэнты, нараджэнне дзіцяці ў пасляваенны перыяд часцей адбывалася ў бальніцах ці радзільных дамах, а таму гэтая частка абраднасці была пазбаўлена многіх ранейшых сімвалічных дзеянняў. Тым не менш, у ходзе сучасных палявых этнаграфічных даследаванняў фіксуюцца ўспаміны пра тое, што раней роды адбываліся дома. У такіх выпадках галоўная роля належала бабцы-павітусе (“бабка”, “бабушка”). “Давней же в больницы не брали, сами старушки бабили” (Шаркаўшчынскі р-н) [1, с. 181]. Аднак рэспандэнты ўжо амаль не згадваюць асаблівасцей абрадавых дзеянняў, якія адбываліся ў такой сітуацыі.

У сістэме радзінна-хрэсьбінай абраднасці важнае значэнне займала першае купанне дзіцяці. Значэнне яго на сімвалічным узроўні было куды большае, чым простае ачышчэнне (змыванне ўсяго “нечалавечага”) [2, с. 41–42]. Сучасныя апытанні паказваюць, што ў дадзенай аперацыі амаль не фіксуюцца магічныя дзеянні, скіраваныя на фарміраванне добрага здароўя і шчаслівага лёсу. Дадзены этап абраднасці іншы раз утрымліваў толькі дзеянні рэлігійнага характару (перахрысціць вадзіцу, прамовіць малітву): “А вот ну дзіцёнак этот ужё вот, первый раз яго купаютъ як? Як купатъ? Можё на да там на да нешта ў вадзічку лажыць, каб здаровенькі рос? – Ай, ну што там. Перакрэсціш гэту вадзічку і вот”².

Згодна з традыцыяй, праз некаторы час пасля родаў да парадзіхі прыходзілі ў адведкі замужнія жанчыны. Яны прыносілі ёй пачастункі і падарункі для дзіцяці: “Когда родится ребенок, тогда приходили к младенцу, приносили дары, одежду младенческу, пелёначки. В отведки приходили, отвечатъ молодуху” (в. Залессе Глыбоцкага р-на) [3, с. 68]. Але, як сведчаць палявыя матэрыялы, у пасляваенны перыяд з-за цяжкага матэрыяльнага становішча часцей прыносілі простую ежу: “В ответки яси, что хошь. Але нечего ж было нясти...” [1, с. 181]. Наведвалі жанчыны парадзіху без спецыяльнага запрашэння: “Это в ответки – кто хотел. А потом ужё, кто был в ответках, зовут на хрестбины. А в ответки сами шли, не надо приглашать. Вот, я схотела сходить в ответки – собралась и пошла” (г.п. Шаркаўшчына) [1, с. 181]. На гэтым этапе радзінна-хрэсьбінай абраднасці нават у сучасны перыяд фіксуюцца некаторыя прадпісанні і рэгламентацыі. Так, па словах рэспандэнтаў, існавалі пэўныя абмежаванні ў стравах, якія можна было несці парадзісе: “Яички нельзя, это тогда болеет, говорят, ребёночек. Нет, не – и яблоки, и яишню – это не яси. Яишню пякли у чашке. На молоку, у духовку, у печь, она подымется – тады яси ее. – А почему нельзя яблоки и яйки? – Ну, говорят, что в ребёнка тогда боляшки находятся” (г.п. Шаркаўшчына) [1, с. 182].

У стараверскага насельніцтва рэгіёна фіксуюцца даволі спецыфічныя ўяўленні аб “нечыстаце” парадзіхі на працягу сарака дзён пасля родаў. У адпаведнасці з гэтым уяўленнем абмяжоўваўліся яе камунікацыя з людзьмі, выкананне шэрагу гаспадарчых работ, удзел у абрадах. Але асабліва прыныцпова яе статус уплываў на ўдзел у рэлігійным жыцці стараверскай абшчыны. Паўсюдна фіксавалася забарона прысутнічаць маладой маці ў храме ў першыя сорок дзён пасля родаў. Такая забарона была нават афіцыйна аформлена і прапісана. Так, яшчэ на

² Зап. у 2022 г. Аўсейчыкам У.Я. ад Цімафеевай А.А., 1940 г.н. у в. Фраляўшчына Мёрскага р-на.

з'ездзе стараверскіх духоўных настаўнікаў у Вільні ў кастрычніку 1901 г. было замацавана, што “вход же в церковь жены воспрещается до 40 дней” [12, с. 196].

Адным з найважнейшых этапаў радзінна-хрэсьбінай абраднасці старавераў-беспапоўцаў было *хрышчэнне*. Яно азначае прыняцце чалавека ва ўлонне хрысціянскай царквы і супольнасць (абшчыну). У старавераў-беспапоўцаў хрышчэнне здзяйсняецца духоўным настаўнікам праз трохразовае пагружэнне ў ваду. Як вынікае з аналізу этнаграфічных матэрыялаў, час хрышчэння дзіцяці не меў дакладных межаў. Як адзначаў К.Я. Кажурын, згодна з царкоўнымі правіламі ў старавераў-беспапоўцаў нованароджанага немаўля трэба было пахрысціць на восьмы дзень жыцця [8, с. 453]. Аднак, як вынікае з матэрыялаў, стараверы рэгіёна мала прытрымліваліся гэтага правіла. У ходзе сучасных палявых даследаванняў рэспандэнты адзначалі непрыныповаць у выбары даты хросту. Асабліва гэта датычылася пасляваеннага перыяду, калі ва ўмовах савецкага атэістычнага грамадства хрышчэнне іншы раз адбывалася таемна. Сярод стараверскага насельніцтва рэгіёна найбольш пашыраным з'яўляецца меркаванне, што хрост мусіць адбывацца праз сорак дзён (6 тыдняў) пасля нараджэння. Тым не менш, ня рэдка гэты тэрмін пашыраўся да двух-трох месяцаў. Зафіксаваны і выпадкі, калі хрост адбываўся раней, чым праз шэсць тыдняў: “Две недели после родов каждый раз старались похрестить ребёнка. Две недели прошло и тады ужо хрэсбіны спраўляюць. Значит батюшка приезжает, а не так у церкву нясуть этого ребёнка ти нясуть и тады ужо тут гости, радня уся збирается, гуляют” (Шаркаўшчынскі р-н) [1, с. 213–214].

Спецыфіка хрышчэння ў старавераў, на якую пастаянна звяртаюць увагу рэспандэнты, – трохразовае пагружэнне ў ваду. Такая адметнасць праявілася і ў намінацыі гэтага этапу абраду. Нярэдка хрост у старавераў рэгіёна якраз і называўся “погружать младенцев”. Пра гэта сведчаць не толькі матэрыялы сучасных палявых даследаванняў, але і больш раннія архіўныя крыніцы. Так, у дакументах Лаўніцкай абшчыны (сучасны Браслаўскі раён, не захавалася) міжваеннага перыяду хрышчэнне дзяцей якраз і называлася “погружать младенцев” [15, л. 25]. А духоўны настаўнік Варонкаўскай царквы (Шаркаўшчынскі р-н) у 1930-я гг. хрост дзіця запісаў такім жа чынам – “погружен младенец” [16, л. 100]. Такая асаблівасць не засталася па-за ўвагай мясцовага беларускага насельніцтва. Так, сярод беларусаў Браслаўшчыны зафіксавана жартлівая мянушка старавераў – “маканікі”. Яна тлумачыцца як раз традыцыйнай хрышчэння з поўным трохразовым акунаннем у купель з вадой і адрозніваецца ад праваслаўнай і каталіцкай: “Маскалі. Ну яны тожа, у іх эта ўжо, вот православие – эта ўжо пахожая, як і каталічская, тая самая, вот будзе храсціць у праваслаўным, ужо католікі не будут храсціць, або, а гэта ужо маканік выходзіць. <...> Ну ён ж яшчэ, ну у бочку садзяць гэта, хрысцяць. Не то шта вадзічкай там паліваюць па галоўке, ну як жа закрываюць ушы і глаза, ну і. <...> І макаюць. Вот, эта старая вера, гэта ну іх саўсем славянская там такая пачытаць, тока такія якія старыя гэта могуць”³. У якасці адказу на такую мянушку мясцовыя стараверы называлі ў жарт беларусаў-католікаў “лабунамі”, бо хрышчэнне ў каталіцкім касцёле адбываецца з памазваннем лобу.

Крыніцы першай паловы XIX ст. зафіксавалі звесткі аб тым, што стараверы нярэдка ажыццяўлялі хрышчэнне ў адкрытым вадаёме. Пры тым паказальна, што такі хрост не залежаў ад пары году. І нават “зімой в прорубе крестили”. Так, у следчых справах пра перахрышчванне ў стараверства ў 1820-я гг. у Браслаўскім павеце прыводзіліся наступныя апісанні хрышчэння ў старавераў. У адным з выпадкаў святар “зімою в прорубе перекрещивал” [10, арк. 84адв], а з паказанняў адной з перахрышчаных вядома, што яна “перекрещена в прудке Дубине в летнее время раздевши до нога троекратно погружал в воде” [10, арк. 101]. Яе дзеці таксама “купно с матерью перекрещены в раскол” [10, арк. 101адв]. Прыводзяцца таксама і наступныя апісанні: “Приступая по раскольническому обряду привел под маленькую речку или ручей, протекающий возле деревни Кирилино, я как сие совершаев в зимнее время, то сие действие <...> покрещена в прорубе поупомянутой речки <...> тогда же двух моих сыновей Кузьму и Тимофея также наставник в проруби окрестил” [10, арк. 103]. І яшчэ адзін выпадак хросту апісваецца падобным чынам: “Перекрещен в реке Двине <...> во время весны” [10, арк. 104адв]. Але ў той жа справе адзначалася, што хрышчэнне іншы раз адбывалася ў хаце. Прынамсі, згадваецца выпадак, калі духоўны настаўнік “совершил крещение в деревне Красногорке в доме Тимофея Мишонка” [10, арк. 107адв].

Такая традыцыя хрышчэння ў вадаёмах абумоўлена традыцыйнай хросту, зафіксаванай у Новым Запавеце і ў адпаведнасці з 50-м Апостальскім правілам. Менавіта на іх спасылаюцца рэспандэнты-стараверы, калі тлумачаць асаблівасці хросту. Пра яе згадаў духоўны настаўнік Германавіцкай абшчыны Войтаў Іпаліт Сямёнавіч (1928–2001): “Этот пророк [Иоанн] в тридцать лет Христа крестил. Христос крестился на реке Иордане, в тридцать лет. Три погружения. Он брал воду и три раза его погружал в воду. И у нас, у старообрядцев, сейчас законное крещение – трое погружение; значит, младенца три раза надо опустить у воду полностью, с головой, всё; полностью. Вот, у нас никакого ни обливания, ни кропления – ничего нет, а погружение в воду” [1, с. 157]. Пра яе пастаянна згадваюць і рэспандэнты-стараверы, адзначаючы, што такі варыянт хросту самы сапраўдны і правільны: “Ну, а правильно окунать, потому что Христос, в Иордане крестился, его Иоан Креститель, его там”⁴.

Традыцыя хросту ў вадаёмах нават у зімні перыяд, як сведчаць крыніцы, у першай палове XX ст. яшчэ фіксавалася і ў старавераў усходняй Літвы [11, с. 53]. Трэба адзначыць, што падобная практыка (хрышчэнне ў вадаёме) у XX ст., як можна меркаваць з крыніц, даволі рэдкая ў рэгіёне. Аднак і ў другой палове XX ст. яна

³ Зап. у 2021 г. Аўсейчыкам У.Я. ад Рыхпер С.Ф., 1933 г.н. у в. Чэрнева Браслаўскага р-на.

⁴ Зап. у 2021 г. Аўсейчыкам У.Я. ад Масляковай Р.С., 1953 г.н. у аг. Друя Браслаўскага р-на.

часам сустракалася: “У нас крэсцют – у ваду кунают. <...> Паўліка летам крысцілі, а Сяргея саўсім у ряку. Ён там пакадзіл, пакадзіл, пакадзіл сваей кадзілай, попел этат высыпал, і тада акунаў. А я крычу: “Бацюшка, роднінкі, толькі ня выпусці”. А ён вазмёт за вушы, за нос, і так: кук! Кук! Тры раза, на простынь на харошую, белую і паняслі тада. Паняслі ўжо ў хату явоную маліцца. Сяргей затое і вады ня любіць, баіцца”⁵.

У больш позніх запісах і крыніцах амаль паўсюдна фіксуецца традыцыя хрышчэння старавераў не ў адкрытых вадаёмах, а ў адмысловай купелі ці звычайнай бочцы з абавязковым трохразовым акунаннем. Ваду для хрышчэння прыносілі з возера, ракі, крыніцы ці калодзежа. Пры гэтым рэспандэнты пастаянна адзначаюць, што хрысціць дзіця трэба ў халоднай вадзе, не прыгатаванай. Лічылася, што такая вада з’яўлялася “жывой”: “Гаварілі, што эта нада ў жывой вадзе хрэсціць, што эта, а што падагретая беспалезна”⁶. Апісваючы хрышчэнне, рэспандэнты-стараверы пастаянна звяртаюць увагу на тое, што вада мусіць быць халоднай (не прыгатаванай): “У старавераў раньшэ, як вот мама гаваріла, брата кресцілі, вады з калодца наносілі, халодная, дажэ ледзяшкі эты. Былі, выцягалі і в эту, ну я не магу сказаць. Знаю, што как-та ушкі затыкают, за ручкі і тры раза апускалі ў воду, вот так. Ну патом можа, эта самае, сталі ваду і падагрэваць, ну ілі ношеную. А раньшэ была, ніхто ну і кумовья былі”⁷.

Важную ролю ў радзінна-хрэсьбіннай абраднасці старавераў адыгрывалі хросныя бацькі (кумы). Як вынікае з аналізу матэрыялаў, у супольнасці старавераў-беспапоўцаў рэгіёна роля хросных бацькоў у жыцці дзіцяці была вельмі значнай. Лічылася, што хросныя павінны дапамагаць бацькам гадаваць хрэсніка: “Крэсціла ж я Валодзю. Алі быў поп сказаўшчы. Да шаснацаць год я далжна памагаць яму, ей гадаваць яго. Памагала”⁸. А ў сацыяльным і сімвалічным вымярэннях роля хросных была нават большай, чым у біялагічных бацькоў: “І эта крэсная как у нашэм законе большую імеет власть, как родная маць. Патаму што гавяраць, кагда он умрёт, будет хадзіць к крэснай”⁹.

Такі высокі статус хросных у стараверскай абшчыне ўплываў на далейшае жыццё дзіця. Паколькі ў сацыяльным і сімвалічным вымярэннях яны лічыліся такімі ж бацькамі, як і біялагічныя, то гэта абумоўлівала ўзаемаадносіны паміж іх дзецьмі (хроснымі і біялагічнымі). Так, у стараверскай абшчыне шлюбы паміж маладымі, у якіх былі адны хросныя (альбо адзін з іх), забараняліся. У такім выпадку маладыя сімвалічна вызначаліся за брата і сястру. Так, у міжваенны перыяд у Кірылінскай абшчыне (Браслаўскі р-н) быў зафіксаваны выпадак, калі незаконным прызнаваўся шлюб паміж асобамі, у якіх быў агульны хросны бацька. І гэты шлюб у стараверскім храме не аформілі, вызначаючы, што “согласно каноническим правилам браки до 8-й степени родства как по рождению, так и по крещению воспрещаются” [19, л. 204, 205]. Але у рэальнай сітуацыі, як сведчаць крыніцы, такія шлюбы сустракаліся, і дадзенае прадпісанне больш датычылася кананічнай практыкі. Так, у 1934 г. у Куклянскай абшчыне (Пастаўскі р-н) быў выпадак, калі адна ўдава ажаніла сваю дачку з хросным сынам. У такой сітуацыі духоўны настаўнік накіраваў запыт у Вышэйшы стараверскі савет у Вільні (далей – ВСС) аб магчымасці запісу такога шлюбу ў метрычныя кнігі. ВСС адказаў, што “венчать и записать в метрические книги о бракосочетавшихся ни в коем случае нельзя” [18, л. 184–185].

У выбары хросных у старавераў-беспапоўцаў рэгіёна, як вынікае з аналізу крыніц, існавалі пэўныя рэгламентацыі і абмежаванні. Згодна з кананічнымі правіламі, у якасці хросных могуць выступаць асобы мужчынскага і жаночага полу старэй за 12 год. Адначасова не могуць быць хроснымі муж з жонкай, а таксама жаніх з нявестай¹⁰. Апошняя асабліва сур’ёзна адсочвалася і пастаянна згадваецца рэспандэнтамі. У старавераў рэгіёна было даволі распаўсюджаным патрабаванне браць у кумы такіх людзей, якія б не маглі пажаніцца паміж сабой. “Ну, ў кумы нада браць, штоб не жаніліся. <...> Штоб яны не пажаніліся ўжэ большэ. Можна і малодых, у нас так можна і пажылых, еслі кто хочыць, да. Цяпер большэ малодых”¹¹. У такім выпадку нярэдка ў хросныя бралі старога мужчыну і маладую дзяўчыну (і наадварот): “Кресцілі цераз 6 нядзель. Бралі в кумовья старога. Маладых не бралі. Еслі кум, то бралі старога, а кума должна маладая быць. А еслі мальчыка хрэсцят, нада каб старухай была кума, а маладой был кум. Штоб кум з кумой не пажаніліся. Бацюшка маладых не ставіў, толькі старыкоў” (в. Залессе Глыбоцкага р-на) [3, с. 71].

У матэрыялах палявых даследаванняў у рэгіёне фіксуюцца і іншыя крытэрыі выбару кумоў. Так, у Шаркаўшчынскім раёне ў кумы выбіралі пераважна маладых і нежанатых: “Которы крестют сразе маленького, а некоторые ж маленьких не крестют; уже год ребёнку становится. <...> Кум и кума <...> раньше должны были быть девка и малец, неженатые должны крестить” [1, с. 157]. Фіксаваліся выпадкі, што ў кумы маглі браць увогуле падлеткаў 14–15 год, “чтоб честные были” [1, с. 221]. Сустракаюцца меркаванні, што ў кумы родных лепш не браць: “Вот родственникаў няльзя. Вот ета Надзя была, яна чужая, і этат савсім чужой мальчык. А как Сенью крысцілі, так ета. Саўсім там у Пераброддзі ж мы жылі, так саўсім і бабка была старенькая, старенькая, і нейкава мальца прывялі”¹². Аднак на сучасным этапе важнейшай застаецца толькі крытэрыі, каб кумы былі стараверамі: “Ну берут, обычно берут своей веры, кого угодно, чтобы тока своей веры, чтобы знал молитвы”¹³.

⁵ Зап. у 2021 г. Мішынай В.І., Мішыным П.І. ад Дзмітрыевай В.С., 1939 г.н. у в. Вайты Браслаўскага р-на.

⁶ Зап. у 2022 г. Аўсейчыкам У.Я. ад Несцеравай М.О., 1945 г.н. у в. Кублішчына Мёрскага р-на.

⁷ Зап. у 2022 г. Аўсейчыкам У.Я. ад Івановай Л.Г., 1949 г.н. у в. Новы Пагост Мёрскага р-на.

⁸ Зап. у 2008 г. Аўсейчыкам У.Я. ад Басаковай П.Е., 1930 г.н. у в. Яўцерышкі Мёрскага р-на.

⁹ Зап. у 2008 г. Аўсейчыкам У.Я. ад Гаўрылавай Т.Е., 1938 г.н. у в. Яўцерышкі Мёрскага р-на.

¹⁰ Крещение у старообрядцев-безпоповцев. – URL: https://ruvera.ru/kreshenie_bezpopovcev.

¹¹ Зап. у 2022 г. Аўсейчыкам У.Я. ад Цімафеевай М.П., 1944 г.н. у в. Фралоўшчына Мёрскага р-на.

¹² Зап. у 2021 г. Мішынай В.І., Мішыным П.І. ад Дзмітрыевай В.С., 1939 г.н. у в. Вайты Браслаўскага р-на.

¹³ Зап. у 2021 г. Аўсейчыкам У.Я. ад Кірылавай З.П., 1956 г.н. аг. Друя Браслаўскага р-на.

Хросныя (кумы), апроч важнага сацыяльнага статусу, на розных этапах радзінна-хрэсьбіннай абраднасці мусілі ўдзельнічаць у розных рытуалах. Асабліва важнай іх роля была падчас хрышчэння. Лічылася, што родныя бацькі не павінны выконваць ніякіх працэдур у працэсе абраду. На гэтым этапе іх замянялі кумы. Нават прысутнасць біялагічных бацькоў іншы раз не дазвалялася. Згодна з правіламі, у старавераў-беспапоўцаў у таемстве хросту ўдзельнічае духоўны настаўнік, хросныя і чалавек, якога хрэсцюць [8, с. 453]. Такая асаблівасць праявілася нават у тым, што бацькі не займаліся і падрыхтоўкай да хросту. Нават прынесці вадку для купелі, як вынікае са слоў рэспандэнтаў, ім забаранялася: “Кросная і кросны ідуць, вадку носят у бачок, а патам бацюшка, гэта самае, кодзіць, свечкі там ставіт і ўсё. Нічога не лілі ў вадку. <...> Скажут прынесі вадку, ну, я не насіла, насіў кростны. Кростныя далжны былі вадку насіць і кагда рэбенка гэтага вытасківаюць. Кростная памагаець адзяваць гэтага рэбёнка”¹⁴. Нягледзячы на тое, што ў старавераў рэгіёна ў сучасны перыяд не захоўваецца такая строгае у выкананні многіх аперацый і працэдур абраду, аднак пастаянна фіксуецца меркаванне, што толькі кумы мусяць выконваць усе неабходныя дзеянні падчас хрышчэння: “Вот ён ужо пакрэсціл, кум і кума... Кагда он рабёнка акунул, с вадку выпягнул. Куму палажыл на ручкі, а она далжна там адзець. А он моліцца ўсё врэмя. І тагда кумы атрыкаюцца”¹⁵.

У сучасны перыяд, як правіла, хрост адбываецца ў маленнай. У другой палове XX ст., па словах старавераў, часцей хрышчэнне адбывалася ў хаце. Нягледзячы на тое, што многія стараверскія храмы ў рэгіёне былі адкрытыя, усё адно стараліся выконваць гэтыя абрадавыя дзеянні таемна, “на дому”. Таму часцей, калі хрышчэнне адбывалася ў хаце, то выкарыстоўвалі звычайную драўляную бочку: “Абыкнавеная дзеравяная бочка, толькі нада, дапусцім, куму насіць вадку ілі куме. А каму прыдзецца, той і наносют. Наносют, прыходзіт бацюшка, ён моліцца, запалівае свечы кругом бочкі і кадзіла, вот ён ходзіт. Асобена кадзіла. Чытае малітву і патам у нас купают рабёнка з галавой, тры разы з галавой. І быстранька яго выпянулі, і яны нікагда не балелі, зіма, не зіма”¹⁶. Як вынікае з матэрыялаў натуральных абследаванняў, у стараверскіх храмах для хросту ёсць адмысловыя купелі. Пра гэта адзначаюць і рэспандэнты: “Вот нонічы маю правнучку хрэсцілі. Ну. В гэтай маленнай хрэсцілі. Купелле там яго, такая бочачка. Ну і там пают, што яны там. Там пают. Нада кум, кума. Ну і ў гэту бочачку, у гэту тры разы”¹⁷.

Згодна з правіламі старавераў-беспапоўцаў, хрост мусіць адбывацца наступным чынам. Да пачатку таемства духоўны настаўнік замацоўвае па краях купелі крыжападобна чатыры свечкі. Затым з малітвамі і каджэннем абыходзіць купель. Далей здзяйсняецца хрост, і ахрышчанаму надзяваюць нацельны крыжык і апранаюць у адмысловую кашулю белага колеру, якую падвязваюць поясам [8, с. 453]. Як сведчаць матэрыялы палявых даследаванняў, такая практыка была характэрная і для паўночна-заходняга рэгіёна Беларусі: “У нас крэсцілі у бочке. У бочке з галавой. У халоднае, у гарячае, какая б не была пара года. Вот прыносят бочку, как маленькі рабёнак. Шчас бочак не стала. Вот такой кацёл, чатыры вядра. У мяня хрэсцілі многа с гарадов прывазілі. І вот в гэты кацёл наліваю вадку, чатыры свечкі. Ну поп моліцца, моліцца, кадзіт, кадзіла ж ёсць. <...> І вот он кадзіт і моліцца, с малітвай гаварыт. І патам гэты рабёнак в вадку, хоць там і льдзіны, а яму чатыры нядзелі, і месяц, і два”¹⁸.

Як ужо было адзначана вышэй, нягледзячы на тое, што ў рэгіёне ў другой палове XX ст. заставаліся дзеючымі многія стараверскія храмы, хрышчэнне часта адбывалася таемна. Рэспандэнты пастаянна ўспамінаюць пра таемныя хрышчэнні ў 1950–1980-я гг.: “Да ну, ну я не знаю как. Я жыла ў Латвіі, з Латвіі прыехала ў отпуск, а не крэшчыныя рабяты. Мама тут так расхадзілася, нада красціць і ўсё. Авосіху пахаранілі, папа пазвалі і пахрэсцілі, ды ўсё, ніхто нічога не знаў”¹⁹. У такіх умовах колькасць хрышчэнняў, якія афіцыйна афармляліся і інфармацыя аб якіх прадстаўлялася ў дзяржаўныя органы, была даволі малая. У афіцыйнай статыстыцы зусім малая доля хростаў адзначалася ў 1960-я гг. Згодна гэтымі матэрыяламі, за 1960 г., у старавераў Браслаўскага раёна толькі 5,8% з усіх народжаных дзяцей было ахрышчана. Па Мёрскім раёне гэта лічба была некалькі большай – 8,0%. У той жа час, сярод старавераў Глыбоцкага раёна былі зафіксаваны хрышчэнні толькі ў 0,5% ад усіх нарадзіўшыхся дзяцей [7, арк. 78]. А ў 1966 г. па ўсёй Віцебскай вобласці было зафіксавана толькі 140 хрышчэнняў сярод старавераў [4, арк. 41]. У наступныя гады ў афіцыйнай статыстыцы іх было зафіксавана яшчэ менш. Так, за 1968 г. па Віцебскай вобласці іх было налічана толькі 116 [5, арк. 37], а ў 1984 г. – толькі 21 [6, арк. 30].

Безумоўна, такія даныя не адпавядалі рэальнаму стану, пра што сведчаць вышэйпрыведзеныя палявыя матэрыялы, аднак трэба прызнаць заўважнае памяншэнне хростаў сярод стараверскага насельніцтва ў 1950–1980-я гг. Апроч антырэлігійнай палітыкі і атэістычнай прапаганды, на гэта паўплывалі і іншыя фактары. Нярэдка ў змешаных у канфесійным плане сем’ях прыярытэт выбару веры быў не на карысць стараверства. Разам з тым, з закрыццём часткі стараверскіх храмаў у пасляваенны перыяд у шэрагу месцаў магчымасці ахрысціць дзяцей не было, з чаго нярэдкамі былі выпадкі хросту ў праваслаўных цэрквах. Па словах рэспандэнтаў, гэта было заўважна як у мінулым, так і характэрна для сучаснага перыяду: “Я сама старавер. <...> А не я як паслухала усё роўна. Адно

¹⁴ Зап. у 2022 г. Аўсейчыкам У.Я. ад Смаляковай А.О., 1944 г.н. у в. Кублішчына Мёрскага р-на.

¹⁵ Зап. у 2008 г. Аўсейчыкам У.Я. ад Гаўрылавай Т.Е., 1938 г.н. у в. Яўцерышкі Мёрскага р-на.

¹⁶ Зап. у 2021 г. Аўсейчыкам У.Я. ад Гаўрылавай Т.Е., 1938 г.н. у в. Яўцерышкі Мёрскага р-на.

¹⁷ Зап. у 2022 г. Аўсейчыкам У.Я. ад Цімафеевай М.П., 1944 г.н. у в. Фралоўшчына Мёрскага р-на.

¹⁸ Зап. у 2008 г. Аўсейчыкам У.Я. ад Гаўрылавай Т.Е., 1938 г.н. у в. Яўцерышкі Мёрскага р-на.

¹⁹ Зап. у 2021 г. Аўсейчыкам У.Я. ад Гаўрылавай Т.Е., 1938 г.н. у в. Яўцерышкі Мёрскага р-на.

і тое самае што у праваслаўных то і у нас. Цяпер ужо унучкі хрэсцяць у праваслаўную дзейнасць сваіх. Патаму, што у нас трудна, самавучкі былі”²⁰.

Важным этапам радзінна-хрэсцінскай абраднасці быў выбар імені дзіцяці. Падчас апытанняў рэспандэнты пастаянна адзначалі, што выбар імені ў старавераў адбываўся выключна “па кнігах” або “па святцах”: “Но раньшэ, как у меня дзеці мы не маглі ні малітву выбраць, нічыво. Вёсё дзелалі старыкі. Яны прыйшлі, у кніжку яму сказаў, нада вот так назваць. В гэты дзень, кагда радзіўся. Называецца там Аляксандр. <...> А што мы хочам там Наташа ілі Ніна – не. І так вот па кнізе, па бажэственнай”²¹. Пры гэтым так адзначалі не толькі самі стараверы, але і мясцовае беларускае насельніцтва. Такая традыцыя ў некаторай ступені захоўваецца і ў наш час. Праўда, як сведчаць матэрыялы, яе захаванне ў сучасны перыяд спалучаецца іншы раз з існаваннем двух імёнаў (адно даецца пры хрышчэнні, а другое запісваецца ў грамадзянскіх органах). Пра такія выпадкі часта распавядаюць рэспандэнты: “Па кнізе, вот в какой день родіўся у меня внук, это самое, день Алексея. Ну, это самое, ну, і назвалі Алексеем покресцілі, а оні зовут его Марат запісавші”²².

Як паказалі даследаванні А.Ю. Муратавай, выбар імя ў стараверскай супольнасці рэгіёна залежаў ад шэрагу фактараў, але ў першую чаргу на гэта ўплывала царкоўная традыцыя. У праваслаўі імя немаўля, як правіла, давалі таго святога, які ўшаноўваўся ў дзень нараджэння дзіця. Аднак дадзенае правіла не было строгім, а таму імя давалі ў межах месяца пасля нараджэння. У той жа час у старавераў нярэдка фіксавалася даволі архаічная традыцыя выбару імя. Згодна з ёй, хлопчыкам давалі імя святога, якога паміналі на восьмы дзень пасля нараджэння²³. Дзяўчатам давалі імя святой, дзень шанавання якой быў за восем дзён да нараджэння. Аналіз імён першай паловы XX ст. Ніўнікаўскай стараверскай абшчыны (Мёрскі раён), зроблены А.Ю. Муратавай, паказаў існаванне гэтай архаічнай традыцыі. У 1900 г. амаль пятая частка ўсіх хлопчыкаў была названа імёнамі святога, якога шанавалі праз восем дзён пасля іх нараджэння. Разам з тым, у дзяўчынак аналагічнай традыцыі (восьмы дзень да нараджэння) не існавала. У першай палове XX ст. каля 80% усіх дзяцей атрымалі імёны святых, шанаванне якіх адбывалася на працягу 30-40 дзён з дня нараджэння. З гэтай прычыны ў стараверскім асяроддзі функцыянавалі даволі рэдкія нават для рускай традыцыі імёны: Аверкій, Аўтаном, Варсанофій, Паладзій; Гардзіяна, Епісціма, Хіонія і інш. Па матэрыялах даследчыцы, у першай палове XX ст. мужчынскі імянік на 80%, а жаночы на 44% складаўся з імёнаў, якія практычна перасталі сустракацца сярод рускага насельніцтва. Аднак ужо ў 1970 – 1980-х гг., як адзначае А.Ю. Муратава, стараверы Ніўнікаўскай абшчыны амаль не называлі дзяцей рэдкімі імёнамі. Ужо ў гэты перыяд адбываецца поўная нівеліроўка традыцыйных асаблівасцей стараверскага імяніка. У пасляваенны час фіксуецца таксама замена ўжо існуючых рэдкіх імёнаў больш распаўсюджанымі (напрыклад: Феакціст – Федзя, Кесарый – Коля, Цімафей – Дзіма, Домна – Даша, і інш.). На ўзроўні вуснага бытавання такая практыка атрымала шырокае распаўсюджанне ўжо ў 1960 – 1970-я гг. [9, с. 120–124].

Важнай часткай радзінна-хрэсцінскай абраднасці было дамашняе застолле, якое адбывалася пасля хрышчэння (хрэсціны ў вузкім значэнні). Варта адзначыць, што ў старавераў рэгіёна не адзначалася такога распаўсюджанага абрадавага суправаджэння дадзенага этапу, як гэта было ў мясцовага беларускага насельніцтва. У большасці апісанняў, зафіксаваных у ходзе палявых фальклорна-этнаграфічных даследаванняў у рэгіёне, рытуальныя дзеянні хрэсцінаў апісваюцца вельмі сціпла. У шэрагу апісанняў гэтая частка амаль не ўтрымлівае абрадавых аперацый і называецца “гулянка”, “застолье”. Аднак варта заўважыць шэраг абавязковых правіл гэтага дамашняга застолля. Рэспандэнты-стараверы адзначаюць, што на хрэсцінах абавязкова за сталом маліліся. Па іх словах, у мінулым на стале не дапускалася наяўнасць гарэлкі: “У нас так раньшэ водкі не давалі на стол ставіць. А цяпер ужо паняслі і мы”²⁴. У той жа час рэспандэнты больш сталага веку яшчэ памятаюць аб тым, што на хрэсціны раней гатавалі адмысловыя рытуальныя стравы, асабліва “кашу”. У старавераў в. Залессе Глыбоцкага раёна зафіксавана традыцыя, што гэту кашу варыла “бабушка” (павітуха) [3, с. 71].

Як і ў мясцовага беларускага насельніцтва, у старавераў рэгіёна фіксуецца традыцыя на хрэсціны “катаць бабу”. У час застолля бабулю саджалі на цялку, тачку ці нават карыта і вазілі па вёсцы ад хаты да хаты. Як сведчаць этнаграфічныя матэрыялы, каталі часцей білагічную бабулю. Але зафіксаваны таксама ўспаміны аб катанні павітухі, якая прымала роды і “бабіла” дзіця. У час гэтай паездкі бабуля частавала аднавяскоўцаў. “А бабу не каталі? – Каталі. ... На цялежкі, а не, дык у карыта садзілі”²⁵. “Бабушка варіла кашу. Эту бабушку вазілі на санях зімой, а летам – на якой-небудзь тачке. Усіх, хто па дарозе ідзе, пераймалі і выпіваць давалі. Больш выпякалі пячэння, усё было свойскае. Большую міску напаяку і бабу пасадзят у тачку, і кашу ў падол, і самагонкі бутылку, ну, і вязут на тачке па дзярэўні” (в. Залессе Глыбоцкага р-на) [3, с. 71]. Па словах рэспандэнтаў, такая традыцыя яшчэ захоўваецца і ў наш

²⁰ Зап. у 2007 г. Аўсейчыкам У.Я. ад Лукашонак (Мінавай) Т.С., 1920 г.н. у в. Лучай Пастаўскага р-на (нар. у в. Астанюка Шаркаўшчынскага р-на).

²¹ Зап. у 2008 г. Аўсейчыкам У.Я. ад Гаўрылавай Т.Е., 1938 г.н., Басаковай П.Е., 1930 г.н. у в. Яўцерышкі Мёрскага р-на.

²² Зап. у 2022 г. Аўсейчыкам У.Я. ад Васільевай У.П., 1943 г.н. у в. Мілейкі Мёрскага р-на.

²³ Гэта традыцыя, як можна меркаваць, была абумоўлена правіламі хрысціць дзіця якраз на восьмы дзень пасля нараджэння (гл. вышэй).

²⁴ Зап. у 2008 г. Аўсейчыкам У.Я. ад Басаковай П.Е., 1930 г.н. у в. Яўцерышкі Мёрскага р-на.

²⁵ Зап. у 2022 г. Аўсейчыкам У.Я. ад Івановай Л.Г., 1949 г.н. у в. Новы Пагост Мёрскага р-на.

час: “Ну, і водку даюць і ўсё. Это самое ў Ніны внука кресцілі, тожэ староверы, по всей деревне у каждую хату і да нас, в том конце живёт, і да нас, ну ва всей деревне в каждую хату. І выпіць даюць, і закусіць, возюць с собой”²⁶.

Хрэсьбіны фактычна з’яўляюцца завяршальным этапам радзіннай абраднасці. Аднак яшчэ на працягу пэўнага часу існаваў шэраг разнастайных забарон, прадпісанняў і абрадавых дзеянняў, якія датычыліся дзіця і яго бацькоў. Сярод такіх асабліва шырока бытвала забарона стрыгчы валасы на працягу першага году жыцця. Маты-вавалася гэта тым, што ў адваротным выпадку можна “ўкараціць розум”. Пастрыжаныя пасля году валасы нельга было выкідаць, іх трэба было спаліць. Такія ж уяўленні фіксаваліся і ў старавераў усходняй Літвы. У дзяўчат, як сведчаць матэрыялы з Усходняй Літвы, валасы ўвогуле стрыгчы было нельга [11, с. 54]. Гэта забарона бытвала і сярод старавераў Паўночна-Заходняй Беларусі. Згодна з прадпісаннямі, дзяўчына-стараверка мусіла насіць заплечную касу. У Ніўнікаўскай абшчыне ў 1931 г. здарыўся такі выпадак. Настаўніца сілай абстрыгла ў дзяўчынкі-стараверкі касу. У адказ яе бацька паскардзіўся на гэту настаўніцу, “которая вопреки нашего обычая, заставляет молодую ученицу Марину обрезать себе волосы и когда она это сделать не хотела, Г. Янушевская несмотря на детские слезы и сопротивление в присутствии других учеников силою остригла малолетнюю ученицу” [14, л. 98]. Як вынікае з аналізу матэрыялаў, яшчэ ў міжваенны перыяд пастрыжаныя валасы ў дзяўчат разглядаліся мясцовымі стараверамі як прыкмета распусты і нізкай рэлігійнасці. Так, у адным з лістоў у ВСС 1938 г. прыхажане Мікалаюнцаўскай абшчыны заўважалі, што духоўны настаўнік трымае за гаспадыню маладую дзяўчыну, “имеющую стрижены волосы из чего можно судить ее религиозности и поведению” [17, л. 71].

Заклучэнне. Падводзячы высновы варта адзначыць, што этнакультурныя асаблівасці старавераў Паўночна-Заходняй Беларусі яскрава праяўляюцца ў радзіннай абраднасці. Як і на многія іншыя абрады старавераў, на радзіны таксама аказала значны ўплыў царква і шмат у чым рэгламентавала іх правядзенне. Разам з тым, у гэтай частцы культуры маюцца агульныя рысы з мясцовым беларускім насельніцтвам. Гэта абумоўлена як этнакультурным узаемадзеяннем, так і шэрагам агульных заканамернасцей развіцця радзіннай абраднасці ва ўсходнеславянскага насельніцтва. На вялікі жаль, гэтая частка культуры доўгі час не з’яўлялася прадметам вывучэння, таму характарыстыка яе, пераважна, прадстаўлена на аснове матэрыялаў сучасных палявых даследаванняў. У сваю чаргу, яны сведчаць аб істотнай трансфармацыі і рэдукцыі радзіннай абраднасці, што ў значнай ступені перашкаджае пазнанню народных традыцый у гэтай частцы культуры старавераў-беспапоўцаў азначанага рэгіёна.

ЛІТАРАТУРА

1. Адамкович А. Фольклор старообрядцев Шарковщины (социолитургический аспект): магист. работа; Вильн. пед. ун-т. – Вильнюс, 2008. – 321 с.
2. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб.: Наука, 1993. – 240 с.
3. Глыбоччыны духоўнасці глыбіні: Народная духоўная культура Глыбоцкага раёна / аўт. кал.: В.С. Новак [і інш.]; пад агул. рэд. В.С. Новак. – Мінск: БЕЛТА, 2014. – 304 с.
4. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Ф.1439. Воп. 2. Спр. 1.
5. ДАВВ. – Ф. 1439. Воп. 2. Спр. 8.
6. ДАВВ. – Ф. 1439. Воп. 2. Спр. 68.
7. ДАВВ. – Ф.4029. Воп.1. Спр.13.
8. Кожурин К.Я. Повседневная жизнь старообрядцев. – М.: Молодая гвардия, 2014. – 555 [5] с.
9. Муратова Е. Религиозные традиции и выбор имени в старообрядческой среде // Latgale kā kultūras pierobeža. – Daugavpils, 2008. – С. 120–126.
10. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Ф. 136. Воп.1. Спр.7963.
11. По заветам старины. Мифологические сказания, заговоры, поверья бытовая магия старообрядцев Литвы. Издание подготовил Ю.А. Новиков. – СПб.: Тропа Троянова, 2005. – 296 с.
12. Труды о съезде старообрядцев всего Северо-Западного, Привислянского и Прибалтийского краев и других городов Российской империи, состоявшемся в городе Вильне 25–27 января 1906 года. – Вильна: Тип. штаба Виленского военного округа, 1906. – 206 с.
13. Хурсан Т.І. Стараабраднасці Беларусі: мінулае і сучаснасць. – Мінск: Бел. навука, 2020. – 175 с.
14. Lietuvos centrinis valstybės archyvas (Літоўскі цэнтральны дзяржаўны архіў; LCVA). – F.1681. Ap.1. B.36.
15. LCVA. – F.1681. Ap.1. B.45.
16. LCVA. – F.1681. Ap.1. B.175.
17. LCVA. – F.1681. Ap.1. B.192.
18. LCVA. – F.1681. Ap.1. B.350.
19. LCVA. – F.1681. Ap.1. B.468.

Паступіў 11.05.2025

²⁶ Зап. у 2022 г. Аўсейчыкам У.Я. ад Васільевай У.П., 1943 г.н. у в. Мілейкі Мёрскага р-на.

**РОДИЛЬНО-КРЕСТИЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ СТАРОВЕРОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НАЧАЛА XXI В.)****канд. ист. наук, доц. В.Е. ОВСЕЙЧИК****(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)**

В статье рассмотрена родильная обрядность старообрядческого населения северо-западной Беларуси во второй половине XX – начале XXI в. Основой для работы стал комплекс фольклорно-этнографических материалов, зафиксированных в регионе в ходе полевых исследований. Рассмотрена структура родильно-крестильной обрядности, выделены основные этапы и части обрядового комплекса, охарактеризованы особенности ритуальных действий и связанные с ними представления. Прослежена эволюция родильно-крестильной обрядности староверов во второй половине XX – начале XXI в.

Ключевые слова: родильная обрядность, староверы, Северо-Западная Беларусь, ритуал, крестины, эволюция.

**MATERNITY AND CHRISTENING RITUALS OF THE OLD BELIEVERS
OF NORTH-WESTERN BELARUS (BASED ON THE MATERIALS OF FIELD RESEARCH
OF THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY)****U. AUSEICHYK****(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)**

The article deals with the maternity rituals of the Old Believers in north-western Belarus in the second half of the twentieth – early twentieth centuries. Materials recorded in the region in the course of field research. The structure of maternity and baptismal rituals, the main stages and parts of the ritual complex are highlighted, the peculiarities of the ritual actions and the associated ritual actions and related representations are characterised. The evolution of Old Believers' maternity and baptismal rituals is traced. in the second half of the twentieth – beginning of the twentieth century.

Keywords: maternity ritual, Old Believers, north-western Belarus, ritual, baptism, evolution.

УДК 39.01(=161.3)+39.01(=172)(091)

DOI 10.52928/2070-1608-2025-75-3-84-99

**ЭТНИЧНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ БЕЛАРУСАЎ І ЛІТОВЦАЎ НА ПАДСТАВЕ
«ОБРАЗЧИКОВ РЕЧИ», САБРАНЫХ П.І. КЁПЕНАМ У 1827 Г.****канд. гіст. навук, дац. Ю.І. ВНУКОВІЧ****(Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры****Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск)****ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2037-8150>**

У артыкуле разглядаецца адна з першых спроб статыстычнага падліку «нярускіх» жыхароў еўрапейскай часткі Расійскай імперыі, калі П.І. Кёпен у 1827 г. намагаўся высветліць прыблізную колькасць і межы рассялення «літоўскіх народаў». Галоўнай праблемай, з якой першапачаткова давялося сутыкнуцца даследчыку пры вызначэнні этнічных меж у паўночна-заходніх губернях Расійскай імперыі, было адрозніванне «сапраўдных» літоўцаў і суседніх беларусаў, якія мелі не толькі падобную культуру і традыцыі, але і агульную вонкавую назву «літва» / «літвіны». Таму, каб развязаць яе, даследчык з дапамогай святароў Віленскай, Ковенскай, Мінскай і Курляндскай губерняў арганізаваў шырокамаштабны збор звестак пра гутарковую мову мясцовых жыхароў як спецыфічны маркер іх этнічнай ідэнтычнасці.

Лінгвістычны прынцып этнічнай ідэнтыфікацыі і дыферэнцыяцыі беларусаў і літоўцаў, першапачаткова скарыстаны З. Даленгам-Хадакоўскім і пасля развіты П.І. Кёпенам, у значнай меры апырэдэжваў свой час, бо этнічны склад насельніцтва губерняў Расійскай імперыі аж да 1860-х гг. высвятляўся пераважна на падставе крытэрыю веравызнання. Менавіта моўная адметнасць гэтых народаў стала галоўным «ключом» да вырашэння праблемы правядзення «ліній» паміж імі як дзвюма адрознымі этнічнымі супольнасцямі.

Ключавыя словы: этнічная ідэнтыфікацыя, катэгарызацыя, статыстыка, этнічныя межы, беларусы, літоўцы, этнонімы, лінгвонімы, гістарычная дыялекталогія, П.І. Кёпен.

Уводзіны. Навуковая спадчына акадэміка Пятра Іванавіча Кёпена (1793–1864) мае важнае значэнне для разумення працэсаў «вынаходніцтва» этнічнасцей як першачарговых уліковых катэгорый насельніцтва Расійскай імперыі. Менавіта ён быў адным з галоўных ініцыятараў стварэння ў 1845 г. уплывовай даследчай установы – Рускага геаграфічнага таварыства (РГТ), з актыўнай дзейнасцю якога звязана прасоўванне і пашырэнне ў навуковым і грамадскім дыскурсах паняццяў «племя», «народ» і «народнасць».

У працах па гісторыі Беларусі і Літвы прозвішча П.І. Кёпена звычайна згадваецца ў кантэксце этнічнай статыстыкі і картаграфіі – пры вырашэнні пытанняў агульнай колькасці беларусаў і літоўцаў, а таксама пры вызначэнні іх тэрыторый пражывання ў сярэдзіне XIX ст. [1, с. 83–97; 2, р. 26–44; 3, р. 42–51; 4, р. 184–194; 5, с. 496 і інш.]. У першую чаргу даследчыкі звяртаюцца да так званых «парафіяльных спісаў» – каштоўнай статыстычнай крыніцы, што была пакладзена ў аснову шэрагу тагачасных прац па вывучэнні «народонаселення *Северо-Западного края*» (напрыклад, М. Лябёдка [6], М.В. Каяловіча [7], Н. Сталпянскага [8] і інш.). Гэтым працам надавалася вялікае палітычнае значэнне ў сістэме доказаў «рускага» або «польскага» характару беларуска-літоўскіх зямель [1, с. 17–18; 5, с. 496]. Шырокамаштабная кампанія па збору статыстычных звестак, якую часам называюць ледзь не першым перапісам насельніцтва Расійскай імперыі, праводзілася па ініцыятыве П.І. Кёпена пераважна ў 1857–1858 гг. У разасланных ім спецыяльных анкетах у форме табліцы мясцовыя святары павінны былі ўказаць колькасць, веравызнанне і этнічную прыналежнасць сваіх прыхаджан. Адсюль і назва, якая замацавалася за атрыманымі такім чынам статыстычнымі звесткамі – «*приходские списки*».

Яшчэ адзін прадукт навуковай дзейнасці П.І. Кёпена, які дагэтуль актыўна выкарыстоўваецца ў дыскурсе тэрытарыялізацыі літоўскай і беларускай этнічнасцей (у тым ліку для абгрунтавання ірэдэнтэсцкіх прэтэнзій) – «Этнографическая карта Европейской России» («Этнаграфічная карта Еўрапейскай Расіі») [9]. Выдадзеная ў 1851 г., яна стала першай этнаграфічнай картай Расійскай імперыі, надрукаванай масавым тыражом. У 1852 г. карта была перавыдадзена другі раз, а ў 1855 г. – трэці. У меншым маштабе ў 1854 г. у Лондане яе выдаў Р. Латам (R.G. Latham), уключыўшы ў выданне «*The native Races of the Russian Empire*» («Карэнныя народы Расійскай імперыі») [10]. Гэтая карта не толькі адлюстроўвала рассяленне мясцовых народаў, але і візуалізавала афіцыйнае ўяўленне пра «сваяцкія сувязі» і «гістарычныя іерархіі» этнічных катэгорый насельніцтва Расійскай імперыі: вылучанай на ёй палітычна ўплывовай катэгорыі «*русских*»¹ наглядна супрацьпастаўляліся размаітыя «*инородцы*», у спіс якіх траплялі таксама «*литовцы в пространном смысле*» (гэта значыць усе разам узятыя балцкія народы).

¹ Наконт больш падрабязнай класіфікацыі «русскіх» (гэта значыць усходніх славян) на асобныя этнічныя падкатэгорыі П.І. Кёпен пісаў: «Там, где обитают Великороссияне, Малороссияне и Белоруссы, карта осталась нераскрашенною. <...> Некоторые показания сего рода внесены мною в большие Этнографические Атласы, составленные как для Академии Наук, так и для Географического Общества. В объяснениях по губерниям эти отношения не будут оставлены без внимания» [11, с. 25]. Сапраўды, у атласе, які быў выдадзены ўсяго ў трох экзэмплярах, на асобных аркушах спецыяльнай карты заходняй часткі Расіі Г.Л. Шуберта былі пазначаны межы рассялення беларусаў (якія ў тым ліку адасаблялі іх ад уласна рускіх), хоць тэрыторыя іх пражывання, як гэта рабілася з «нярускімі» народамі, не была адмыслова вылучана фарбай [12, с. XXIII, XXIV, XXIX, XXX]. Адзіным народам, з якім П.І. Кёпен не размежаваў беларусаў у атласе, былі ўкраінцы.

У спецыяльна выдадзеных да этнаграфічнай карты тлумачальных каментарыях П.І. Кёпен прызнаваўся, што найвялікшыя цяжкасці пры складанні карты, ідэю стварэння якой ён выношваў яшчэ з пачатку 1820-х гг. [13, с. 212–213], выклікала вызначэнне дакладных меж рассялення літоўцаў: «Всего труднее было иметь положительныя показанія о Литовцах, которых пределы и число я уже в 1827 году тщетно старался узнать хотя бы приблизительно. Статья моя о литовских народах была переведена на языки немецкий и польский, но, к сожалению, без дальнейшего разъяснения этого предмета» [11, с. 14]. Імкнучыся скласці ўсебаковае ўяўленне пра этнічную спецыфіку балтаў, П.І. Кёпен пачаў паглыблена вывучаць іх мову, гісторыю і культуру, вынікам чаго стаў грунтоўны навуковы артыкул [14], дадаткова перакладзены на нямецкую і польскую мовы [15; 16]. У ім даследчык пачаў ужываць у дачыненні да гэтых народаў агульную зборную назву – «*литовское племя*», якое ён падзяліў на «три главные ветви»: «*на Латышской*», «*Пруско-Литовцев*» і «*на собственно так называемую Литву с принадлежащею к оной Жмудью*» [14, с. 3]. Такім чынам, як «*літоўскія*», гэтыя народы класіфікаваліся ў рускамоўных геаграфічных, статыстычных і этнаграфічных працах цягам усяго XIX ст. [17, с. 62; 18, с. 68; 19, с. 153–154 і інш.], пакуль гэты тэрмін не выціснула іншая больш нейтральная назва «*балты*», прапанаваная нямецкім гісторыкам і філолагам Г. Нэсельманам яшчэ ў 1845 г. Удакладняючы, як ён увогуле распачаў збор звестак «*о том, где и какие живут инородцы и Словенские племена*», П.І. Кёпен пісаў: «Так, напр., в 1827 году я из 277 римско-католических и бывших униатских приходов нынешних губерний Виленской (101 прих.), Ковенской (1), Курляндской (5) и Минской (170), получил сведения о жителях и употребляемом ими языке, с образчиками их речи» [14, с. 15].

Такім чынам, спрабуючы акрэсліць арэалы мясцовых народаў, П.І. Кёпен першапачаткова сутыкнуўся з праблемай вызначэння этналінгвістычнай мяжы паміж літоўцамі і беларусамі, яснага падыходу да этнічнай ідэнтыфікацыі / адрознівання якіх у навуцы пакуль не было.

Асноўная частка. Пра некаторыя акалічнасці пачыненняў П.І. Кёпена па вывучэнні этнічнага складу насельніцтва паўночна-заходніх губерняў Расійскай імперыі можна даведацца з яго рукапісных матэрыялаў, што захоўваюцца ў навуковым архіве Рускага геаграфічнага таварыства ў г. Санкт-Пецярбургу. Так, у 1849 г. у перапісцы з П.В. Кукальнікам, які толькі-толькі быў прызначаны «чыноўнікам па зборы статыстычных звестак пры Віленскім Ваенным Губернатары і Генерал-Губернатары Гродзенскім, Мінскім і Ковенскім» [20, арк. 21], П.І. Кёпен, просячы «*предоставить более точные сведения о литовцах*» для складання этнаграфічнай карты Еўрапейскай Расіі, уводзіў таго ў курс справы: «Уже в 1827 году мною при проезде через Вильно приняты были меры к определению границ страны обитаемой Литовцами (Жмудью) как видно из следующего отношения моего ко Официалу Иоанну Хоревичу» [21, арк. 39]. У лісце да афіцыяла, мінскага кафедральнага каноніка Яна Харэвіча паведамлялася, што міністрам народнай асветы вучонаму было даручана заняцца напісаннем «*Исторического и Статистического обозрения учебных заведений в Российской Империи ему подведомых*» [Тамсама]. Аднак, як пісаў сам П.І. Кёпен, «*не понимая сие поручение*», ён «*для некоторых соображений*» займеў патрэбу «*в сведениях о жилищах Литовцев (Жмуди) и разныя наречия употребляющих Русских*», дзеля чаго прасіў іерарха каталіцкай царквы, а таксама адміністрацыйна Віленскага біскупства, прэлата Мікуцкага, даставіць яму ў Сімферопаль звесткі, сабраныя парафіяльнымі святарамі паводле адмысловай анкеты, як гэта яны ў свой час ужо дапамагалі зрабіць З. Даленгу-Хадакоўскаму [Тамсама]. Хоць у лісце, на жаль, наўпрост і не ўдакладнялася, што гэта былі за «*соображения*», якія заахвоцілі вучонага ў 1827 г. заняцца вывучэннем рассялення літоўцаў і суседніх славянскіх народаў, аднак можна меркаваць, што на іх паўплывала – гэта навуковыя ідэі і падыходы З. Даленгі-Хадакоўскага, з якім П.І. Кёпен быў добра знаёмы².

Звяртаючыся за дапамогай у зборы неабходных звестак пра літоўцаў, П.І. Кёпен, апрача іншага, на ўсялякі выпадак перапытваў у П.В. Кукальніка: «Что в Северных уездах Черниговской Губернии, и в самом западном краю Орловской Губернии Литовцами называются Белоруссы, это Вам, Милостивый Государь, конечно известно» [21, арк. 19]. Такая пастаноўка пытання лішні раз сведчыла пра тое, наколькі статыстыка, географ і этнограф П.І. Кёпена турбавала праблема этнаніміі, якой ён быў вымушаны займацца пры стварэнні сваёй этнаграфічнай карты і распрацоўцы намінацыйнай табліцы народаў Расійскай імперыі.

Добра вядома, што назва «літва» / «літвіны» ў XIX ст. у залежнасці ад кантэксту магла абазначаць не толькі ўласна літоўцаў, але і беларусаў³. Сам П.І. Кёпен на гэты конт сведчыў: «Русскими и Малороссианами <Белоруссы. – Ю. В.> называются Литвою (Литвинами), так напр. в самой Западной части Орловской губернии и в северной

² Зарыян Даленга-Хадакоўскі (сапраўднае імя і прозвішча – Адам Чарноцкі) быў адным з першых, хто ў Расійскай імперыі стаў мэтанакіравана займацца параўнальным вывучэннем і апісаннем славянскіх і іншых народаў. Спрабуючы засведчыць, як ён фармуляваў, «*Единообразие, некогда бывшее у Всех Славян*» [22, арк. 1–2; 23, с. 479–480], вучоны-самавука праводзіў актыўныя гістарычныя, археалагічныя і лінгвістычныя рашукі ў еўрапейскай частцы Расійскай імперыі і прылеглых тэрыторыях. Разглядаючы і разумеючы славян як агульнае цэлае, шляхам рэканструкцыі і параўнання З. Даленга-Хадакоўскі не толькі канцэптуалізаваў паняцце «славянства», але і паспрабаваў вызначыць прыкметы, паводле якіх, на яго думку, можна было вылучыць гэтую агульнасць. Да іх даследчык аднёс тыпалагічна блізкія археалагічныя помнікі (найперш, гарадзішчы), тапанімічныя назвы і гутарковую мову. На падставе сукупнасці гэтых прыкмет ён намагаўся акрэсліць арэалы розных славянскіх народаў у мінулым і сучасным.

У цэлым П.І. Кёпен станоўча ацэньваў навуковую дзейнасць і спадчыну З. Даленгі-Хадакоўскага, нават падарожнічаў разам з ім [24, с. 78; 25, с. 8–12], але ў ходзе ўласных вандровак па Усходняй Еўропе паставіў пад сумнеў галоўную гіпотэзу апошняга пра гарадзішчы як унікальныя помнікі, што ўказвалі на агульнае паходжанне славянскіх народаў. Гэта выклікала адмоўную рэакцыю і абурэнне З. Даленгі-Хадакоўскага [26, арк. 2].

³ «Літвай» і «літвінамі» беларусаў называлі перадусім іх паўднёвыя і ўсходнія суседзі, на што рэгулярна звярталі ўвагу шматлікія падарожнікі і даследчыкі ўсходнеславянскага памежжа аж да пачатку XX ст. [27, с. 147–148; 28, с. 12; 29, с. 55; 30,

части Черниговской губернии. Также белорусов переселенцев в Таврической, Екатеринославской и др. губерниях называли литвинами» [21, арк. 2]. Ужыванне наймення «літва» / «літвіны» ў якасці экзатоніма беларусаў з боку іх усходнеславянскіх суседзяў у XIX ст., у сваю чаргу, непазбежна прыводзіла даследчыкаў да блытаніны з этнічнай намінацыяй і катэгарызацыяй «сапраўдных» літоўцаў (гэта значыць «тых, хто размаўляе па-літоўску»)⁴.

Узнікала дылема, якую П.І. Кёпен фармуляваў наступным чынам: «Слова *Литвин* и *Литва* <в значении *Белорусс*. – *Ю. В.*> употребляются в губерниях Черниговской, Орловской и пр. Если допустить такое значение этого слова, то настоящих литовцев придется именовать *Жмудью*» [38, с. 78–79]. У 1840-я гг. Пётр Іванавіч (прынамсі, у перапісцы з адміністратарамі паўночна-заходніх губерняў, якую з мэтай збору этнічнай статыстыкі ён наладзіў ад імя РГТ) стаў ужываць яшчэ больш разгорнутае ўдакладняючае вызначэнне – «*настоящая Литовцы, так называемая Жмудью*» [39, арк. 1, 7, 47]. У гэтую катэгорыю траплялі людзі «*Римско-Католического вероисповедания, сохранившие до сем древнее Литовское наречие*» [39, арк. 24]. У рэшце рэшт, апісваючы літоўцаў Гродзенскай губерні, П.І. Кёпен склаў наступную фармулёўку літоўскай этнічнасці: «*Жители настоящего литовского племени <...> говорят настоящим литовским наречием, исповедуют римско-католическую веру и принадлежат сословию крестьян*» [40, арк. 35].

Як бачна, ад самага пачатку шматзначнасць назвы «літва» / «літвіны» ўскладняла і без таго няпростую (палітычна нюансаваную) дыферэнцыяцыю гістарычна блізкіх і культурна падобных груп балцкага і славянскага насельніцтва на землях былога Вялікага Княства Літоўскага. Таму, каб правесці мяжу і разрозніць беларусаў і «сапраўдных» літоўцаў (галоўным чынам, сялян з размытай і невыразнай этнічнай самаідэнтыфікацыяй), П.І. Кёпен у якасці спецыфічнага этнічнага вызначальніка стаў выкарыстоўваць «*образчики речи*» (ці «*образчики наречия*»), гэта значыць узоры жывой гутарковай мовы – самай кантрастыўнай адрознай рысы гэтых народаў. Для збору неабходных матэрыялаў навукоўца скарыстаўся анкетным метадам даследавання, апрабаваным яшчэ З. Даленгам-Хадакоўскім, які ў 1822 г. звярнуўся да прафесара Віленскага ўніверсітэта Івана Лабойкі за дапамогай у атрыманні звестак аб тэрыторыі пашырэння беларускай мовы ў Літве. У прыватнасці, яго цікавіла, «як далёка заходзіць беларуская мова ад Друі да Вільні». Апрача моўнай сітуацыі, што склалася ў беларуска-літоўскім памежжы, З. Даленга-Хадакоўскі таксама цікавіўся, «як далёка гарадкі, гарадзішчы, гародны і г. д. зайшлі з левага боку Дзвіны, праз што павінна адкрыцца першапачатковая мяжа ўласнай Літвы» [41, с. CXLIX]. І. Лабойка прапанаваў З. Даленгу-Хадакоўскаму выкласці свае пытанні ў выглядзе анкеты на польскай мове, каб раздаць яе студэнтам Віленскага ўніверсітэта. Планавалася, што студэнты маглі б сабраць неабходныя звесткі ў час летніх вакацыяў, раз'ехаўшыся па сваіх родных мясцінах [25, с. 8; 42, с. 56].

Каб паскорыць справу, З. Даленга-Хадакоўскі звярнуўся таксама да Літоўскага генерал-губернатара А. Рымскага-Корсакава з просьбай аб дапамозе з боку афіцыйных улад. Апошні прыхільна паставіўся да ідэі збору матэрыялаў паводле анкеты і загадаў накіраваць адпаведныя прадпісанні спраўнікам Віленскай і Гродзенскай губерняў і Беларускай вобласці з дадаткам формы ў графах з пытаннямі, а таксама разаслаць іх ад імя кансісторый да плябанаў. Неўзабаве ў газеце «*Kuryer Litewski*» («*Кур'ер літоўскі*») была апублікавана адпаведная адозва да чыноўнікаў, памешчыкаў і парафіяльных святароў з заклікам дапамагчы З. Даленгу-Хадакоўскаму высветліць пытанне, у якіх мясцінах жыхары размаўляюць па-літоўску, а ў якіх – па-беларуску⁵ [43, с. 1]. У канцы 1822 г. з парафій Віленскага біскупства сталі паступаць першыя адказы на разасланую анкету, а ў канцы 1823 г., калі іх набіралася аж 238, яны былі адпраўлены віленскай рыма-каталіцкай кансісторыяй З. Даленгу-Хадакоўскаму ў Маскву [25, с. 8–12; 42, с. 57]. Далейшы лёс гэтых матэрыялаў застаецца невядомым⁶.

с. 192; 31, с. 533; 32, с. 8; 33, с. 6; 34, с. 12, 16]. Аднак усведамляючы, што насамрэч «сапраўдныя літвіны, або літоўцы засяляюць Літву», а не Беларусь, многія публіцысты, прынамсі, з другой паловы XIX ст. сталі лічыць такое дыялектнае найменне для беларусаў з боку ўкраінцаў і рускіх «памылковым», «недакладным», «няправільным» [32, с. 8; 35, с. 7 і інш.].

⁴ У другой палове XIX ст. этнограф М.А. Янчук у сувязі з гэтым вылучыў дзве канцэптуальныя праблемы, «на якіх прыдзецца наталківацца всякому, кто будет иметь дело с белоруссами»: «Во-первых, иногда немалую трудность представляет определить, действительно-ли исследуемый субъект есть белорусс, тем более, что название, «белорусс» – книжное, сочиненное, а сами белоруссы никогда не называют себя белоруссами. В народе существует только подразделение на русских и поляков; но не следует думать, что это различие действительно основано на национальности: это – деление по вероисповеданию. Народ отождествляет вероисповедание с происхождением, и всякий белорусс, числящийся католиком, считается уже, благодаря этому поляком, и на оборот, исповедующий православие считается уже русским, к какой бы национальности он ни принадлежал. <...> Другое затруднение происходит от того, что на местном языке, а тем более на польском, нередко смешиваются в названии Белоруссия и Литва, белорусский язык и литовский, т.е. по старинной памяти о тех временах, когда Белоруссия и Литва составляли одно целое, все белорусское называется литовским» [36, с. 25–26]. На блытаніну з этнічнай ідэнтыфікацыяй і дыферэнцыяцыяй беларусаў і літоўцаў пры зборы статыстычных звестак наракалі не толькі беларусазнаўцы, але і літуаністы. Так, знакаміты лінгвіст Э. Вольфэр пісаў: «При собирании статистических сведений часто смешиваются понятия *Литвин*, *Литва* в историко-географическом значении с литвою этнографическою. Литвином считается должен тот, кто в домашнем быту говорит по-литовски, не смотря на то, что церковь её учит польскому, а народная школа русскому языку» [37, с. 133].

⁵ Гэта было неабходна яму, каб «открыть ту черту, которая разделяет Русское-Кривичское наречие и Славянское городство от собственной Литвы, начиная от Друи на Двине, к окрестностям Вильны и Ковна, а в Польском Царстве к Райгороду, что на пределах Литвы Прусской» [41, с. CXLII].

⁶ Незапоўнены бланк анкеты-апытальніка пад назвай «*Wiadomość o rozszerzeniu języka Litewskiego, Łotewskiego, Żmudzkiego y Rozności jego Dyalektow*» («Ведомость аб пашырэнні мовы літоўскай, латышскай і жмудзкай і адрознасці яе дыялектаў»), складзенай З. Даленгам-Хадакоўскім пры дапамозе І. Лабойкі, быў выяўлены М. Скіданавай і Дз. Лісейчыкавым сярод папер былой уніяцкай царквы Бабруйскага павета, што захоўваюцца ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі.

Матэрыялы, сабраныя П.І. Кёпенам з дапамогай уніяцкіх і каталіцкіх святароў у 1827 г. у Віленскай, Ковенскай, Мінскай і Курляндскай губернях, захоўваюцца ў Санкт-Пецярбургскім філіяле Архіва Расійскай акадэміі навук [44–46]. Яны атрымалі агульную назву «Сведения о русских наречиях» («Звесткі аб рускіх гаворках») і, у адрозненне ад «парафіяльных спісаў» 1857–1858-х гг.⁷, доўгі час не прыцягвалі да сябе пільнай увагі даследчыкаў-беларусістаў (хоць імі ў свой час карыстаўся Я. Карскі [47, с. 234–235]). Таксама паведамленні каталіцкіх святароў з Пружанскага і Слонімскага дэканатаў Гродзенскай губерні ды Віленскага і Упіцкага дэканатаў Віленскай губерні (усяго – 46), сабраныя ў 1827 г. па форме аналагічнай анкеты, але па невядомых прычынах так і не дасланыя П.І. Кёпену, захоўваюцца ў архіўных матэрыялах Віленскай курыі ў г. Вільні [48–51]. Праўда, у апошніх (у адрозненне ад паведамленняў, што трапілі да даследчыка ў Сімферопаль) адсутнічае моўны дадатак у выглядзе «образчиков речи», што некалькі зніжае іх лінгвістычную вартасць.

Анкета, прапанаваная П.І. Кёпену у 1827 г. для запаўнення рыма-каталіцкім і ўніяцкім святарам на польскай мове, даслоўна паўтарала назву (і пытанні) анкеты З. Даленгі-Хадакоўскага – «Wiadomość o rozszerzeniu języka Litewskiego, Łotewskiego, Żmudzkiego u Rozności jego Dyalektów» («Ведомасць аб пашырэнні мовы літоўскай, латышскай і жмудзкай і адрознасці яе дыялектаў»), што адлюстроўвала жаданне даследчыкаў высветліць найперш арэалы балцкіх моў і дыялектаў. Адказы на пытанні анкеты афармляліся ў выглядзе рукапіснай табліцы з васьмю графамі. У першай графе неабходна было пазначыць назву парафіі з указаннем павета губерні, а таксама пералічыць парафіі, з якімі яна мяжуе. У другой упісваліся населеныя пункты, што ўваходзілі ў склад парафіі. У трэцяй падавалася колькасць асоб абодвух палоў у кожнай вёсцы.

У чацвёртай графе, якая называлася «Liczba Dusz w iedney Wiosce, w których Kmieć osobnym Dyalektem rozmawia» («Колькасць душ у адной вёсцы, у якіх сяляне на асобным дыялекце размаўляюць»), упісвалася назва мясцовай мовы або дыялекту і, пры неабходнасці, пазначалася дакладная колькасць жыхароў, якія размаўляюць на розных мовах. Прадбаччы метадалагічныя цяжкасці, з якімі маглі сутыкнуцца святары пры адказе на гэтае пытанне, у анкеце З. Даленгі-Хадакоўскага ў якасці падказкі былі прадугледжаны магчымыя варыянты – «Ruskim, Polskim, Litewskim, Łotewskim, Żmudzkim, ich odmianą» («На рускай, польскай, літоўскай, латышскай, жмудзкай, іх варыянтах»), а таксама мелася невялікая інструкцыя – «W ten czas tylko liczbą Domów wyrażać w wiosce Jeżeli pewne domu wyłącznym jakim dyalektem rozmawiają, a prze to wyszczególniają się od Jnnych» («У тым толькі выпадку колькасць дамоў указваць у вёсцы, калі пэўныя дамы размаўляюць на адметным дыялекце, і такім чынам адрозніваюцца ад іншых»). Дакладную колькасць носьбітаў той або іншай мовы святары пазначалі, як правіла, у шматмоўных парафіях беларуска-літоўскага памежжа. У суцэльна літоўска-ці беларускамоўных паветах такой патрэбы папросту не было, таму ў гэтай графе найчасцей агулам характарызавалася «аднастайная» мова парафіян. Напрыклад, святар Ільянскай парафіі Вілейскага павета так адказваў на гэтае пытанне: «Żadney między Wsiami odmiany niema w mówieniu Języka, jnnym Dyelektem, prócz Ruskiego y Żydowskiego, a jakę liczbę dusz onych y Domow znaydowosie może o tem dokładniej dowieść niemogę» [45, арк. 44–46]. Натуральна, што пытанне наконт балцкіх («літоўскай, латышскай і жмудскай») моў, вынесенае ў назву анкеты, выклікала шчырае здзіўленне ў некаторых святароў з беларускамоўных парафій, якія сцвярджалі, што іх парафіяне нават не чулі пра такія мовы і гаворкі.

У адной асобнай анкеце пад назвай «O Dyalekcie Języków, jakiemi mianowicie pospółstwo rozmawia z sobą» («Аб дыялекце моў, на якіх менавіта жыхары размаўляюць паміж сабой»), якую да асноўнай («статыстычнай») ведамасці далучыў і даслаў П.І. Кёпену парох Стара-Псуйскай парафіі Дзісенскага павета Ян Эльшэвіч [45, арк. 168–171], у графе пра мову да пытання «W obrębie téy Parafii jakim Dialektem czyli językiem pospółstwo rozmawia z sobą» («У межах той парафіі на якім дыялекце ці мове жыхары размаўляюць паміж сабой») таксама прапаноўваліся варыянты адказаў, але сфармуляваныя ўжо іншым чынам – «czy Litewsko-Ruskim, czy Białoruskim, lub Polsko-Ruskim, albo też Litewskim, Łotewskim, czyli Żmudzkim» («ці на літоўска-рускай, ці беларускай, або польска-рускай, альбо таксама на літоўскай, латышскай, ці жмудзкай»). Гэта сведчыць пра пазнейшую дапрацоўку анкеты Хадакоўскага Кёпенам.

У пятай графе ў анкеце ўказвалася веравызнанне сялян, а ў шоста – агульная колькасць парафіян. У перадапошняй графе трэба было адзначыць колькасць татароў і армян (з указаннем іх веравызнання), калі такія меліся на тэрыторыі парафіі. І, нарэшце, у апошняй графе святары ўказвалі звесткі пра асаблівасці геаграфічнага становішча вёскі і з іхняга гледзішча вартыя ўвагі гістарычныя факты пра яе заснаванне. Да гэтага пытання ў анкеце Хадакоўскага (і, мяркуючы па адказах святароў, Кёпена) таксама была прапісана інструкцыя-тлумачэнне: «У якой вёсцы, двары ці іншага тыпу паселішчы парафіі знаходзяцца помнікі старажытнасці: што тычыцца кніг літоўскіх, латышскіх, жмудскіх, навуковых устаноў; гэтаксама рэлігійных абрадаў, або старадаўніх звычаяў, якія ў ваколіцах яе знаходзяцца асаблівасці».

Апрача асноўных пытанняў анкет, святарам таксама дадаткова прапаноўвалася паведамляць інфармацыю, ці вядома ім што-небудзь «пра першапачатковую лінію, што падзяляе ў Віленскай губерні галіны літоўскага народу ад так званых русінаў»⁸.

⁷ Асобнага даследавання патрабуе параўнанне статыстычных звестак, атрыманых П.І. Кёпенам у 1827 і 1857–1858 гг., што дазволіла б высветліць пэўныя змены, якія адбыліся з этнічнай ідэнтыфікацыяй насельніцтва за гэты перыяд часу.

⁸ Цалкам гэтае пытанне ў анкеце Хадакоўскага было сфармулявана так: «Ці сапраўды першасная лінія, што аддзяляе ў Віленскай губерні галіны літоўскага народа ад так званых русінаў, ідзе праз возера Дрысвяты, па Дзісне, рацэ Жэймяне, што ўпадае ў Вілію, і па гэтай жа рацэ да Коўна: гэта значыць у палове Віленскай губерні паміж Коўнам, Юрбаркам, Палангай і Пікелямі, да мяжы з Курляндый? Паводле якой лініі літоўская мова ідзе без перапынку? А таксама: Якую можна правесці

Нарэшце, да ведамасці святары павінны былі прымацаваць асобны аркуш з «образчыком речі»⁹ – перакладам на гутарковую мову парафіян невялікага фрагмента тэксту («Tłumaczenie peryoda na sposób mówienia»), узятага, як нам дапамог вызначыць Вячаслаў Мартысюк, з «маральных аповесцей для дзяцей» Клементыны Гофманавай: «Na próżno Oyciec Jasia łąjał, bił, na pokutę osadzał, nic niepomagało. Jaś zawsze nieprzystoynie ubrany, sińce miał po całym ciele, oczy podbite, po kilka guzów na czole. Niczego mu nastarczyć nie można było, i choć mu daleko więcej sprawiano iak innym dzieciom, on zawsze był brudny, zawalany i obdarty. – Suknie iego tak były poszarpane, kapelusz tak połamany, koszula tak zgnieciona, że kiedy kto z obcych do dworu zaieżdżał, Jaś zawsze pędem uciekał, krył się po kątach, ażeby się nie pokazać gościom» [52, s. 90–91].

Усяго П.І. Кёпен атрымаў звесткі з 277 парафій, дасланыя найболей уніяцкімі святарамі з Мінскай і Віленскай губерняў. Пры гэтым 43 святары (у іх ліку ажно 30 з Дзісенскага павета) даслалі толькі ведамасці, не прымацаваўшы моўнага дадатку ў выглядзе «образчыка речі». І наадварот, два святары даслалі толькі лісты з тэкстамі перакладаў, без ведамасцей. Усяго агульная колькасць узораў маўлення складала 234 рукапісныя тэксты¹⁰. Амаль усе яны напісаныя па-беларуску¹¹ лацінскай графікай; прыкладаў, запісаных па-літоўску, няма.

Такім чынам, шляхам анкетавання святароў быў сабраны не толькі статыстычны, але і ўнікальны лінгвістычны матэрыял¹², які, з аднаго боку, адлюстроўваў моўныя кампетэнцыі і перакладчыцкія здольнасці канкрэтнага рэспандэнта, а з другога – рэальныя дыялектныя асаблівасці мясцовых жыхароў, што красамоўна сведчылі ў тым ліку пра іх этнічную і рэгіянальную ідэнтычнасць.

Атрыманыя звесткі П.І. Кёпен абагульніў у зводнай табліцы, дзе паспрабаваў сістэматызаваць разнастайныя намінацыі, што ўжывалі плябаны (парохі) парафій у дачыненні да гутарковай мовы сваіх парафіян (табліца 1). Трэба адзначыць, што вызначэнні ў перакладзе на рускую мову зводзіліся ім да адзінага варыянта адказу і далёка не заўсёды дакладна адпавядалі польскамоўным арыгіналам (асабліва ў тых выпадках, калі яны адлюстроўвалі характэрныя для гэтага рэгіёна прыклады нявызначанай, размытай або множнай этнамоўнай ідэнтыфікацыі¹³). Таму больш мэтазгодна для аналізу працэса ідэнтыфікавання мовы будзе звярнуцца да арыгінальных звестак з атрыманых анкет.

Ледзь не палова ўніяцкіх і каталіцкіх святароў, што даслалі свае паведамленні П.І. Кёпену, схільная была вызначаць мову сваіх парафіян як «**руська-польскую**» ці «**польска-рускую**»¹⁴ (70 і 59 адказаў з 277 адпаведна), звычайна дадаючы характэрны эпітэт «простая»¹⁵. Варыянт «руська-польская», напрыклад, пазначыла абсалютная

лінію ў іншых губернях, што складалі былое Вялікае Княства Літоўскае?» Гэтаксама, як і пытанне наконт «літоўскай, латышскай і жмудзкай моў», яно было незразумелае для абсалютнай большасці святароў з аддаленых ад балтамоўных тэрыторый паветаў Віленскай, Гродзенскай і Мінскай губерняў, таму ў большасці выпадкаў папросту ігнаравалася. Напрыклад, плябан Раготнаўскай парафіі Слонімскага павета Ігнацій Душакевіч тлумачыў на гэты конт: «Што датычыцца мяжы або лініі, што аддзяляе галіны літоўскага народа ад так званых русінаў, то, з-за адлегласці месца, дакладанага і, такім чынам, пэўнага тлумачэння даць не магу» [51, арк. 10].

⁹ Ці прасіў святароў дасылаць узоры маўлення Хадакоўскі, не вядома.

¹⁰ Капулаўскі і Саланайскі плябаны з Зельбургскага павета Курляндскай губерні даслалі 1 тэкст на дваіх, патлумачыўшы гэта тым, што гаворка мясцовых жыхароў у іх парафіях аднолькавая [45, арк. 268–272]. У адным выпадку (з Станькаўскай парафіі) быў дасланы пераклад іншага кавалка («перыяда») тэксту. Некаторыя святары таксама дапаўнялі «образчык речі» ў выглядзе перакладу дадатковымі прыкладамі асобных слоў, выразаў і зваротаў, запісаных ад мясцовых сялян.

¹¹ Адзінкавыя тэксты перакладаў, насычаныя неўласцівымі для мясцовых гаворак паланізмамі, відавочна, адлюстроўвалі не столькі наяўную этнамоўную сітуацыю, колькі адмысловую пазіцыю святароў, якія такім чынам, відаць, намагаліся даказаць, што мясцовы дыялект ёсць варыянтам польскай мовы. Напрыклад, святар з Барысаўскага павета пацвярджаў сваё меркаванне, што ў ягонай Бродаўскай парафіі «дыялект мовы ёсць просты, аднастайны з польскай мовай», такім тэкстам: «Na próżno oyciec Jasia łąjał, bił, na pokutę osadzał, nic nie pomogło. Jaś zawsze nieprzystoynie ubrany, sińce miał po całym ciele, oczy podbite, po kilka guzów na czole niczego mu nastarczyć nie można było, i choć mu daleko więcej sprawiano, jak innym dzieciom, on zawsze był brudny, zawalany i odarty, suknie iego tak były poszarpane, kapelusz tak połamany, koszula tak zgnieciona, że kiedy kto z obcych do dworu zaieżdżał, Jaś zawsze pędem uciekał, krył się po kątach, ażeby się nie pokazać gościom» [46, арк. 71–73].

¹² Сярод сотняў святароў, задзейнічаных у кампаніі па збору статыстычных матэрыялаў, былі і тыя, хто сумленна спрабаваў прадставіць дадатковыя гістарычныя, мовазнаўчыя і фальклорныя звесткі згодна пытанням анкет (напрыклад, праілюстраваць асаблівасці мясцовай гаворкі запісамі характэрных выразаў, вызначанняў, слоў, даць тлумачэнне назвам населеных пунктаў і інш.). Вельмі каштоўныя звесткі ў гэтым плане даслаў згаданы Ян Эльяшэвіч [53].

¹³ У спрэчных момантах П.І. Кёпен быў схільны аўтаматычна пазначаць мову беларускіх сялян як «польска-рускую». Напрыклад, хоць святар Паўлавіцкай парафіі Бабруйскага павета, які не даслаў узора маўлення, на падставе якога можна было б нешта меркаваць, і пісаў, што жыхары ва ўсіх вёсках размаўляюць на аднолькавай мове «старопольскай прастай» («Staropolskim prostym bez żadnej odmiany we wszystkich wsiach»), П.І. Кёпен унізе гэтай ведамасці ад рукі прыпісаў – «польско-русский язык» [46, арк. 46].

¹⁴ Асобныя ўзоры маўлення гл. ніжэй у п. 1.1 Дадатка.

¹⁵ Увогуле вызначэнне «простая», якое да гэтага часу актыўна выкарыстоўваецца сельскімі жыхарамі беларуска-літоўскага памежжа найперш для характарыстыкі гутарковай беларускай мовы [54, арк. 70, 73–75], фігуравала ў адказах пра мясцовую мову ў самых розных спалучэннях: «prosty język rusko-polski», «język prosty, czyli rusko-polski», «jedyń dyalekt z polska prosty ruski», «polsko-ruski prosty», «prosto polski», «staropolski prosty», «jedenstajny z polska prosty», «dyalekt słowiańsko-polski poprostu», «prosto-ruski», «prosty ruski», «język prosty, mało rozny od ruskiego», «prosty białoruski», «prostouzyty oyczysty białoruski», «prosty litewski», «prosty sławiański», «polesko-litewski prosty» і інш.

большасць святароў з Ігуменскага павета (43 з 49), што, відаць, было вынікам «калектыўнага рашэння», як адказваць на далікатнае моўнае пытанне, сфармуляванае ў чацвёртай графе атрыманай анкеты.

Табліца 1. – «Перечень сведениям, собранным в 1827 году по некоторым Западным Губерниям – приходскими священниками. О народности и языке жителей»

№	Губернии и уезды	Число приходов	Число заселенных мест	Число жителей обоого пола	Употребляемый вообще язык	Примечания
I.	Виленская. Уезды:					
1.	Виленский	40	694	36401	Русско-Польский или Поляко-Русский,	Веросиповедание вообще Римско-унитское или Греко-унитское. Кроме того: 1)
2.	Дисненский	33	847	45464	Литовско-Русский, чисто	татар Магометан в 20
3.	Завилейский	6	143	8101	Русский,	селениях – 227 душ
4.	Ошмянский	22	467	23784	Польский, Литовский, Белорусский и частью Татарский	об.п. 2) Евреев – 55 3) Филипонов в числе Христиан – 101
II.	Итого	101	2151	113750		Иноверцов – 282
	<u>Ковенская</u> Уезд Ново-Александровский	1	22	246	Русский	Унитское исповедание
III.	<u>Курляндская</u> Уезд Зельбургский (Якобштадский)	5	157	1756	Русский и Белорусский	Римско-католическое унитское исповедание
IV	<u>Минская</u> Уезды:					
1	Бобрыйский	27	221	27620	Польско-Русский,	Исповедание вообще Римско-унитское или Греко-унитское, частью
2	Борисовский	54	759	61548	Польско-Литовский,	собственно Католическое и
3	Игуменский	49	406	51959	частью Русский,	Евангелическое. Кроме
4	Минский	40	555	39664	Польский, Литовский, Славянский, Русско-Славянский и Белорусский	того в 3-х селениях Татар около 15и душ об.п. В числе христиан показано Старообрядцев 913 душ
	Итого	170	1941	180791		
	<u>Всего вообще по 4-м губерниям и 10-и уездам</u>	277	4271	296543		Иноверцев в 23-х селениях Татар – около 242хъ Евреев – 55 В числе Христиан Старообрядцев – 923 Евангеликов – 5 Чисто-Католиков – 39

Крыніца: [45, арк. 2].

Амаль тры дзясяткі святароў акрэслілі мову сваіх парафіян як «**рускую**»¹⁶, таксама акцэнтуючы яе «просты», гэта значыць «дыялектны», «размоўны», «сялянскі» характар. Напрыклад, парох Гарадоцкай парафіі Бабруйскага павета Клеменс Любіч сцвярджаў, што ў яго парафіі сяляне размаўляюць «на звычайнай руска-сялянскай мове» [46, арк. 11–12]. Гэтаксама характарызаваў мову сваіх парафіян адміністратар Карытнянскай царквы таго ж павета Васіль Пражого, паведамляючы: «W Tey Parochyi nieznaaydujesię Żadney wsi ani iednego Kmiecia innym Dealektem mówiącego lecz wszyscy Parochyanie prości włościanie służący przyhoń i mówiący Zwykłym Rusko-Chłopskim Językiem» [46, арк. 17–18]. Пётр Голуб з Жаснянскай парафіі Вілейскага павета пісаў, што мясцовыя сяляне размаўляюць «толькі на карэннай мове, гэта значыць простаі, або рускай» [45, арк. 42–43].

Пра тое, што мясцовыя сяляне размаўляюць на мове «рускай, мяшанай з польскай» («Ruskim mieszącym z polskim Językiem»), паведамлілі чатыры святары з Дзісенскага павета [45, арк. 120–121, 130–131, 152–153, 158–159]. Падобныя адказы дасылалі і святары з Мінскага павета, напрыклад, з Крыжоўскай («w Parafij Kryzowskie

¹⁶ Асобныя ўзоры маўлення гл. ніжэй у п. 1.2. Дадатка.

rozmawiaią z sobą Językiem Ruskim mieszaia i polski») [46, арк. 352–354] і Станькаўскай («Ruskim mieszaiać Polski») [46, арк. 392–395] парафій.

Варта падкрэсліць, што «руская» мова для ўніяцкіх і каталіцкіх святароў, якія пісалі па-польску, не была сінонімам «расійскай». «Расійскай», як правіла, называлася мова рускіх-старавераў, калі такія пражывалі на тэрыторыі парафій. Напрыклад, парох Мхерынскай парафій Барысаўскага павета паведамляў, што стараверы, якія пражываюць у Мхерыне (14 чал.), Пагарэлым (10 чал.), Шамках (25 чал.), Надальцах (8 чал.), Страшным (4 чал.) і Арлоўцы (45 чал.), гавораць «на дыялекце расійскай мовы стараабраднакаў» («Dyalekt Języka Rossyyskiego Staro Obradow») [46, арк. 112–114]. Апрача таго, «расійскай» у мясцовым разуменні, відаць, магла ўспрымацца мова не толькі рускіх-старавераў, але і праваслаўных беларусаў з усходніх рэгіёнаў, аб чым можа сведчыць запіс, зроблены Геранімам Насовічам у Бабруйскім павеце: «W Parafij Stepskiej we wsi Stepach i Radoszu Staropolskim Językiem rozmawiaia, procz zas tego we wsi Stepach niedawno nabytych ludzi z Białorusi i sprowadzonych przez Wo Jana <неразборліва> Domow Cztery, ate Greko-Rosyiskim językiem rozmawiaia» [46, арк. 56–57]. Паказальны ў гэтым плане адказ пароха Тумілавіцкай парафій Барысаўскага павета, які адзначаў, што яго парафіяне размаўляюць моваю «рускай, мяшаючы ці дабіраючы выразы з польскай і расійскай моў» («Ruskim wyrazemi mieszanemi czyli dabieranemi z polskiego u Rossiiskiego językow») [46, арк. 196–198].

Каля 20 святароў у якасці размоўнай мовы сваіх парафіян пазначылі розныя варыянты «польскай»¹⁷ («проста-польскую», «старапольскую», «славянска-польскую» і інш.). Святары адразу некалькіх парафій Барысаўскага павета далі падобныя па фармулёўцы адказы, што дыялект мясцовай мовы, маўляў, «ёсць аднастайны з польскай» [46, арк. 61–63, 71–73, 199–200]. У Радзіцкай парафій гэтага ж павета, як паведамлялася, усе размаўлялі «на простым рускім дыялекце, адзіным з польскай мовай» [46, арк. 179–181].

Выключна «простай» мовай ці дыялектам¹⁸ назвалі гутарковую мову сваіх парафіян больш за 20 святароў, іншым чынам ніяк не ўдакладняючы яе агульную назву. Напрыклад, у Лебедзеўскай парафій Вілейскага павета, як сцвярджалася, «ва ўсіх вёсках сяляне ніякім іншым дыялектам не размаўляюць як толькі простым» [45, арк. 62–64]. Гэтаксама, паводле мясцовага святара, было ў Бярэзінскай парафій Барысаўскага павета [46, арк. 64–65]. Святар з Вілейскага павета Васіль Вярыга паведамляў, што ў ягонай Яршэвіцкай парафій «размаўляюць на проста мове, якая мала чым адрозніваецца ад рускай» [45, арк. 111–112]. Гэтаксама пра мову сваіх парафіян адказваў (яго сваяк?) Стэфан Вярыга, які быў святаром Траскоўшчынскай парафій Мінскага павета [46, арк. 415–416]. Якуб Андраеўскі паведамляў, што «ўва ўсёй Мядзельскай парафій ў кожнай вёсцы парафіяне аднолькава размаўляюць паміж сабой па-просту. Напрыклад: Ацец Матка, Брат Сястра, Швагер» [45, арк. 75–76]. Апрача таго, ён удакладняў, «што ў Мядзельскай парафій літоўскага людзям няма. Парафіяне гавораць па-просту як паўсюль» [45, арк. 75–76].

Шляхам цытавання асобных мясцовых слоў і выказаў спрабавалі давесці сутнасць «простай» мовы і іншыя святары. Напрыклад, парох Качэрыцкай царквы з Бабруйскага павета Павел Тамашэўскі так тлумачыў, на якой мове гавораць у яго парафій: «Размаўляюць на старым дыялекце ці даўнім простым – гэта значыць такім – Як што Гдзе Кудой пашоўшы як хочэш Мало Што, не ўсё так ты думаш ну нехай будзе дак будзе» [46, арк. 30–31].

Вялікая частка святароў (45) зусім не ўказалі **ніякага варыянта назвы** для мясцовай мовы, спадзяючыся, напэўна, што больш дакладна яе ідэнтыфікуе сам П.І. Кёпен на падставе прымацаванага да ведамасці ўзору маўлення. Такім чынам, напрыклад, дзейнічаў святар Вялікадолецкай парафій Барысаўскага павета, які даслоўна пісаў: «Jakim w Caley Parafij Wielko-Doleckiej Kmieć rozmawia Dyalektem objaśnia Peryod następny»¹⁹.

Толькі ў 15 з 277 ведамасцей²⁰, дасланных ўніяцкімі і каталіцкімі святарамі з паўночна-заходніх і цэнтральных рэгіёнаў Беларусі, у дачыненні да размоўнай мовы мясцовых жыхароў было ўжыта вызначэнне «**беларускай**»²¹. Найбольш такіх сведчанняў было з Дзісенскага павета: гэты тэрмін прысутнічаў у адказах святароў Глыбоцкай («w Parafii Głębockiej Zadnego Innego Dyalektu Pospósto nie używa prócz Białoruskiego Któremu to Dyalekt od nich że samych iest używany») [45, арк. 116–117], Друйскай («po Białorusku») [45, арк. 124–125], Залескай («Jednostaynym Językiem prostym Białoruskim») [45, арк. 128–129], Лужкоўскай («Białoruskim np. Baćka Day toje niepajdu u humno kali niedasi») [45, арк. 141–142], Мікалаеўска-Старамысельскай («w Parafii Mikolajowsko-

¹⁷ Узор маўлення гл. ніжэй у п. 1.3 Дадатка.

¹⁸ Гл. п. 1.4 Дадатка.

¹⁹ Гл. яго запіс у п. 1.5 Дадатка.

²⁰ З 18 паведамленняў каталіцкіх святароў з Пружанскага і Слонімскага дэканатаў Гродзенскай губерні, што захоўваюцца ў архіўных матэрыялах Віленскай кур'і, толькі ў адным, складзеным куратарам дзярэчынскага Ордэна дамініканаў Людвікам Дашкоўскім, паведамлялася, што хоць мясцовая «шляхта размаўляе на польскай мове», але «сяляне ж размаўляюць на проста беларускай мове» («Wieśniacy zaś mówią Językiem prostym Biało-Ruskim») [51, арк. 12]. У астатніх ведамасцях у дачыненні да мовы парафіян былі выкарыстаны наступныя вызначэнні: «руская» (Дзевяткавіцкая, Косаўская, Луконіцкая і Маўчадская парафій); «польская» (Скрудзеўская, Слонімска-лацінская, Шарашоўская парафій); «польская з рускай памяшаная» (Бярозаўская, Сягневіцкая і Сялецкая парафій); «польска-руская» (Пружанская парафія); «польская» і «руская» (Ківачыцкая парафія); «польская» і «руска-літоўская» (Дварэцкая парафія); «мова русінаў» (Раготнаўская парафія); «просты дыялект русінаў» (Ружанская парафія); «расійска-славянская» (Палонская парафія). У Дзятлаўскай парафій гаварылася пра наяўнасць канкрэтных вёсак (Засеце, Норцавічы, Погіры), дзе жыхары размаўляюць паміж сабой па-літоўску. Гэтаксама, як у Дзярэчынскай, у шэрагу іншых парафій (Луконіцкай, Маўчадскай, Палонскай, Пружанскай, Ружанскай) падкрэслівалася, што шляхта, у адрозненне ад сялян, звычайна размаўляе па-польску [48, арк. 10–15; 51, арк. 2–4].

²¹ Асобныя ўзоры маўлення гл. ніжэй у п. 1.6. Дадатка.

Staromyslskiey pospolstwo jednym tylko prostouzytym oyczystym Białoruskim Językiem, między sobą rozmawia o czym udowodni peryod przetłumaczony na tenże Język Białoruski» [45, арк. 145–147], Старапсуйскай²² («W obrębie tey Parafii bez Wyjątku pospolstwa Anawet drobniejsza szlachta po wsiach mieszkająca Rozmawia Językiem Białoruskim») [45, арк. 168–169] і Узмёнскай («Białoruskim») [45, арк. 174–175] парафій.

«Беларускай» мову сваіх парафіян пазначылі таксама святары Валосавіцкай («Białoruskim») [46, арк. 85–87] і Мала-Долецкай («w całym Obrębie Parafii Mało-Doleckiey gadają językiem Białoruskim») [46, арк. 109–111] Барысаўскага, Хоўхлаўскай («jednym dyalektem to jest Białoruskim rozmawiają») Вілейскага, Скрудзелінскай, Фабіянаўскай і Кшчаўскай (Хржэўскай) («Białoruskim») [45, арк. 274–284] парафій Зельбургскага павета.

Дзісенскі парафіяльны святар пісаў, што мова, якая бытуе ў яго парафії ў шырокім ужытку, ёсць «беларуская польская» («w Parafii Dzisnieńskiey pospolicie jest używany od prostoty dorze muwjenja się między sobą Język Białoruski Polski») [45, арк. 122–123]. Дзмітравіцкі плябан Стэфан Лапушынскі з Барысаўскага павета адзначаў, што сяляне, якія складаюць ягоную парафію, «размаўляюць усе на дыялекце літоўска-беларускім, часам ужываюць і расійскую» («Kmiecie Parafią Dzmítrowicką składający mówią wszyscy Dyalektem Litewsko-Białoruskim, czasem używają i Rosyjskiego») [46, арк. 103–105].

Бадай, самы разгорнуты адказ, што яскрава характызаваў этнамоўную карціну ў Друйскай парафії, даў святар Аляксандр Мараўскі: «Мястэчка Друя наколькі мае жыхароў розных народаў, настолькі рознымі мовамі і розніца: падлічаная шляхта і некаторыя жыхары размаўляюць па-польску, іншыя ж па-беларуску. Яўрэі па-яўрэйску, па-нямецку, па-польску і па-беларуску, а некаторыя ведаюць знік? літоўскую, латышскую і эстонскую. Расійская ж мова ў малой ступені ўжываецца ад некаторых, дый то ў часе вайсковых пастояў» [45, арк. 124–125].

У выпадку са святарамі, што ўжылі ў дачыненні да мясцовай мовы вызначэнне «беларуская», звяртае на сябе ўвагу адсутнасць у іх паведамленнях яўнай шаблоннасці адказаў на чацвёртае пытанне анкеты, характэрнай для паведамленняў іншых святароў, што, як пад капірку, вызначалі мову сваіх парафіян, напрыклад, як «польска-рускую» ці «руска-польскую». Змястоўная арыгінальнасць адказаў пра «беларускую» мову тым больш цікавая, што яны маюць яшчэ і геаграфічную заканамернасць – большасць іх атрымана з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі з умоўным «эпіцэнтрам» на гістарычнай Дзісеншчыне²³. Гэта можа сведчыць пра ўсведамленне сваёй беларускай ідэнтычнасці ўніяцкімі святарамі гэтага рэгіёна. На падставе статыстычных матэрыялаў, сабраных П.І. Кёпенам у 1827 г., немагчыма сказаць, ці самаідэнтыфікавалася насельніцтва ў падобных этнамоўных тэрмінах, што фігуравалі ў адказах мясцовых святароў. Хутчэй за ўсё, апошнія папросту не былі свядомыя сваіх парафіян (галоўным чынам сялян), а самі вырашалі як назваць іх мову. Права апошняга ж слова ў вызначэнні этнічнай прыналежнасці насельніцтва, як паказвае створаная П.І. Кёпенам табліца «О народности и языке жителей» (гл. табліцу 1), у духу свайго часу аддавалася дасведчанаму і аўтарытэтныму спецыялісту, але не самім людзям. Хоць і нешматлікія, але зусім не адзінкавыя згадкі пра «беларускую» мову ўжо ў 1820-я гг. даюць падставы гаварыць пра больш раннія рэфлексіі беларускасці ў асяроддзі мясцовай інтэлігенцыі, чым гэта было прынята лічыць у гістарыяграфіі дагэтуль [1, с. 67–75].

Што рэлігійныя сувязі святароў адбіваліся на атрыманых адказах, можа сведчыць казус «**палеска-літоўскай**» мовы, пра якую паведамілі адразу чатыры святары з Бабруйскага павета. Так, парох Іасафат Рагоўскі не толькі сцвярджаў, што «дыялект мовы ў Бортніцкай парохіі ва ўсіх вёсках, што яе складаюць, ёсць просты палеска-літоўскі» [46, арк. 7–8], але яшчэ і пісаў пра яго арэал – маўляў, ён цягнецца «па рэчцы Бярэзіне праз паветы Барысаўскі, Ігуменскі, Бабруйскі па гор. Рэчыцы, а ад гор. Мазыра да беларускіх губерняў праз Рагачоў па правым беразе р. Дняпро праз Жлобін, Стрэшын, Рагачоў, Быхаў, Магілёў, Шклоў; у гэтых месцах дыялект змяняецца адпаведна губерням, да якіх Беларусь прымыкае» [Тамсама]. Яго брат, адміністратар суседняй Міхалеўскай царквы Ян Рагоўскі даў вельмі падобны адказ, што гэтаксама «ва ўсіх вёсках той парафії без выключэння дыялект мовы ўжыванай ёсць просты палеска-літоўскі», які «шырока цягнецца і павінен распачынацца адменай сваёй у беларускіх губернях» [46, арк. 38–39]. Пра тое, што ў іх парафіях усе гавораць на «простым палеска-літоўскім дыялекце», паведамлялі святары туркоўскі Павел Шафаловіч [46, арк. 58–59] і вольніцкі Пётр Бычкоўскі («Wszyscy rozmawiają Dyalektem Polesko Litewskim prostym z przysłowem») [46, арк. 42–43]. Відаць, да канца не разабраўшыся, гэты варыянт адказа П.І. Кёпен памылкова пераклаў як «*польско-литовский язык*». Гэтаксама адзіны варыянт «палеска-руская мова», што фігураваў у адказе Бабруйскага святара Юстына Косткі²⁴, у выніку быў залічаны як «*польско-русский язык*» [46, арк. 5–6].

²² Мясцовы святар Ян Эльяшэвіч дадаткова даслаў таксама інфармацыю пра межы пашырэння апісанай ім («беларускай») мовы: «Ва ўсёй парафії, якую мы ўжо ўдакладнілі, усюды без выключэння пануе беларуская мова; у прылеглых парафіях таксама насельніцтва размаўляе на гэтай жа мове: здавальняючую ж лінію пра яе пашырэнне вызначыць немагчыма; наколькі ўдаецца заўважыць, можна толькі паведаміць, што гэтая мова распасціраецца ад горада Полацка, размешчанага ў Віцебскай губерні, аж да мястэчка Міхалішкі, якое стаіць на Віліі, у 9-ці мілях ад Вільні: у тых ужо ваколіцах можна пачуць жыхароў, якія тлумачацца дваяка, паводле патрэбы, альбо па-беларуску, альбо па-літоўску» [45, арк. 170–171].

²³ На жаль, геаграфія кампаніі па збору статыстычных матэрыялаў, арганізаванай П.І. Кёпенам у 1827 г., не дае магчымасці ахарактарызаваць усходнія межы пашырэння тэрміна «беларускі», вызначэнне якіх на той час лічылася палітычна бессэнсоўным. Галоўнай яе мэтай, як ужо адзначалася, было высветліць мяжу паміж «рускімі» і «літоўскім племенем», гэта значыць усходнімі славянамі і балтамі.

²⁴ Поўны яго адказ даслоўна гучаў так: «Parafianie Rozmawiają Językiem Polesko-Ruskim oprucz Słobody Naczerowki filipinskiey gdzie mówio Językiem Ruskim» [46, арк. 5–6].

Два святары з Вілейскага павета (Маркаўскай і Ушанскай парафій) і адзін з Бабруйскага (Галынскай парафій) незалежна адзін ад аднаго пісалі, што іх парафіяне размаўляюць на мове «простай літоўскай» («Językiem prostym Litewskim»). Пры гэтым, як вынікае з прыкладзеных да ведамасцей узораў маўлення²⁵, пад ёю яны разумелі менавіта мясцовы дыялект беларускай мовы.

Тэрмін «літоўска-руская» мова, які актыўна прасоўваў у навуковым дыскурсе П.І. Кёпен [55, арк. 9–13], згадалі ў сваіх адказах святары з Дубатоўскай парафій Завілейскага павета [45, арк. 185] і Гатаўскай парафій Мінскага павета [46, арк. 320]²⁶.

Зрэдку ў апісаннях мовы беларускіх сялян, зробленых уніяцкімі і каталіцкімі святарамі, фігуравала паняцце «славянская». Гэтак пазначыў мову сваіх парафіян парох Касарыцкай парафій Бабруйскага павета Данііл Фалевіч [46, арк. 28–29]. Антон Кляеўскі, які стаяў на чале Дрычынскай парафій Ігуменскага павета, назваў мову мясцовых сялян «руска-славянскім дыялектам» [46, арк. 248]. Ян Мацкевіч з таго ж павета пісаў, што ў ягонай Якшыцкай парафій сяляне гавораць «дыялектам славянска-польскім папросту» [46, арк. 301]. На «простым славянскім» дыялекце, па сведчаннях мясцовага святара, размаўлялі жыхары Куранецкай парафій Вілейскага павета [46, арк. 59–60].

Такім чынам, вялікая варыяцыйнасць і множнасць моўных намінацый, прадстаўленых у паведамленнях святароў Віленскай, Мінскай, Ковенскай і Курляндскай губерняў, амаль ніяк не карэлявала з дасланымі ўзорамі маўлення, нават павярхоўнае азнаямленне з якімі красамоўна сведчыла пра іх прыналежнасць да адной мовы. Як жа дакладна назваць гэтую мову (і адпаведны народ), не мог пакуль вырашыць і сам П.І. Кёпен.

Адсутнасць літоўскіх тэкстаў у паведамленнях уніяцкіх святароў можна патлумачыць геаграфіяй сабраных матэрыялаў – яны дасылаліся з пераважна славянамоўных тэрыторый. Іншая пытанне – чаму ўзоры маўлення не прымацоўвалі да статыстычных ведамасцей каталіцкіх святары, у тым ліку з выключна літоўскіх парафій Віленскага ці Упіцкага дэканатаў Віленскай губерні? Незразумела, ці ставілася ім увагуле такая задача – праілюстраваць гаворку мясцовых жыхароў перакладам на яе фрагмента тэкста?²⁷ У любым разе, многія з іх былі вымушаны апісваць у сваіх парафіях куды больш складаную этнамоўную карціну, якая складалася ў беларуска-літоўскім памежжы яшчэ ў часы Вялікага Княства Літоўскага. Тут яны нарэшце сутыкаліся з галоўнай праблемай, абазначанай у дадатковым пытанні ведамасці – пра лінію размежавання літоўцаў і беларусаў («так званых русінаў»), якое заставалася без адказу ў абсалютнай большасці паведамленняў, дасланых святарамі з аддаленых ад літоўскамоўнай тэрыторыі парафій Віленскай, Гродзенскай і Мінскай губерняў.

З парафій, што межавалі з мясцінамі, дзе гаварылі па-літоўску, П.І. Кёпену паступіла даволі сціплая, але каштоўная для стварэння будучай этнаграфічнай карты інфармацыя. Так, хоць мова жыхароў Казянскай парафій Дзісенскага павета і была пазначана мясцовым святаром як «адзіная польска-руская», аднак ён дадаткова інфармаваў, што ўжо «за ракой Дзісенкай ужываецца літоўская мова» [45, арк. 137–138]. У суседняй Богінскай парафій, па звестках мясцовага святара, частка жыхароў размаўляла «па-літоўску», а частка «па-руску» [45, арк. 113–115].

На падставе назіранняў, зробленых смаргонскім святаром, які назваў мясцовую гаворку «руска-польскай», П.І. Кёпен занатаваў для сябе наступную інфармацыю пра этнамоўную і канфесійную сітуацыю ў гэтай частцы беларуска-літоўскага памежжа: «Замѣчаніе священника Сморгонскаго прихода, что отъ сего прихода начинается Греко-Римское исповѣданіе и чѣмъ дальше къ востоку слѣдую тѣмъ болѣе католическое исповѣданіе становится рѣже, изъ сего заключить слѣдуетъ что Литовскаго Княжества послѣднимъ предѣломъ былъ Сокольскій приходъ, ибо въ разстояніи трехъ миль отъ города Сморгони говорятъ нарѣчіемъ настоящимъ Литовскимъ, а Польско-Русскаго даже не понимаютъ. Въ отношеніи семь можно бы принять рѣку Ошменку за границу которая въ разстояніи 2х миль отъ Сморгоня впадаетъ въ рѣку Вилію» [45, арк. 253–256].

Бакштанскі святар паведамляў з Ашмянскага павета, што жыхары яго парафій «ў вёсках Давергі, Зубавічы, Жыдзевічы, Доўнары размаўляюць на проста-літоўскай мове, а іншыя вёскі і засценкі – на дыялекце рускім або польска-рускім». Пры гэтым апошні варыянт наймення ён ілюстраваў тэкстам на мясцовай беларускай гаворцы [45, арк. 203–205]. Па сведчаннях юрацішкаўскага святара, па-літоўску гаварылі жыхары ў дзвюх вёсках яго парафій – Забелаўцах і Куправічах, у астатніх жа – на «руска-польскай» мове [45, арк. 257–260]. У гэтым выпадку для П.І. Кёпена не было сумневу, што гаворка тут ішла ўжо пра «*настоящий литовский языкъ*» [21, арк. 19].

Куды больш звестак пра этнамоўную «мазаіку» беларуска-літоўскага памежжа змяшчаюць паведамленні каталіцкіх святароў Віленскага павета, што так і не былі дасланы П.І. Кёпену²⁸. Тут асобныя святары не толькі ўдакладнялі канкрэтную колькасць жыхароў, што размаўляюць на розных мовах, але яшчэ і сведчылі пра працэсы

²⁵ Адпаведныя ўзоры маўлення гл. ніжэй у Дадатку, п. 1.7.

²⁶ Паняцце «руска-літоўская мова» ўжыў адзін святар Дварэцкай парафій Гродзенскай губерні, які пісаў: «W sałej parafii kmięć rozmawia ięzykiem polskim i rusko-litewskim» [51, арк. 7].

²⁷ Варта адзначыць, што жадаючы адрозніць два асноўныя «калены» літоўцаў – «уласна Літву» і «Жмудзь», П.І. Кёпен у 1849 г. ізноў скарыстаўся метадам параўнання «образчиков речи». Спрабуючы даведацца «на счет характеристических признаков Жмуди и отличия от Литвы», ён прасіў П.В. Кукальніка «несколько периодов одного и того же содержания на том и на другом из этих языков». У адказ той даслаў яму невялікі тэкст малітвы на абодвух дыялектах [21, арк. 19–20].

²⁸ Інфармацыю аб пашырэнні літоўскай мовы, змешчаную ў гэтых паведамленнях, выкарыстаў у сваёй манаграфіі літоўскі гісторык В. Мяркіс [3, р. 44, 47–51].

іх моўнай асіміляцыі. Так, плябан Антоній Кульвель пісаў, што «ўсе вёскі, якія складаюць Лаварышскую парафію, паўсюль размаўляюць на рускім дыялекце, а родная іх літоўская мова пакінутая, і мала самі на ёй размаўляюць» [50, арк. 1]. Адносна «лініі», што падзяляе мясцовыя мовы ён разважаў наступным чынам: «Хоць паўсюль у Лаварышскай парафіі ад простага людзкі ўжываецца мова ў рускім дыялекце, аднак сорок гадоў таму ў паўсядзённых размовах па большай частцы ўжывалася літоўская мова асабліва ў вёсках, што размешчаны на захадзе, поўначы і ўсходзе, як на бліжэйшым баку вусця Жэймяны ў Вілію, дзе іншай мовы прасты люд не ўжывае, апроча як літоўскай. Гэта значыць паабাপал ракі Жэймяны, поўнач Віленскага павета, з іншага – цэлы павет Ковенскі, Упіцкі, Вілкамірскі, Браслаўскі і таксама амаль большая палова Завілейскага па такую ж лінію без перапынку размаўляе на літоўскім дыялекце. Адсюль лёгка зрабіць выснову, што па гэтай лініі адасабляецца літоўскай мова ад рускай, або славянскай польскай, на якой рэшта літоўскага народа размаўляе» [Тамсама].

Салечніцкі плябан Павел Грынашкewіч, які займаў пасаду віленскага дэкана, паведамляў, што «ўсе сяляне тутэйшай парафіі размаўляюць на карэннай літоўскай мове, аднак па прычыне блізкасці горада Вільні і двух вялікіх трактаў, што гэтую парафію ўздоўж перасякаюць, умеюць усе таксама гаварыць па-польску, і на гэтай выключна мове моляцца. Шляхта ж, якая жыве ў акаліцах і па сваіх фальварках, не ведае літоўскай мовы, размаўляе толькі па-польску» [50, арк. 5–6]. Далей, адказваючы на пытанне пра «лінію, што падзяляе літоўцаў і так званых русінаў», ён пісаў: «Карэнная мова мясцовых жыхароў парафіі ёсць літоўская, якая шляхце і «неразборліва» мала вядомая. Усе жыхары таксама размаўляюць моваю русінаў, што здаецца і сведчыць тут пра мяжу Літвы з русінамі. Што да іншых межаў літоўскага народа, то не будучы абазначаным у тых, што праходзяць паміж Коўнам і Дрысвяцкім возерам, ніякай мяжы ў тым баку не магу засведчыць: бо Салечнікі ад Дрысвяцкага возера на паўтара градусы геаграфічнай шыраты знаходзяцца на поўдзень. Далей заходзячы ў Гродзенскую губерню, з якой Салечніцкая парафія мяжуе, літоўская мова неўзабаве цалкам перапыняецца. У баку ж, што ляжыць паміж поўднем і ўсходам ад Салечнік, у наступных парафіях Ашмянскага павета, як напрыклад, Канвельскай, Дзявенішскай, Суботніцкай, і нават Івейскай, аж да Нёмана, аскепкі літоўскай мовы, там-сям ужыванай, я яшчэ чуў» [50, арк. 5–6].

Плябан суседняй Тургельскай парафіі Уладзіслаў Друцкі адзначаў, што ў ёй па-літоўску гаварылі ў дзевяці вёсках, у астатніх жа сяляне размаўлялі «на польскім дыялекце, мяшаным з рускім» [50, арк. 7–8]. Усе жыхары Рукойнскай парафіі, па вызначэнні ксяндза Яна Казлоўскага, размаўлялі «на прастай польскай мове, прымешваючы да яе шмат слоў з расійскай мовы» [50, арк. 9–10].

Амаль суцэльна літоўскамоўнай была Гervяцкая парафія, у якой жыхары толькі адной вёскі размаўлялі па-польску [50, арк. 3–4]. Як паведамляў быстрыцкі ксёндз Караль Іваноўскі, ва ўсёй яго парафіі ўсе «размаўляюць па-літоўску, рэдка калі па-польску і па-руску» [50, арк. 13–14]. Прыблізна такую ж інфармацыю падаваў буйвідзкі плябан Тадэвуш Намейка, што ў яго парафіі «ўсе размаўляюць паміж сабой найчасцей на літоўскай мове, аднак умеюць гаварыць і па-польску» [50, арк. 15–16].

Шматмоўнай, паводле апісання мясцовага святара Юзефа Калба, была Варнянская парафія, дзе жыхары размаўлялі «напераменку на рускай польскай і літоўскай мовах»²⁹ [50, арк. 11–12]. У суседняй Міхалішскай парафіі сяляне гаварылі, як сцвярджалася, «на літоўскім і польскім дыялекце» [50, арк. 23–24].

Згодна з паведамленнямі мясцовых святароў, у Табарышскай парафіі «паўсюдна размаўлялі на польскай мове» [50, арк. 17–18], гэтаксама як і ў Медніцкай [50, арк. 26] і Шумскай [50, арк. 21–22] парафіях. У Рудомінскай парафіі, як пісаў тутэйшы ксёндз, «сяляне ва ўсіх вёсках на адзіным дыялекце размаўляюць, гэта значыць на польскай мове з рускай мяшанай» [50, арк. 19–20].

Святары Глінцішскай і Падбярэзскай парафій адказвалі аднолькава, што «ўсе размаўляюць на польскай і літоўскай мовах, і няма ў дыялекце літоўскай мовы розніцы з памежнымі парафіямі» [48, арк. 1–3, 6–9].

Чым далей углыб Літвы была тая ці іншая парафія, тым больш звестак пра ўжыванне ў ёй літоўскай мовы паведамлялі мясцовыя рэспандэнты. Ксяндзы Упіцкага дэканату ўжо без ваганняў вызначалі мову сваіх парафіян як «літоўскую», пазначаючы часам толькі адзінкавыя населеныя пункты, у якіх некаторыя жыхары (пераважна шляхта) размаўлялі па-польску [49, арк. 1–26].

Заклучэнне. Такім чынам, шырокамаштабны збор статыстычных звестак і моўных матэрыялаў уніяцкімі і каталіцкімі святарамі ў Віленскай, Мінскай, Ковенскай і Курляндскай губернях, арганізаваны ў 1827 г. па ініцыятыве П.І. Кёпена, з аднаго боку, дазваляў упершыню размежаваць і акрэсліць на карце прыблізныя арэалы славяна- і балтамоўных груп насельніцтва былога Вялікага Княства Літоўскага. З другога – ён уздымаў складаную эпістэмалагічную праблему, звязаную з ідэнтыфікацыяй не столькі літоўцаў, колькі іх суседзяў беларусаў – шматканфесійнага народа, адносна этнічнай назвы, выразных меж і спецыфічных прыкмет якога пакуль не існавала агульнапрынятага меркавання.

Лінгвістычныя прынцыпы этнічнай ідэнтыфікацыі і дыферэнцыяцыі беларусаў і літоўцаў, скарыстаны З. Даленгам-Хадакоўскім і развіты П.І. Кёпенам, у значнай меры апырэдджаў свой час, бо этнічны склад насельніцтва губерняў Расійскай імперыі аж да 1860-х гг. вывяляўся пераважна на падставе крытэрыю веравызнання.

²⁹ Адносна паходжання мясцовай літоўскай мовы варнянскі плябан пісаў: «Паводле заўваг і пераканання свайго, літоўская мова, ужыванне якой дзе-нідзе трымае сярод жыхароў Варнянскай парафіі дагэтуль, бярэ свой пачатак ад першаасновы літоўскага народа ад граніц Коўна з-пад Курляндцы» [50, арк. 11–12].

Менавіта моўная адметнасць гэтых народаў стала галоўным «ключом» да вырашэння праблемы правядзення «лініі» паміж імі як двума адрознымі этнічнымі супольнасцямі.

Дадатак

Узоры гутарковай мовы («образчики речи»), сабраныя П.І. Кёпенам у 1827 г. пры дапамозе святароў Віленскай, Ковенскай, Мінскай і Курляндскай губерняў³⁰

1.1 Узоры маўлення, ахарактарызаванага як «польска-руская» ці «руска-польская» мова:

<Rusko Polskim>³¹

Wytlumaczenie Peryodu s Polskiego na Prostý Dyalekt

Naprasna Backa Janulu biw, łajaw, na pakutu asadzawau, nic nie pamahało. Janula zawsiódy nie pokazalna ubrany. Siniaki miew pa cełum ciele, oczy padbitye, pa kolki guzów na ciele niczogo wystęczyć (1) nia można było; i choć jamu dalako boley sprawlano jak druhim dzieciom, jón zawsiódy byw upeckany, zawalany i abdziorszysia. Sukni jaho tak byli paszarpanye kapielusze tak pałoman saroczka (a) tak zżata że kali chto z obcych (*) da dwara zajeżdżawsia Janula zawsiódy pędóm uciekaw kab nie pokazatca hosciam.

(1) Niektórzy mówią nastarczyć naparatca <sic>

(a) Koszulę niektórzy jeszcze nazywają łajno.

(*) Obcego człowieka niektórzy nazywają czużnik.

Takowy Peryod wtłumaczylem. Xiądz Jakób Prokopowicz. Administrator Bierkowski i Koscielnickiey

<з Беркаўшчынскай парафіі Вілейскага павета>

(СПбФ АРАН – Ф. 30. Оп. 1. Спр. 78. – Арк. 12–13)

<Dyalektem Polsko-Ruskim>

Parochianie Rzymsko Katolickiey Unitskiey Cerkwi Paperniańskiey lubo dość dobrze posiadaią dyalekt Polski, pospolicie jednak między sobą rozmawiają zwyczajnie dyalektem Polsko Ruskim a to iak następnie –

Nadarmo backo Jaśka łaiaw, biu, na pakutu zasadżawau niczoho nie pamahło – Jasko zawsiódy niecharaszo adziety, siniaki miew po usiem ciele, niczoho jemu nastaracca niemożno było – y choć jemu nayboley spraulau, iak niekatorym dzieciom, jón zawsiódy byu niecharoszy uwalan y adziety – adzienia jaho zausiem było padziorto, kapielusze pałamany, kaszula u kakach – a kali chto z czużnych na dwor uziedzżau, Jaśko zausiahdą skoro uciekaw, y chawausia pa kutkach szto nie pokazatca haściam.

– Datt u Plebanii Papierniańskiey r. Dbra 24 dnia.

Administrator Cerkwi Papierniańskiey Xiądz Floryan Chokwiński

<з Папярнянскай парафіі Мінскага павета>

(СПбФ АРАН. – Ф. 30. Воп. 1. Спр. 79. – Арк. 369–371)

<Dyalektem Polsko-Ruskim i naylepiey rozumia dialekt polski>

Parochianie Piaciewskiey Cerkwi lubo dość dobrze rozumieją polski i ruski dyalekt, a toli pospolicie między sobą używają do rozmow dyalektu polskie-ruskiego a to jak następnie:

Nadarmo Janka łaja szto dzień swaiho Wasila z jaho niczoha dobraha nie spadziwadca, hultay, niepastuszny, niedbalica niczoho jamu nie pamahaja, napaminac jaho i bić prabawau – adnak Wasil usio adnakau – u jaho i siarmiaszka skora dziarecca, szapka i kapialusz zauniwacz ad saroczki, kaunier matajacca i sam umurzan jak sopucha, a kali zdarycca u chacie czuży czalawiek – to Wasila z kuta nie waparysz – chto jaho znaja – czy ion saromiaitca – czy ludziey baicca – usio ulupiuszy u ziemi woczy paziraja z padałba led-led.

X. Nikodem Weryha Administrator Cerkwi Piaciewskiey – roku 1827³⁰ gbr. 25 dnia

<з Пяцеўскай парафіі Мінскага павета>

(СПбФ АРАН. – Ф. 30. Воп. 1. Спр. 79. – Арк. 378–380)

1.2 Узоры маўлення, ахарактарызаванага як «руская» мова:

<Zwykłym Rusko-Chłopskim Językiem>

Na praśna Backa Janku łajaw, biu, na pakutu zasadżau, niczego nie pomahało, Janka zawsiehdą nie charaszo adziety, siniaki miew po cełym ciele woczy popodpiwany, pa kolki znakou na widzie, niczoho iemu nabracca nie można było, choc iemu boley sprawlana, jak drugim dzieciom, jón zawsiehdą byu umazany, abdziorty, adzieża jeho zawsiehdą

³⁰ Тэксты ўзораў маўлення, выбраных для публікацыі ў якасці паказальных прыкладаў, друкуюцца з захаваннем арыгінальнай графікі, арфаграфіі і пунктуацыі.

³¹ У загалоўкі да ўзораў маўлення вынесены адказы святароў на пытанне ў чацвёртай графе анкеты.

była padziortaia, bryl tak złomany, saroczka tak sciorta, szto kali chto z czużych da domu zaiedzie, Janka zawsiehda miham uciekaje, chowaietca pa kutkoch, szto by nie pokazatca hasciom.

Takowy peryod językiem Parachyan Cerkwi korytnianskiey przełożyłem. Xiądz Bazyli Prożoha administrator Cerkwi korytnianskiey.

<з Карытнянскэй парафіі Бабруйскага павета>
(СПбФ АРАН. – Ф. 30. Воп. 1. Спр. 79. – Арк. 25–27)

<Ruskim mieszaіąc Polski>

Wiadomość Jak w Parafij Stańkowskiey Ludzie z Sobą Rozmawiaią – 1827 roku dbra 26. podana

Tatulka każe nucie dziecki ustawaycie da idziecie małacić czas użo dauno piauny spiewaiuć, syn każe at wasza Tatulka wypausia udzień dak ciepier niechociesz a kap hetek napracawausia iak ia toby piaunom nie prysłuchiwausia; nucie niebożata ustawaycie da idziecie bo iak daś Boh dzień to trzeba budzie paisci da młyна kab zmałoc toie Żyta szto katory dzień staіć u młyніe hetoż u nas chleba niema a zautra dumaіem siaki taki bankiet sprawić to iszcze waźmi mierku Pszanicy da izmiali na Pirahi – Tatulka każe ia paiedu wazmu hdzie kolwiek wiadro harełki, Syn każe sztoż to wiadro harełki znaczc prynaymniey sa dwa i tak szto niebyło mało hetoż waszecinyh odnych Bratou Piacioch i usiaki z Żonkoіu pryedzie a Matulczyna radzina a da taho i susiedzi buduć³². –

Takową Wiadomość Podaiąc podpisuię Datt ut supra Xiądz Symon Ralcewicz Administrator Cerkwi Stankowskiey

<з Станькаўскай парафіі Мінскага павета>
(СПбФ АРАН. – Ф. 30. Воп. 1. Спр. 79. – Арк. 392–395)

1.3 Узор маўлення, ахарактарызаванага як «польская» мова:

<Wszystkich moich parafian rozmowa nieinsza iak polska prosta>

Naprasna Backa Jasia łaiaw, biu, na pakutu zasadzawaw, niczoha iamu nie pamahło, Jaś ustawicznie niecharaszo ubrany, siniye mieu pa całym cieie, woczy padbityie, pa kolki guzou na łbie, niczoha iamu nastarczacca nia można było i choć iamu, daloka bolij spraulana iak druhim dzieciom, ion ustawicznie byu czorny, brydkij i abdziorty sukni ieho tak byli paszkatutanyie, kapialusz pałamany, kaszula tak zhadzana, szto kali chto z czużych da dworu zaiezdza, Jaś ucikau, chawawsia pa kutkoch kab nie pakazacca hasciom.

Abraham Szelepin
<з Забашавіцкай парафіі Барысаўскага павета>
(СПбФ АРАН. – Ф. 30. Воп. 1. Спр. 79. – Арк. 25–27)

1.4 Узоры маўлення, ахарактарызаванага як «простая» мова:

<prosty dyalekt>

Peryod.

Niepatrebna Bačka Jašku łaiū, biū, napakutu zaradziū, niczoha niepamahala; Jaška usiohdy niapryhoża abdziety, siniaki mieu pa całym cieie, woczy padbityia, pakolki guzou na łbie, niczoha iamu nabradzca niamożna było, i choć iamu daloka bolsz spraulana iako inszym dzieciom, ion zausiohdy byu hnusny, abmazany, i abdziorty, adzieża iaho była tako pradziorta, kapialusz tako pałomlan, saroczka zciorłasia, szto kali chto z pastaronnych da chaty przyaždza, Jaška zausiohdy nayskarej ucikau, chawausia pa kutach, kab niapakazacca haściom.

Takowy peryod na prosty dyalekt przetłómaczyłem i ony własną ręką podpisuię – Prezentowany administrator Cerkwie Duniłowickiey X: Felicjan Gintowtt.

<з Дунілавіцкай парафіі Вілейскага павета>
(СПбФ АРАН. – Ф. 30. Воп. 1. Спр. 78. – Арк. 36–38)

<Prostym Jenzykiem mowy>

Peryod

W sposob mowienia w parafij Dębrowskiey z Polskiego na prosty język przełożony

Naprasno Backa Janku łajau biu na pakutu zasadzawau, niszto nie pomohło, Janka ni charaszo prybirawsia siniaki mieu pa wsiamu cieiu, woczy padbityie pa skolki gózw na łysinie, niczeho iemu nabratca ni można było i chodz iemu daloka bolay sprawlano iak innym dzieciom, jon zawsiahda byu czorny, zamurzany i abdziorty, switka ieho padziorta, magierka zjeczana, saroczka zmiata, chto tolki k nam pastaronny zajezdza Janka zawsiahda biežkom ucikau kryu sia pa kutach, szto ludzi nie baczyli.

Xiądz Jakub Byczkowski adm. ... Dombrowskiey
<з Дамброўскай парафіі Бабруйскага павета>
(СПбФ АРАН. – Ф. 30. Воп. 1. Спр. 79. – Арк. 20–22)

³² Тут пададзены пераклад іншага ўрыўка з кнігі К. Гофманавай.

1.5 Узор маўлення, ніяк адмыслова не ахарактарызаваны святаром:

Jakim w Całey Parafij Wielko-Doleckiey Kmieć rozmawia Dyalektem objaśnia Peryod następny. –

Nadarmo Baćko Jašku łajaw, biw, na pakutu zasadziwaw, niszto niepamahło; Jaśka zawsiody niecharaszo ubrany, miew siniaki pa całom ciełu, woczy padbityja, po kolki guzow na łabie, niczaho jamu nastarczyć niemożna było; y choć jemu daloka boley sprawluwano jak jnnym Dziętkam, jon zawsiody byw brudnyi, zawalanyi, y abdziortyi, sukni jaho tak byli paszarpanyje, Kapalusz tak pałamanyj, Saroczka tak zhnecienaja, szto kali chto z czużych da Dwara zajechaw, Jaska zawsiody biehom uciekaw, krywsia pa kutkach, kab niepakazacca Hosciom.

<з Вялікадолецкай парафii Барысаўскага павета>

(СПбФ АРАН. – Ф. 30. Воп. 1. Спр. 79. – Арк. 55)

1.6 Узоры маўлення, ахарактарызаванага як «беларуская» мова:

<іęzykiem Biłoruskim>

Darma Baćka Josku łaiu, biu i na pakutu sadziu niapamahło – Joska usiahdy niachayne ubrany, siniaki mieu po całym ciełe, woczy pobity, po kolka guzou na łbie, niczaho iemu nastarczyć nie można, i choć iemu daloko bolsz sprawlana, iak innym dziaciom, jon usiahdy byu brudny, zawaliny i odziorty – sukni ieho tak byli padziortye – kapelusz tak pałamany – saroczka tak była zmiata i sciorta szto kali chto z ustaronnych do dworu zaieżdzaie, Joska usiahda skora uciekau kryusia po kutach, kalib niepakazausia hasciom.

Gregorz Salmonowicz

<з Валосавіцкай парафii Барысаўскага павета>

(СПбФ АРАН. – Ф. 30. Воп. 1. Спр. 79. – Арк. 85–87)

<w całym Obrębie Parafji Mało-Doleckiey gadają językiem Biłoruskim>

Darma Baćka Janaczku łajau, biu, na pakutu asadzawau niapamahło: Janaczka zaüsiohdy niaprystoyna ubrany, siniaki mieu pa całym ciełe, woczy papadbiwanyja, pa kolka guzou na łbie, niczoha jamu niemożna było nastarczyć i choć jamu daloka boley spraulali jak druhim dziaciom, jon zaüsiohdy byu brudny, zabadziany i abdziorty; sukni jaho tak byli padziortye, kapialusz tak pałoman, zhnecian, szto kali chto z czużych da dwara zajażdza: Janaczka zaüsiohdy wielikim pendam uciekau, kryusia po kutoch, szto hasciam nie pakazatca.

<з Мала-Долецкай парафii Барысаўскага павета>

(СПбФ АРАН. – Ф. 30. Воп. 1. Спр. 79. – Арк. 109–111)

<Biłoruskim>

Naprasno Backa Janku łaiu, biu, na pakutu pasadziu, niczoha heto nie pomahło, Janka zausiehda abdziorty amarany siniaki pa usim ciełe jaho woczy padbityie łob u guzach, nie można jamu niczoha nabracca sztosz patom szto Backa a było i choć bolsz spraulau jamu jak druhim dziaciom, a jon zawsiehda abmazany abdziorty, siermiaszku jon nayskarey padziareć, kapalusz pałomić kaszulu satreć i abmażyć i kali chto u hosci pryedzić jak duż uciekaic pa kutach chawaica kab hosci nie abaczyli.

<з Кшчяўскай (Хржэўскай) парафii Зельбургскага павета>

(СПбФ АРАН. – Ф. 30. Воп. 1. Спр. 78. – Арк. 282–284)

1.7 Узоры маўлення, ахарактарызаванага як «простая літоўская» мова:

<Wszyscy Parochyanie mówią Dyalektem prostym Litewskim>

Nadaremnie Baćka Janku łaiu, biu, na pakutu asadzuwał, niczego nie pomahało, Janko zawsiehda nie chorosze adziet, siniaki mieu pa całom ciełe, woczy papadbiwany, pa kolki znakou na widzie niczoha iemu nabracca nia można było, a chacia jemu boley spraulana jak innym dzieciom, jon zawsieda byu umazany, abdziorty, adzieża ieho tak była padziortaja, magierka tak złomana kaszula tak zaciorta, szto kali chto z czużych da domu zaiedzie Janka zausieda miham uciekau – chawausia pa kutach szto by nie pakazacca hasciom.

Onufry Kułakowski

<з Галынскай парафii Бабруйскага павета>

(СПбФ АРАН. – Ф. 30. Оп. 1. Спр. 78. – Арк. 12–13)

<Dyalekt wszystkich Parafian potoczney czyli zwyczajney mowy jest iednostayny prosty Litewski

z małą mieszaniną niektórych wyrazów Polskich i Ruskich,

które zupełnie przekształcone ledwo ślad nieiakiś swego pochodzenia zatrzymują>

Peryod

Darma baćka Jasia łaiu, biu, na pakutu zasadzau, niczoha nie pomohło, Jaś zausiahdy niestroyna ubrany, znaki mieu pa całym ciełe, oczy padbitye, pa nieskalka huzou na łbie, niczoha iamu pastarczyć niemożna było, choć iamu dalioka boley spraulano iak drugim dzieciom, jon zausiahdy był brudny, zakareły i abdziorty, adzienie iaho tak było

padziortaie, kapialusz pałamany, kaszula sciortaia, szto kali chto z susiedau da domu pryjeżdżau, Jaś zausiahdz skoro uciekau, chawau się pa kutach, czto by haściam nie pakazaćca.

Takowy Peryod wytłómaczyłem na prosty Dyalekt 1827 roku Listopada 7 dnia co i ręki własney podpisem zatwierzam X. Adam Piotrowski Ad. Cer. Uszanskiy

<з Ушанской парафії Вілейскага павета>
(СПбФ АРАН. – Ф. 30. Воп. 1. Спр. 78. – Арк. 105–106)

ЛІТАРАТУРА

1. Терешкович П.В. Этническая история Беларуси XIX – начала XX в.: В контексте Центрально-Восточной Европы. – Минск: БГУ, 2004. – 223 с.
2. Gaučas P. Etnolingvistinė Rytų Lietuvos gyvenojų raida. XVII a. antroji pusė – 1939 m. – Vilnius : Inforastras, 2004. – 123 p.
3. Merkys V. Tautiniai santykiai Vilniaus vyskupijoje, 1798–1918. – Vilnius : Versus aureus, 2006. – 480 p.
4. Petronis V. Constructing Lithuania: Ethnic Mapping in Tsarist Russia, ca 1800–1914. – Stockholm : Stockholm University, 2007. – 309 p.
5. Комзолова А.А. Национальная идентичность в статистических исследованиях Северо-Западного края Российской империи (1860-е гг.) // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество: ежегод. – Вып. 3, ч. 2. – М., 2020. – С. 496–501.
6. Лебедин М. О племенном составе народонаселения Западного края Российской империи // Записки Русского географического общества. – СПб., 1861. – Кн. III. – С. 131–160.
7. Коялович М. О расселении племён Западного края России. – М.: Тип. Бахметева, 1863. – 36 с.
8. Столпянский Н. Девять губерний Западно-Русского края: в топографическом, геоэкономическом, статистическом, экономическом, этнографическом и историческом отношениях. – СПб.: Тип. Гогенфельдена и Ко, 1866. – 200 с.
9. Кеппен П. Этнографическая карта европейской России, составленная Петром Кеппеном. – СПб.: ИРГО, 1851.
10. Latham R.G. The native Races of the Russian Empire. – London: H. Bailliere, 1854. – 340 p.
11. Кеппен П. Об этнографической карте европейской России. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1852. – 40 с.
12. Кеппен П. Этнографический атлас Европейской России, составленный Петром Кеппеном. – Репринтное издание 1848 года. – СПб.: Альфарет, 2008. – 82 л.: 77 л. карт.
13. Köppen P. Über die von P. v. Köppen gesammelten russischen Sprachproben // Mélanges russes tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg. – St.-Petersbourg, 1861. – T. IV, livr. 2. – S. 210–217.
14. Кеппен П. О происхождении, языке и литературе литовских народов // Материалы для Истории просвещения в России. – 1827. – Ч. 3. – С. 3–106.
15. Köppen P. Ueber den Ursprung, die Sprache, und Literatur der lithauischen (oder lettischen) Völkerschaften; aus dem Russischen übersetzt von Peter v. Schrötter // Magazin, herausgegeben von der Lettisch-Literarischen Gesellschaft, in-8, Mitau, 1829. – S. 1–112.
16. Keppen P. O początkach, języku i literaturze narodów Litewskich, przez Piotra Keppena; przekład Leona Rogalskiego // Dziennik Wileński. Historia i Literatura. – 1828. – T. 5. – S. 3–30.
17. Географическо-статистический словарь Российской империи : сост. по поручению Рус. геогр. о-ва д. чл. О-ва П. Семенов, при содействии д. чл. В. Зверинского, Н. Филиппова и Р. Маака : [Т. 1–5]. – СПб., 1863–1885. – Т. 3, вып. 1: Лаа – Мам. – СПб.: В тип. В. Безобразова и Комп., 1866. – 743 с.
18. Мостовский М. Этнографические очерки России (учебное пособие). – М.: В Университетской Типографии (Катков и К⁰) на Страстном бульваре, 1874. – 152 с.
19. Народы России. Этнографические очерки. – СПб.: Тип. Тов-ва «Общественная польза», 1878. – Т. 1: Великоруссы. Малоруссы. Белоруссы. Поляки. Латыши. Литовцы. Финны. Эсты. Ливы. Мордва. Черемисы. Зыряне. Вотяки. Евреи. Молдаване. Цыгане. Болгары. – 498 с.
20. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1290. Оп. 1. Д. 157. Об учреждении при Виленском военном, Гродненском, Минском и Ковенском генерал-губернаторе должности чиновника особых поручений по собиранию статистических и исторических сведений и о назначении на эту должность ст. сов. Кукольника.
21. Архив Русского географического общества (АРГО). – Ф. 2. Оп. 1. Д. 34. Литовцы.
22. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). – Ф. 588. Оп. 2. Д. 2017. Донесение о первых успехах в России Зоряна Долуги-Ходаковского из Москвы 13-го Липца 1822-го.
23. Доленга-Ходаковский З. Путевые записки Ходаковского // Журнал Министерства народного просвещения. – 1838. – XII. – С. 477–527.
24. Ровнякова Л.И. Русско-польский этнограф и фольклорист З. Доленга-Ходаковский и его архив // Из истории русско-славянских литературных связей XIX в. – М.-Л., 1963. – С. 58–94.
25. Аксамітаў А. Ля вытокаў беларускага мовазнаўства: Са спадчыны З. Даленгі-Хадакоўскага // Комплекснае даследаванне фальклору і этнакультуры Палесся: Матэрыялы другой Міжнар. навук. фальк.-этналінгв. Канф. (Мінск, 14–15 крас. 2005 г.) / Уклад. В. Ліцьвінка. – Мінск: БДУ, 2005. – С. 4–12.
26. ОР РНБ. – Ф. 588. Оп. 4. Д. 7. Прибавление 15. Января 1823 г. к карте славянск. Городства, показанного в Северо-Западной части Российского Государства 13. июля 1822 г. и статья о Гуляй-городе. 1823 г.
27. Левшин А. Письма из Малороссии. – Харьков: в Универ. Тип., 1816. – 206 с.
28. Орельский Н. Поездка из Санкт-Петербурга в Малороссию, 1839 года. – СПб.: В Тип. Н. Греча, 1840. – 39 с.
29. Есимонтовский Г.Н. Описание Суражского уезда, Черниговской губернии. – СПб., 1846. – Ч. 1. – 118 с.
30. Ковальский М. Дорожные заметки // Русский Вестник. – 1863. – Т. 46. – С. 191–206.
31. Домонтович М.А. Черниговская губерния. – СПб.: печатано в Тип. Ф. Персона, 1865. – 686 с.

32. Гамалія К. Земля и люде в Росіі. – Київ: Тип. Г. Т. Корчак-Новицкаго, 1883. – [Вип.] 5: Білоруссія и Лытва. – 20 с.
33. Косич М.Н. Литвины-белорусы Черниговской губернии, их быт и песни. – СПб. : тип. кн. В.П. Мещерского, 1903.
34. Карский Е.Ф. Этнографическая карта белорусского племени. – Пг., 1917. – 32 с. (Труды Комиссии по изучению племенного состава населения России. – Вып. 2.).
35. Гуленко М. Среди болот и лесов. Краткий рассказ о Белорусии и белорусах. – М.: Отделение Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1903. – 64 с.
36. Янчук Н. По Минской губернии (заметки из поездки в 1886 году). – М.: Тип. А. Левенсон и Ко, 1889. – 130 с.
37. Вольтер Э. Об изучении литовского языка и племени // Памятная книжка Виленской губернии на 1887 год. – Вильна, 1886. – С. 123–133.
38. Кеппен П. О народных переписях в России. – СПб. : Тип. Мин-ва внутр. дел, 1889. – 94 с.
39. АРГО. – Ф. 2. Оп. 1. Д. 159. Виленская губерния.
40. АРГО. – Ф. 2. Оп. 1. Д. 173. Гродненская губерния.
41. Францев В.А. Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX ст. – Прага Чешская: тип. «Политика», 1906. – 692 с.
42. Каупуж А. З. Доленга-Ходаковский и И. Н. Лобойко // Советское славяноведение. – 1968. – № 5. – С. 55–57.
43. Kuryer Litewski. – 1822. – Nr. 78 (30 czerwca). – S. 1.
44. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). – Ф. 30. Оп. 1. Д. 77. Сведения о русских наречиях.
45. СПбФ АРАН. – Ф. 30. Оп. 1. Д. 78. Сведения о русских наречиях.
46. СПбФ АРАН. – Ф. 30. Оп. 1. Д. 79. Сведения о русских наречиях.
47. Карский Е.Ф. Белоруссы : в 3 т. – Варшава : Тип. Варшав. учеб. округа, 1903–1922. – Т. 1 : Введение в изучение языка и народной словесности. – 1903. – 466 с.
48. Lietuvos valstybės istorijos archyvas (LVIA). – F. 694. Ap. 1. B. 743. Ведомости о числе лиц, говорящих на литовском и латышском языках по Пружанскому деканату Гродненской губ. и по Глинцкому и Подбжескому приходу Виленской губ. 1827 г.
49. LVIA. – F. 694. Ap. 1. B. 744. Ведомости о числе лиц, говорящих на литовском и латышском языках по Упитскому деканату. 1827 г.
50. LVIA. – F. 694. Ap. 1. B. 769. Ведомости о числе лиц, говорящих на литовском и латышском языках по Виленскому деканату. 1827 г.
51. LVIA. – F. 694. Ap. 1. B. 770. Ведомости о числе лиц, говорящих на литовском и латышском языках по Слонимскому деканату. 1827 г.
52. Hoffmanowa K. Powieści moralne dla dzieci. – Warszawa : W Drukarni przy Nowolipiu № 646, 1820. – 178 s.
53. Внуковіч Ю.І. Записы беларускага фальклору і мовы 1827 г. са Стара-Псуйскай парафіі Дзісенскага павета // Беларускі фальклор: матэрыялы і даследаванні. Вып. 12 / Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі ; гал. рэд. Т.В. Валодзіна. – Мінск: Беларус. навука, 2025. – С. 279–285.
54. Внуковіч Ю.І. Маркеры этнічнай ідэнтычнасці жыхароў Віленшчыны (па матэрыялах палявых этнаграфічных экспедыцый пачатку ХХІ ст.) / Ю.І. Внуковіч // Studia Białorusnistyczne. – 2023. – Vol. 17. – S. 65–87.
55. Запрудскі С.М. Аб «харкаўскім следзе» вывучэння беларускай мовы ў першай чвэрці ХХ ст. // Studien zu Sprache, Literatur und Kultur bei den Slaven. Gedenkschrift für George Y. Shevelov aus Anlass seines 100. Geburtstages und 10. Todestages. Andrii Danylenko, Serhii Vakulenko (eds). – München-Berlin: Verlag Otto Sagner, 2012. – С. 274–294.

Паступіў 12.05.2025

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ БЕЛОРУСОВ И ЛИТОВЦЕВ НА ОСНОВАНИИ «ОБРАЗЧИКОВ РЕЧИ», СОБРАННЫХ П.И. КЁППЕНЫМ В 1827 Г.

канд. ист. наук, доц. Ю.И. ВНУКОВИЧ
(Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси, Минск)

В статье рассматривается одна из первых попыток статистического учёта «нерусского» населения европейской части Российской империи, когда П.И. Кёппен в 1827 году пытался выяснить примерную численность и границы расселения «литовских народов». Главной проблемой, с которой изначально пришлось столкнуться исследователю при определении этнических границ в северо-западных губерниях Российской империи, было различие «настоящих» литовцев и соседних белорусов, имевших не только схожую культуру и традиции, но и общее внешнее название «литва» / «литовцы». Поэтому для её разрешения исследователь с помощью священников Виленской, Ковенской, Минской и Курляндской губерний организовал масштабный сбор данных о разговорном языке местных жителей как специфическом маркере их этнической идентичности.

Лингвистический принцип этнической идентификации и дифференциации белорусов и литовцев, первоначально использованный З. Доленго-Ходаковским и позднее развитый П.И. Кёппеном, значительно опередил своё время, поскольку этнический состав населения губерний Российской империи вплоть до 1860-х годов определялся преимущественно на основании критерия вероисповедания. Именно языковая отличительность этих народов стала главным «ключом» к решению проблемы проведения «линии» между ними как двумя отдельными этническими общностями.

Ключевые слова: этническая идентификация, категоризация, статистика, этнические границы, белорусы, литовцы, этнонимы, лингвонимы, историческая диалектология, П.И. Кёппен.

**ETHNIC IDENTIFICATION OF BELARUSIANS AND LITHUANIANS
BASED ON THE "SPEECH SAMPLES" COLLECTED BY P.I. KÖPPEN IN 1827****Yu. VNUKOVICH***(The Center for the Belarusian culture, language and literature researches
of National Academy of Sciences of Belarus, Minsk)*

The article examines one of the first attempts at statistical accounting of the "non-Russian" population of the European part of the Russian Empire, when P.I. Köppen in 1827 tried to determine the approximate number and boundaries of settlement of the "Lithuanian peoples". The main problem that the researcher initially had to face when determining ethnic boundaries in the north-western provinces of the Russian Empire was the distinction between "real" Lithuanians and neighboring Belarusians, who had not only a similar culture and traditions, but also a common external name "Lithuania" / "Lithuanians". Therefore, to resolve this problem, the researcher, with the help of priests from the Vilnia, Koŭna, Minsk and Kurliand provinces, organized a large-scale collection of data on the spoken language of local residents as a specific marker of their ethnic identity.

The linguistic principle of ethnic identification and differentiation of Belarusians and Lithuanians, initially used by Z. Daliénha-Chadakóŭski and later developed by P.I. Köppen, was significantly ahead of its time, since the ethnic composition of the population of the provinces of the Russian Empire up until the 1860s was determined primarily on the basis of religious criteria. It was the linguistic distinctiveness of these peoples that became the main "key" to solving the problem of drawing a "line" between them as two separate ethnic groups.

Keywords: *ethnic identification, categorization, statistics, Belarusians, Lithuanians, ethnic boundaries, ethnonyms, linguonyms, historical dialectology, P.I. Köppen.*

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Магалинский И.В., Штемпель О.П., Терентьев И.В. Технология изготовления ножей X–XII вв. с территории Могилёвского Поднепровья по данным металлографии	2
Ткачёва М.В., Осипенко А.Н. Результаты термогравиметрического анализа керамики из городищ раннего железного века Могилевского Поднепровья	7
Федорук Д.А. Вопросы изучения стеклянной тарной посуды Позднего Средневековья и Нового времени в историографии сопредельных с Беларусью стран	11
Соловьёв А.А. Итоги археологического исследования территории бывшего Францисканского монастыря в г. Полоцке в 2022 г.	17
Юрецкий С.С. Деятельность белорусских археологов в годы Великой Отечественной войны	28
Дзятчэня А.А. Інжынерныя аб’екты транспартнай інфраструктуры на беларускіх землях Вялікага Княства Літоўскага ў другой палове 60-х гг. XVIII ст. (на прыкладзе Віцебскага, Мсціслаўскага ваяводстваў і Аршанскага павета)	33
Стецкевич О.И. Крестьянство белорусских губерний конца XVIII – первой половины XIX века в освещении советской послевоенной историографии	40
Веретилко Ю.В. Губернские акцизные управления на белорусских землях в период 1897–1918 гг.	45
Страленя Г.А. Рэгуляванне сялянскага перасялення з боку мясцовай улады ў пачатку XX ст. (на прыкладзе Мінскай губерні)	50
Габрусевіч О.В. Церковь христиан Адвентистов седьмого дня на территории Беларуси (1906-1991 гг.): историографический аспект	55
Мох Е.Н. Государственная политика в сфере образования в условиях перехода к политехническому образованию в БССР в 50-е гг. XX в.	60
Сумко А.В. Сацыяльна-дэмаграфічная характарыстыка беларускай паваеннай вёскі	65
Пивовар Н.В. Общественное поисковое движение в Витебской области во второй половине XX – начале XXI в.	71
Аўсейчык У.Я. Радзінна-хрэсьбінная абраднасць старавераў Паўночна-Заходняй Беларусі (на матэрыялах палявых даследаванняў пачатку XXI ст.)	76
Внуковіч Ю.І. Этнічная ідэнтыфікацыя беларусаў і літоўцаў на падставе «Образчиков речи», сабранных П.І. Кёпенам у 1827 г.	84